

У. И. ЗЕНЬКОВИЧ

ОТ ДНЕПРА ДО НЕМАНА

Кемерово 2009

Ураний Иванович Зенькович

У.И. ЗЕНЬКОВИЧ

ОТ ДНЕПРА
ДО НЕМАНА

Записки фронтовика о стратегической
наступательной операции «Багратион»
по освобождению Белоруссии

Кемерово
Кузбассвузиздат
2009

У Р О Ж Е Н Ц У
Оршанского района Белоруссии
Президенту Республики Беларусь
Лукашенко Александру Григорьевичу,
героическому белорусскому народу
в честь 65-летия освобождения
Белоруссии посвящается

ОБ АВТОРЕ

Зенькович Ураний Иванович, 12 сентября 1926 года рождения, уроженец города Бийска Западно-Сибирского края.

17 октября 1943 года в возрасте семнадцати лет призван в Красную Армию и направлен в Новосибирск на Первые курсы радиотелеграфистов-коротковолновиков, по окончании которых в середине мая 1944 года был направлен на Третий Белорусский фронт.

В качестве радиста-оператора участвовал в боях за Дубровно, Оршу, Толочин, Крупки, Борисов, Смолевичи, Минск, Заславль, Воложин, Лида, Гродно.

После окончания войны ещё пять лет служил в Бресте и Бобруйске в войсках 5-й гвардейской танковой армии. Демобилизован в августе 1950 года, прослужив в армии около семи лет.

Тогда же поступил в Ташкентский юридический институт, который с отличием окончил и по распределению был направлен в органы прокуратуры Кемеровской области, работал прокурором, судьёй, инспектором областного комитета народного контроля.

После ухода на пенсию в 1987 году был приглашён доцентом-преподавателем правовых дисциплин в Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, где проработал ещё 20 лет. Оставил работу в восемьдесят один год с календарным трудовым стажем 60 лет. Опубликовал 12 учебников и методических пособий. Заслуженный работник культуры РСФСР. Имеет 23 государственные награды, в том числе белорусскую медаль «60 лет вызволения Белоруссии».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приближается шестьдесят пятая годовщина со дня окончания самой кровавой и разрушительной войны в истории человечества. В эту войну было втянуто шестьдесят одно государство и восемьдесят процентов населения земного шара.

В армии воюющих государств было мобилизовано 110 миллионов человек. На полях сражений и на захваченных врагом территориях было убито 52 миллиона человек и около 200 миллионов человек было искалечено.

Много городов и населенных пунктов было разрушено, а некоторые были стёрты с лица Земли.

Тяжелейшие потери понесла наша страна. В войне погибло 26 миллионов 800 тысяч человек.

Однако прошедшие десятилетия не стёрли в памяти народной, в сердцах фронтовиков события тех трагических и героических дней, радости и счастья от Великой Победы над фашистской Германией и её сателлитами.

Законы природы неумолимы. Фронтовиков с каждым годом становится всё меньше и меньше. Пройдет ещё несколько лет, и все они уйдут из жизни, а ведь каждый из них не только очевидец, но и активный участник исторических событий. Нередко он видел и пережил то, что кроме него никто не видел и не пережил. К тому же каждый человек индивидуален, у каждого своя степень восприятия окружающей действительности, своя оценка происходившего. Вот почему воспоминания каждого фронтовика актуальны и бесценны.

Глава 1

ПРИЗЫВ В АРМИЮ И ОБУЧЕНИЕ НА РАДИСТА

12 сентября 1943 года мне, тогда учащемуся второго курса Алтайского национального педагогического рабфака, эвакуированному по обстоятельствам военного времени из столицы горного Алтая в райцентр Онгудай, исполнилось семнадцать лет, а спустя месяц меня призвали в Красную Армию.

Собрав в районном Доме культуры призывников 1926 года рождения со всех сел и деревень Онгудайского аймака, офицер военкомата старший лейтенант Овчаров сказал: «По закону о всеобщей воинской обязанности мы вправе призывать в Красную Армию лиц мужского пола, достигших восемнадцати лет. Вам же только по семнадцать или чуть поболее, а кто родился в ноябре - декабре, то им ещё не исполнилось и семнадцати лет. Мы по обстоятельствам военного времени вынуждены нарушать закон. Фашистская Германия и её сателлиты в 1941-1942 годах захватили в СССР территорию, в восемь раз превышающую площадь самой Германии. На этой территории проживало более 80 миллионов человек - все они оказались в оккупации, и призывать в армию кого-либо из них невозможно. Ожесточённые сражения первых двух лет войны под Смоленском, Киевом, Москвой, Ленинградом, Харьковом, Сталинградом, на Кавказе унесли миллионы человеческих жизней, ещё больше было искалечено и непригодно для фронта. А поэтому вы - семнадцатилетние - являетесь резервом сражающейся Красной Армии. Понятно?»

Вопросов не последовало.

Много лет спустя я написал на эту тему стихотворение, в котором были такие строки:

На фронте гибли тысячи бойцов,
Счёт павшим шёл уже на миллионы,
К местам боёв тогда со всех концов
Спешили на подмогу эшелоны.

Интересный факт: военкомат со всего аймака собрал 68 призывников, но десять из них медицинская комиссия признала непригодными к военной службе. Хорошо помню, как они со слезами на глазах упрашивали военкома призвать их в армию, чтобы непосредственно участвовать в разгроме врага, изгнании его с территории Родины: «Мы в колхозе вкалываем по двенадцать-четырнадцать часов в сутки: пашем, косим, мечем сено в стога, пилим лес, а тут оказались непригодными».

Как это не похоже на поведение некоторых современных призывников, которые в мирное время любой ценой стремятся «закосячить» от армии.

Военную службу не выбирают. Меня военкомат направил в Новосибирск на Первые курсы по подготовке радистов-коротковолновиков Сибирского военного округа.

Офицер военкомата Овчаров, индивидуально беседовавший с каждым призывником, сказал мне: «Учиться на радиста ты будешь полгода. Сейчас в условиях небывало ожесточённой войны командиров стрелковых взводов готовят три-четыре месяца. Классного радиста за этот срок не подготовить. Надо знать материальную часть радиостанции, антенное хозяйство, приём и передачу на ключе, радиокоды. И потом - хороший командир бережёт радиста, понимая, что без связи ему хана, так что шансов остаться в живых у тебя будет больше. Хотя на фронте нередко и генералов убивают. Желаю живым вернуться с фронта, да ещё с наградой».

Я до конца своих дней буду благодарен старшему лейтенанту Овчарову за то, что он направил меня на радиокурсы, вследствие чего я приобрёл интересную и нужную специальность и внёс достойный вклад в разгром врага.

По личной учётной карточке я за время пребывания на фронте (ровно один год) передал и принял 2142 радиограммы, и каждая из них - либо боевой приказ, либо донесение о его выполнении.

На крышках наших радиостанций было выгравировано: «Товарищ радист! Помни: от твоего умения обеспечить связь зависит успех управления войсками в бою, а без управления нет победы».

В наставлении по радиосвязи говорилось: «Дежурство на радиостанции есть выполнение боевой задачи».

Как же мы - по сути ещё мальчишки на восемнадцатом году жизни - гордились тем, что причастны к управлению войсками, что мы тоже приближаем Победу.

* * *

Жилищно-бытовые условия Первых радиокурсов были просто великолепными. Казармы располагались в центре Новосибирска, не вдалеке от строящегося здания театра оперы и балета на Красном проспекте, в бывшем здании универмага.

В огромных и высоченных залах стояли металлические койки в три яруса с белоснежным бельём, ватными подушками и новенькими байковыми одеялами.

Старшина первой радиороты Касич, серб по национальности, после помывки в бане выдал нам новенькие гимнастёрки и шаровары, бушлаты на вате и набивные шапки-ушанки, а на ноги - американские сверхпрочные ботинки из кожи бизона с металлическими подковками на толстой подошве и полутораметровые обмотки. Жители глухих сибирских сёл кроме телогреек ничего не носили. Для них, постоянно живущих в бедности, скромное хлопчато-бумажное обмундирование казалось верхом роскоши.

Блокадник из Ленинграда, эрудит и эстет, интеллигент, вероятно, в десятом поколении, наш ротный запевала со звонким и чистым тенором Вася Положенский восхищенно произнёс: «Удивительна наша страна: воюем третий год, более трети населения - во вражеской оккупации, на заводах и фабриках по десять-двенадцать часов в сутки трудятся полуголодные подростки, женщины и старики, а нам выдали новёхонькое постельное бельё и обмундирование. Разве это не чудо?»

А радиоклассы были расположены в просторных и светлых аудиториях в здании института геодезии, картографии и аэрофотосъёмки, тоже на Красном проспекте. Они были оборудованы новейшей техникой.

Инструкторами у нас были асы радиодела: капитан Лapidус, лейтенанты Ковалев, Мархель, Денисов, Саенко, сержанты Ефремов и Мальцев.

И всё же пребывание на радиокурсах оставило самые тяжёлые впечатления.

Во-первых, нас кормили по скудной третьей тыловой норме. Уже через неделю у курсантов полностью исчезла утренняя эрекция. Балагур из глухой алтайской деревни Сашка Зырянов спросил Касича: «Старшина! А ты не подсыпаешь нам в кашу какой-нибудь порошок, чтобы мы на девок не заглядывались, не думали о плотском?» На что старшина серьёзно ответил: «Ничего я вам, Зырянов, в кашу не подсыпаю, а эрекция у вас пропала из-за скудости питания - разве вас, молодых и растущих, надо так кормить - баландой, где крупинка за крупинкой бегаёт с дубинкой? С наших харчей жить будешь, а по девкам бегать не захочешь».

Постоянным ощущением наших молодых организмов было сосущее чувство голода.

Оно постоянно мучило нас, и курсанты пользовались любым случаем, чтобы насытить свой желудок. Находящиеся в наряде на пищеблоке неумеренно ели сырой картофель, который всю ночь чистили для 960 курсантов, или квашеную капусту, после чего, как шолоховский дед Щукарь, два-три дня «страдали животом».

Некоторые даже пускались на авантюры. Однажды, приведя роту с завтрака во двор расположения, старшина Касич, как обычно, не распустил строй, а, пройдя вдоль его фронта и внимательно оглядывая каждого курсанта, зычно выкрикнул:

- Курсант Наговицын! Выйти из строя!

Первая шеренга расступилась.

Наговицын сделал четыре шага вперёд и круто повернулся лицом к строю.

Касич посуровел лицом и спросил Наговицына тоном, не предвещавшим ничего хорошего:

- А что это у тебя, Наговицын, спрятано на груди - вон как бушлат оттопыривается? Наговицын, опустив глаза, промолчал. Касич повторил вопрос - и опять молчание. Тогда старшина, повысив голос, приказал:

- Наговицын! Расстегни бушлат и достань из-за пазухи посторонний предмет.

Наговицын побледнел, затем его лицо приняло какой-то серый оттенок, губы задрожали, непослушными пальцами он расстегнул бушлат и вынул из-за пазухи мягкий, коричневый, бесформенный предмет.

- Это что такое, Наговицын? - спросил Касич.

Курсант размотал предмет. Это оказался женский чулок, в ступне которого находилось что-то твёрдое. Взяв из рук курсанта чулок, старшина вывернул его наизнанку. На снег упал смерзшийся кусок гречневой каши.

- Ну а теперь, Наговицын, расскажи сослуживцам всю историю, связанную с этим чулком, с самого начала.

Давясь словами, сгорая от стыда, Наговицын рассказал, что знакомая женщина передала ему чулок, а он, будучи в ночном наряде на пищеблоке, за час до подъёма, когда повара и весь состав наряда крепко спали, открыл крышку одного из котлов и, обнаружив там гречневую кашу, набил ею чулок, отнёс его за дворовую уборную и зарыл в снегу. Приходя в столовую, он задерживался в туалете, а когда курсанты приступали к еде, ножом откалывал кусок мерзлой каши, клал его в карман, затем в укромном месте съедал, а чулок с кашей вновь зарывал в снег за уборной. Сегодня же, видя, что каши осталось немного, взял чулок, спрятал его за пазуху, надеясь доесть в гардеробе за шинелями в казарме.

Старшина и курсанты молча, внимательно и сурово выслушали сбивчивую исповедь Наговицына. Когда он умолк, старшина спросил:

- Как это называется, Наговицын?

Виновник угрюмо молчал. Касич повторил вопрос. Опять молчание. Тогда Касич ответил сам:

- Это называется подлостью по отношению к товарищам, а, возможно, тебе с ними придется идти в бой. Это не просто подлость, а гнусная подлость по отношению к сослуживцам. Курсанты! Этот ворюга решил увеличить свой рацион, объедая других курсантов. В этот чулок вошло по меньшей мере сто порций каши. Наговицын знал, что обкрадывает товарищей, которые и так живут на полуголодном пайке, но это его не остановило. Совесть его не мучила. Он и на фронте может купить свою жизнь за счёт смерти сослуживца.

Высоким голосом, срывающимся на визг, Наговицын выкрикнул:

- Товарищ старшина! На курсах восемь рот - около тысячи человек. На кухне три котла. Я взял кашу понемногу из всех трёх - повар даже не заметил. Я сильно изголодался, увидел столько каши, не устоял. Ребята! Простите меня! - Наговицын снял шапку и опустился на колени. Рота угрюмо молчала, глядя на кающегося грешника.

Старшина скомандовал:

- Наговицын, встать! Поднять кусок каши!

Провинившийся выполнил приказ, но последовала новая команда:

- Ешь, подонок, эту злосчастную кашу - пусть курсанты видят, что ты за фрукт.

Наговицын начал канючить:

- Товарищ старшина! Каша превратилась в лёд, как же я смогу её есть?

- Это твои проблемы, Наговицын. Когда ты воровал у товарищей кашу, то ты об этом не думал. Куда ж теперь девать остатки каши? Выбрасывать пищу на помойку в военное время, когда люди шатаются от голода, безнравственно и подло. Предлагать кашу курсантам не резон - их сто двадцать человек, да и кто будет есть кашу, которая две недели лежала в

снегу на задворках уборной. Так что, Наговицын, не артачься и съешь кашу - опыт в этом ты поднакопил.

Попав в безвыходную ситуацию, Наговицын поднёс ко рту кусок коричневого льда, стал откусывать ледышки и, гоняя их во рту, согревал своим теплом, глотал, мучительно морщась. Его кадык при этом ритмически подымался и опускался. Видеть это было невыносимо тяжело. Минут через пятнадцать Наговицын покончил с кашей, о чём доложил Касичу, который счёл, что воспитание курсантов на отрицательном примере закончено, и распустил строй.

Курсанты обменивались впечатлениями от увиденного и пережитого. Блокадник-ленинградец Ленар Кавкун, интеллигент высшей пробы, морщась от душевного дискомфорта, размышлял:

- Наговицын, конечно же, мерзавец, но наказать его надо было в соответствии с дисциплинарным уставом, а не устраивать драму в одном действии, но и старшина, по-моему, поступил не менее подло, заставляя грешника перед строем роты грызть лёд целых полчаса.

Ленару возразил не менее интеллигентный, тоже ленинградец-блокадник Вася Положенский:

- А я старшину не осуждаю: ну дал бы он Наговицыну несколько нарядов вне очереди, чистил бы он пол в умывальнике, когда все спят, - какое бы это имело воспитательное значение на остальных? А сцена, которую разыграл Касич с помощью Наговицына, навсегда останется в памяти.

Действительно, прошло более шестидесяти лет, а неприятная картина жующего перед строем роты ледышки гречневой каши Наговицына до сих пор стоит перед глазами. В какую часть перед наступлением попал Наговицын, какова его фронтовая судьба, я не знаю. Фронт перевоспитывал многих.

Нагрузки были запредельными. Подъём в 6 часов утра, отбой - в 23 часа - это семнадцать часов на ногах. Занимались по двенадцать-

четырнадцать часов в сутки. От голода нередко темнело в глазах, а кое - кто падал в голодный обморок. Таких несли в санчасть, где фельдшер вводил в вену большой шприц глюкозы, давал бутерброд с маслом, ломтик сыра и укладывал спать. Через несколько часов бедолага возвращался в строй. Отставать от учёбы было нельзя.

Изнуряли разгрузка угля, картофеля, овощей и капусты для пищеблока, расчистка снега на аэродроме авиационного завода имени Чкалова, разгрузка алюминиевых листов на радиозаводе. От этих работ наше обмундирование становилось черным и лоснящимся.

Психически угнетал поминутный режим, жизнь по строгому графику - минута в минуту. Привыкшие к вольнице сельские парни кипели от злости, что даже по лёгкой нужде нельзя было сходить в туалет без разрешения.

Месяцами мы жили в замкнутом пространстве казармы или радиокласса, видели одни и те же давно надоевшие лица.

В радиоклассах на голову по шесть-восемь часов давили наушники, а голова пухла от писка в ухо сотен тысяч точек и тире.

Некоторые по первости, прослушав «морзянку», говорили старшине Касичу, что азбука Морзе, да еще в звуковом изображении, - это китайская тарабарщина, недоступная нормальному человеку. А эвакуированный с Украины Божок сказал Касичу: «Старшина! Не тратьте на меня силы, поставьте сразу к стенке, ибо эту галиматью я не осилю». На что Касич ответил: «У нас в армии есть хороший принцип: не умеешь - научим, не хочешь - заставим. И ты, Божок, поверь мне - через полгода будешь классным радистом и принесёшь много пользы. В цирке вон зайцы лихо играют на барабане, а их выучить чему-то намного сложнее. Музыкальных способностей здесь не требуется, а тренировками по шесть-восемь часов в день можно выработать необходимый для радиста автоматизм».

Так и вышло. Даже сейчас, через шестьдесят шесть лет, «морзянка» подсознательно звучит в ушах.

Когда нас обмундировали, старшина пригласил в распоряжение фотографа и велел всем сфотографироваться и послать фотографии матерям: «Через полгода мы вас отправим на фронт, откуда не все смогут вернуться, так пусть у матери останется хоть фотография, чтобы, глядя на неё, погрустить, поплакать».

Эту фотографию, на которой мне семнадцать лет и два месяца, я через много лет увеличил, и сейчас она открывает мой фронтовой фотоальбом. Часто смотрю на неё: очень юный солдатик с грустными глазами, вопрошающими: «А что меня ждёт?»

На радиокурсах нас не только обучали радиоделу, но и заботились о культурном развитии. Большинство курсантов были сельскими жителями западно-сибирских областей и никогда не бывали ни в театре, ни на концерте.

Мне 17 лет. Ноябрь 1943 года

Заместитель начальника радиокурсов по политической части майор Фаддеев заботился о духовном воспитании курсантов. В 1941 году в Новосибирск, тогда скромный областной центр с полумиллионным населением, было эвакуировано несколько известных московских и ленинградских творческих коллективов: Ленинградский академический драматический театр имени Пушкина, в труппе которого блистали Симонов, сыгравший Петра Первого в одноименном кинофильме; Скоробогатов, игравший Ленина в «Кремлёвских курантах»; Корчагина-Александровская,

Меркурьев, Толубеев и другие; Московский академический квартет имени Глазунова и др.

Денег за посещение спектаклей и концертов мы не платили, и как рассчитывался за нас майор Фаддеев - не знаю. Особо запомнились спектакли «Кремлёвские куранты» и «Без вины виноватые», а вот для квартета мы оказались совершенно не подготовленными, и виртуозная игра профессоров и лауреатов (две скрипки и два альты) до сердца не дошла.

Фаддеев приглашал в казармы знаменитого машиниста станции Инская, Героя Соцтруда Лунина, героев летчиков и танкистов, лечившихся в госпиталях Новосибирска. С ними состоялись душевные, интересные беседы. Курсанты задавали множество вопросов.

* * *

В конце апреля 1944 года специальная комиссия экзаменовала нас по приёму и передаче на ключе, материальной части радиостанций, градуировке радиостанций по эталонам, устранению неисправностей и другому. Я окончил курсы с отличием, а акт храню в своих воспоминаниях. Нам присвоили квалификацию радиста третьего класса и звание ефрейтора.

Седьмого мая старшина Касич отвёл строем нашу роту на вокзал Новосибирск-главный и усадил в плацкартный вагон поезда Новосибирск - Москва. На наши вопросы, на какой фронт нас направляют, он отвечал, что ему об этом ничего не известно, что в Москве в комендатуре Казанского вокзала он должен получить пакет с дальнейшими указаниями. Такая секретность была нормой в те времена. Это сейчас репортёры на весь мир «трезвонят», в какой бухте находится база атомных подводных лодок или какой завод, где и в каком количестве производит межконтинентальные ракеты.

Ехали мы на фронт весело, с песнями, с шутками-прибаутками, хотя в глубине души нередко возникал вопрос: а что меня ждёт на передовой, не стану ли я персонажем очередной похоронки или, не дай бог, калекой без ног или рук.

У меня много лет стояла перед глазами тягостная картина, которую мы видели в Новосибирске во время патрулирования в центре города. Против строящегося величественного здания театра оперы и балета нам повстречались три инвалида войны в затрапезных шинелях. Двое шли, опираясь на костыли, высоко поднимая плечи, у каждого из них было по одной ноге, а третий - без обеих ног ехал на низенькой тележке-платформе, отталкиваясь от асфальта короткими костыльками.

Мы, онемев, долго сопровождали глазами эту страшную процессию. Когда она миновала, старший патрульной группы, наш командир взвода лейтенант Ковалёв, очень воспитанный и корректный, никогда не употреблявший матерных слов, внезапно грязно и цинично выругался в бога, креста и загробные рыдания. Мы опешили, а лейтенант пояснил: «Смотрите, ребята, на трёх мужиков - только две ноги. Я бы этого германского фюрера без следствия и суда за эти злодеяния подвесил за яйца вверх ногами».

Увиденное долго давило на психику, и, следя за мелькающими деревьями в окне вагона, я думал: «Хоть бы меня миновала чаша сия».

Наш путь на фронт длился пять суток. Поначалу в силу выработанной за полгода на радиокурсах привычки старшина Касич ещё сохранял авторитет командира и удерживал необходимую дисциплину.

Однако через пару дней кое-кто, припомнив прошлые обиды и наряды вне очереди, наложенные Касичем, стал вынашивать идею «рассчитаться» со старшиной и сбросить его под поезд.

С моих позиций Касич был идеалом старшины роты. Отслужив ещё до начала войны в кадровой Красной Армии три года и дослужившись до своей нелёгкой и хлопотливой должности, он умело и со вкусом управлял ста двадцатью душами подчинённых.

Он жил при роте в каптёрке и круглые сутки (даже в ночное время) был при исполнении своих обязанностей: подъём, физзарядка, утренний осмотр, кормление, снабжение курсантов всеми видами довольствия, походы в кино

и театры, поддержание чистоты и порядка в казарме, отправка курсантов в увольнение и контроль за их возвращением.

Эту массу обязанностей он выполнял чётко, аккуратно, без сбоев и недоразумений, даже с каким-то щегольством. Благодаря этому в роте всегда был надлежащий порядок и моральный микроклимат, здоровяки не обижали слабых.

Конечно, Касич был далеко не ангелом, да и трудно им быть на такой должности. Поборник чистоты и порядка, он был безжалостен к неряхам, заставляя их после отбоя ещё два-три часа драить полы.

Касич в вагоне был единственным командиром. Здесь не было ни командиров отделений, ни полкомвзводов. Это придало когда-то обиженным смелости. Им хотелось подвести черту под своим «новобранством», расстаться с положением «салажат», самоутвердиться за счёт унижения того, перед кем совсем недавно тянулся в струнку, от кого полностью зависел.

Недовольные избрали «трибунал» из трёх человек, в числе которых, к моему удивлению, оказался и мой товарищ по радиокурсам Елисей (Леська) Беликов. Выступавшие обвиняли Касича в злоупотреблении властью, в обворовывании курсантов в продуктовом и вещевом довольствии.

Обсуждение грехов Касича было бурным и шумным. Его объяснения встречались насмешками и издёвками. Дисциплина, так настойчиво насаждаемая в роте Касичем, рухнула.

«Трибунал» вынес единодушное решение: спустить Касича под колёса вагона. Старшина спокойно выслушал приговор, только побледнел: «Если вы это сделаете, то виновных будет судить трибунал».

Раздались выкрики: «А нам всё равно!», «Не пугай - на фронт едем», а ефрейтор Бубнов, кривляясь, дурашливо пропел: «Больше пули не дадут, дальше фронта не пошлют».

Рослые ребята из первого взвода потащили Касича в тамбур. Ситуация стала критической. Могло случиться непоправимое.

Вася Положенский, Ленар Кавкун, Коля Давыдов, Андрей Шестаков и я призывали экстремистов образумиться, не брать греха на душу, не губить старшину, да и себя тоже. На фронте погибли миллионы, лишняя смерть в тылу была нелепой. Кто-то крикнул: «Пусть он встанет на колени, покается и попросит прощения». Многие дружно загалдели: «Верно! Не всё ему нами командовать. Становись, старшина, на колени и проси прощения!»

И наш командир - поилец и кормилец - уступил злой стихии, встал перед взбунтовавшейся ротой на колени, попросил простить его. В такой позе его продержали минут десять, кто-то натянул ему на лицо фуражку.

Унижение некогда грозного старшины удовлетворило мстительный порыв роты, Касичу разрешили встать с колен, и (что меня больше всего поразило) рота опять вошла в подчинение Касичу, ефрейторы беспрекословно стали выполнять его указания, пока в Смоленске он не передал нас командованию 24-го полка связи Третьего Белорусского фронта.

Ни солдаты, ни старшина к этой неприятной истории больше не возвращались, как будто её никогда не было.

Кузнец с Украины, угрюмый и жадный Сущенко (он был старше нас года на три), лёжа на средней полке, слюнявил химический карандаш и что-то писал на стенке вагона. Его сосед на противоположной полке Вася Положенский внимательно следил за ним. Когда Сущенко, закончив писанину, вышел в тамбур покурить, Вася перебрался на его полку и прочитал написанное, несколько раз хмыкнул и своим чистым музыкальным голосом позвал: «Хлопцы! Идите сюда! Послушайте, что этот куркуль написал: «Страшен и жуток крик филина в ночи, но вой и разрыв снаряда во много раз страшнее. Вот он ударился о землю - грохочущий взрыв, визг осколков, кто-то падает с пробитой головой, кто-то ползёт, волоча за собой вывалившиеся внутренности. Милостивый боже, не оставь меня милостью своей, определи в штаб армии фронта, а я в долгу не останусь».

Когда Вася дочитывал последнюю строчку, напившийся никотином Сущенко вернулся. Вася спросил его:

- Значит, вой и разрыв снаряда страшнее крика филина в ночи? Значит, ты просишь у боженьки определить тебя подальше от фронта? Значит, мы со своими «Эрбе на горбе» (РБ - радиостанция батальонная) будем обслуживать на передовой комбатов и командиров рот, а ты - генералов в двадцати километрах от передовой. Значит, мы должны ползать с рацией на спине вблизи гитлеровских траншей, слушать вой снарядов и мин, проливать свою юную кровь, а ты хочешь отсидеться в крупных штабах? Да ещё к богу апеллируешь?

- А твоё какое собачье дело? - перешёл в наступление Сущенко.

- Вот ты уже хамить начинаешь, ефрейтор Сущенко! Сразу виден недостаток культуры. Только ты учти, что радист то ты малоквалифицированный, третьего класса всего, а в штабах армий и фронтов сидят асы, способные «гнать» в эфир не двенадцать групп, как мы с тобой, а тридцать, а то и сорок. Их сверхмощные радиостанции работают на длинных волнах и питаются не от сухих батарей, как наши эрбээмки, а от движка. Так что смирись со своей участью и не мечтай о несбыточном.

Сущенко был подавлен аргументами Васи и не нашёл контраргументов. Кое-кто поаплодировал Васе, ибо Сущенко в роте не любили за скаредность, жадность, ростовщичество и угрюмый характер. Иногда он давал из подпольных запасов голодному пайку хлеба, но требовал назавтра вернуть две.

* * *

И вот долгожданная Москва. На Казанском вокзале Касич покормил роту горячей пищей - это была для нас большая радость, ибо питание всухомятку в течение пяти дней обрыдло.

Касич под роспись получил от военного коменданта секретный пакет, вскрыл его и ознакомился с содержанием. Двести сорок глаз внимательно вопрошали: какова наша дальнейшая судьба? Старшина, словно испытывая наше терпение, несколько минут молчал, затем произнёс: «Идём на Белорусский вокзал».

Тайна разъяснилась: мы будем освобождать Белоруссию.

Я никогда не был в Белоруссии, но корни мои белорусские - Зеньковичи происходили из Могилёвской губернии.

Старшина спросил, как мы будем добираться до Белорусского вокзала можно на метро, но так мы Москву не увидим, можно пешком порядком по улицам города. Большинство высказалось за пеший порядок. Многие были выходцами из глухих сибирских сёл и не всегда бывали даже в районном центре, никогда не видели ни поездов, ни трамваев, ни троллейбусов. Мой школьный товарищ, шестиклассник Вася Чашин, погибший позже под Берлином, написал в школьном сочинении: «По улицам города двигался трамвай, изрыгая из трубы клубы чёрного густого дыма».

Особенно удивили сибиряков двухэтажные троллейбусы, которые тогда бегали по Москве. Ефрейторы с любопытством разглядывали столичные проспекты, многоэтажные дома, памятники.

Касич, не в первый раз отвозивший выпускников радиокурсов на фронт, неплохо знал Москву. Он вывел роту на Садовое кольцо и по Садово-Спасской, Садово-Самотечной, Садово-Триумфальной, а затем по улице Горького мы добрались до Белорусского вокзала.

Мой друг Коля Давыдов, глядя на шагающего рядом с ротой Касича, задумчиво произнёс: «Старшина напоминает мне гуртоправа, который пригнал отару на мясокомбинат, сдал её под роспись и вернулся домой».

Касич, как и многие офицеры и сержанты радиокурсов, не стремился на фронт, исповедуя принцип: «Родина знает, кто и где должен служить. Прикажут убыть на фронт - поедем, не прикажут - будем готовить кадры для фронта в тылу. Нам и здесь неплохо, а без боевых орденов-медалей тоже можно жить».

Подобная позиция вызывала у мальчишек-курсантов пренебрежение, подозрение в трусости, стремление спрятаться за чужую спину.

Окна домов белели приклеенными к стёклам крест-накрест бумажными полосками, считалось, что они спасут стекло от разрушения взрывной волной.

Гитлеровские войска глубокой осенью 1941 года подошли к Москве на расстояние в двадцать километров, бомбили и обстреливали её из тяжёлых орудий, однако серьёзных разрушений мы на своём пути не видели - всего лишь несколько разбитых строений были огорожены сеткой-рабицей.

Москва несла на себе отпечаток военного времени. Немецкие войска стояли за Смоленском, а это всего пятьсот километров - час лёту для бомбардировщика «Юнкерс», поэтому обороне города уделялось большое внимание.

На площадях и в скверах стояли под маскировочной сеткой зенитные орудия или счетверённые зенитные пулемёты, а в воздухе висели огромные туши аэростатов воздушного заграждения. Девчата - солдаты войск ПВО, держа за кольца, вели по улице такую тушу.

Обычного для Москвы многолюдья, как и потока машин, не было.

На Белорусском вокзале нам опять повезло. Военный комендант выделил для роты два обычных пассажирских вагона. Увалень Андрей Шестаков, потянувшись, сказал: «Ну, что, кореша, выспимся в последний раз как нормальные люди, а то завтра в окопе вряд ли удастся поспать».

Нам казалось, что на следующий день мы будем уже на передовой.

А у меня при слове «Смоленск» заныло сердце. В ожесточённейшем Смоленском сражении в конце июля 1941 года где-то на Заячьей горе погиб мой дядя, брат отца, холостяк Василий Григорьевич Соломатин - чудесный парень, изумительно игравший на мандолине мелодии русских народных песен. Сердце не одной девушки Усть-Чарышской Пристани на Оби было разбито при известии о его смерти. Вася не оставил после себя ни жены, ни детей.

* * *

Рано утром 17 мая 1944 года наш поезд подошёл к станции Вязьма. Мы, подхватив котелки, кинулись на перрон за кипятком. Кипяток был, он подавался из крана-«гусака», но самого города не было. На территории, сколько хватал глаз, тянулись разбитые кирпичные и сожжённые дома, русские печи с закопчёнными трубами. Это было ужасно. Так мы впервые увидели страшное лицо войны.

Много лет позже в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» я прочёл, что из 5500 довоенных домов в Вязьме к моменту освобождения осталось только 50, гитлеровцы уничтожили в городе 30 тысяч жителей (до войны в нём проживало 34 тысячи) и военнопленных, а пять тысяч человек угнали на принудительные работы в Германию. При обороне Вязьмы в октябре 1941 года был ранен и застрелился, чтобы не попасть в плен, командующий 33-й армией генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Ефремов.

Увиденное сильно расстроило ефрейторов, они поняли, насколько безжалостна и страшна война и что уцелеть в ней - большое чудо. Их лица посуровели, исчезли балагурство, беспечный смех.

Днём 17 мая поезд прибыл в Смоленск. Касич построил роту и повёл нас в военную комендатуру для получения дальнейших указаний.

Мы шли мимо вдребезги разрушенных и сгоревших зданий старой архитектуры. На стенах бывших шедевров висели закопчённые мраморные доски, текст которых гласил: «Памятник культуры XVIII века. Охраняется государством».

Сразу бросилось в глаза, что Смоленск, как и Рим, расположен на холмах, очень озеленён, а часть города опоясана крепостной стеной, являющейся (как нам потом объяснил старожил) чудом фортификационного искусства. Высота стены из красного неоштукатуренного кирпича составляла пятнадцать метров, а ширина - пять метров, участки стены опирались на тридцать восемь массивных башен. Сколько же миллионов, а скорее

миллиардов кирпичей надо было выжечь на заводах, доставить сюда и уложить в стены и башни! Старожил города, пока Касич ходил в комендатуру, рассказал нам, что это чудо построил гениальный русский архитектор Фёдор Конь.

На лацкане пиджака нашего добровольного экскурсовода я увидел значок с изображением пушки, на стволе которой сидела какая-то птица. Я спросил о содержании значка. Старожил ответил: «Это герб Смоленска, на пушке сидит птица Феникс, которая сгорает, но потом возрождается из пепла. Так и Смоленск. Сколько его ни разрушали татаро-монголы, поляки, французы и прочие захватчики, он восставал из пепла и становился ещё краше».

В конце июня - начале июля 1970 года мне как лектору общества «Знание» посчастливилось вновь побывать в Смоленске на семинаре, и я увидел, что от того Смоленска, в который нас в мае 1944 года привёз Касич, ничего не осталось. За прошедшие четверть века он вырос в четыре раза и стал ещё красивее и наряднее. Смоленск навсегда вошёл в моё сердце.

Касич вошёл в здание комендатуры, где получил дальнейшие указания: «Нам предстоит здесь заночевать где-нибудь в сквере на шинелях, а утром пригородным поездом мы поедем до станции Гусино, а оттуда пешком (это часа четыре хода) - во фронтовое управление связи, где нас распределят по частям и соединениям. На этом моя миссия закончится, у вас будут другие старшины и офицеры».

По широкой красивой каменной лестнице (такую я видел только в Одессе) от красивейшего Успенского собора мы спустились к Днепру, умылись и всухомятку поели. Спали мы действительно в каком-то сквере. Ночью на город был налет с сильной бомбёжкой, земля содрогалась от взрывов, рушились стены уже разбитых зданий, но из нас никто не пострадал.

Утром следующего дня мы опять-таки в пассажирском пригородном поезде едем до станции Гусино - это конечная станция, дальше поезда не ходят, там недалеко фронт.

Когда мы сели в вагон, пожилая худощавая проводница долго присматривалась к нам, потом спросила: «И куда же это вы, такие молоденькие да зелёные, едете? - и, узнав, что на фронт, запричитала: - И кто это вас - совсем ребяташек - надумал послать воевать, вам бы ещё расти да расти. А если, не дай бог, убьют или покалечат - вот горе матерям будет».

За окнами вагона проплывали поля и перелески. Это кондовая российская земля - Смоленщина, давшая России немало выдающихся людей: Глинку, Пржевальского, Твардовского, Гагарина.

В одном купе с нами ехали два офицера-фронтовика: артиллерийский подполковник и совсем еще молодой капитан-врач.

В окне проплывали могучие кряжистые сосны. Внезапно подполковник, взяв капитана за плечо, указал на эти сосны: «Катынский лес - здесь немцы расстреляли несколько тысяч пленных польских офицеров».

Мы тоже придвинулись к окну, а подполковник продолжал: «Когда наши войска освободили эти места, то была создана международная экспертиза, подтвердившая это злодеяние гитлеровцев».

Увы... много лет спустя Президент СССР Горбачёв официально признал, что поляков расстреляли по указанию Сталина и Берия советские энкавэдэшники.

И вот мы идём от станции Гусино к местечку Красный, около которого расположено фронтовое управление Третьего Белорусского фронта, его структурное управление связи, и решит нашу судьбу.

День жаркий, на небе - ни облачка, мучает жажда. Слабовольные то и дело прикладываются к фляжке с водой, а потом клячат у других: «Дай глоточек». Под мышками скапливается пот. Гимнастерки на спине, под шинельной скаткой становятся мокрыми. Чтобы от пота не промокли пилотки, Касич разрешает снять их и заткнуть под ремень, расстегнуть

верхние пуговицы гимнастёрки. Однако это мало помогает - во рту сухо, язык, лишённый влаги, становится шершавым, как наждак.

Вдоль шоссе тянутся следы войны: подбитый и сгоревший немецкий танк, перевернутая вверх колёсами пушка, могильный холмик с деревянной пирамидкой и звёздочкой наверху, а вот и вбитый в землю кол с надписью: «Осторожно! Неразорвавшаяся бомба!»

Показались строения посёлка. Шоссе перегорожено шлагбаумом, около него двое часовых. Невдалеке замаскированная камуфляжной сеткой зенитка, устремившая свой длинный ствол в небо.

Касич на контрольно-пропускном пункте предъявил сержанту документы на радиороту. Ознакомившись с ними, сержант пересчитал нас и, подняв шлагбаум, показал строение управления войсками связи фронта. Подойдя к нему, Касич остановил роту, скомандовал: «Вольно», - а сам вошёл в здание.

Через несколько минут на крыльцо вышел высокий, статный, с чёрной окладистой бородой полковник. Он несколько минут внимательно нас разглядывал, потом поднёс ладонь к козырьку фуражки и густым басом пророкотал: «Здравствуйте, чалдоны!» Рота промолчала. Полковник недоумённо посмотрел на Касича и еще громче крикнул: «Здравствуйте, чалдоны!» Рота по-прежнему безмолвствовала. Полковник, нахмутив лоб, гневно обратился к Касичу: «Старшина! Почему твои ефрейторы не отвечают на приветствие?» Касич почтительно пояснил: «Товарищ полковник! Они не чалдоны. У нас чалдонами зовут восточных сибиряков - иркутян, читинцев и прочих, а они - западные сибиряки: новосибирцы, томичи, барнаульцы».

«Скажите, какие тонкости, - иронично изрёк полковник и, возвысив голос, крикнул: Здравствуйте, товарищи сибиряки!» Рота в сто двадцать глоток ответила: «Здравия желаем, товарищ полковник!» А он продолжал: «Я - начальник штаба войск связи Третьего Белорусского фронта. Начальника войск - генерала Букова - сейчас здесь нет, он инспектирует наши полки и батальоны, но я связался с ним по радио, и он в отношении вашей роты дал

такие указания: сейчас ваша рота вернётся на станцию Гусино и тем же поездом, на котором вы приехали (он там стоит до 18.00), вернётесь в Смоленск и вольётесь в состав 24-го Краснознамённого запасного полка связи, где продолжите учёбу по радиоделу до начала наступления в Белоруссию».

Рота загудела, слышались выкрики: «Мы не согласны. Мы на фронт ехали, а вы нас в тыл посылаете. Мы - классные радисты, зачем нас опять учить? Направляйте нас на передовую!»

Лицо бородача посуровело: «Митинги в армии, выкрики в строю недопустимы. Вас извиняет только то, что вы, несмотря на ефрейторские лычки, ещё далеко не солдаты. Радиокурсы, где вы учились, это не полк, не батальон, а всего лишь школа, хотя и военная. Вы, извините, ещё салажата. Теперь насчет фронта. Фронтом именуется не только передовая. Глубина фронта составляет 150-200 километров. От нас до немцев - километров пятьдесят, но мы на фронте, и вы в Смоленске тоже будете считаться фронтовиками - ведь полк-то фронтовой, и кормить вас будут по фронтовой норме. Наш фронт стоит в обороне, а перед наступлением мы вас определим по частям. Старшина, ведите роту на станцию».

Касич вывел роту за шлагбаум и приказал пообедать. Из своих тощих «сидорков» мы достали полученные на продпункте в Смоленск сухари, банки американской свиной тушенки, напились ключевой холодной воды. Курильщики начали сворачивать сигарки с махрой. Над головами ефрейторов поплыл сизый дым. Отдохнувшие и повеселевшие радисты стали припоминать анекдоты, смешные истории.

Касич приказал набрать во фляжки воды и построиться. И вот по воле фронтового начальства мы движемся в обратный путь к станции Гусино. Время полдень. Солнце печет еще яростнее. Мы обливаемся потом. Вскоре фляжки опустели, а водоёмов на пути нет.

До Гусино добрались на последнем дыхании. Пригородный поезд, что привёз нас из Смоленска, стоит на путях. Садимся в вагон. Проводница,

увидев нас, всплеснула руками: «Это опять вы? Что-то на фронте не понравилось? Или по малолетству от вас отказались? Велели ещё подрасти? Ну, не горюйте, войне конца не видно, ещё успеете повоевать».

* * *

И вот опять уже знакомый Смоленский вокзал. По указанной нам дороге идём в Нарвские казармы, где располагаются роты телефонистов, радистов, морзистов, эстистов, бодистов, где нам вновь придётся надеть наушники, слушать писк морзянки, стучать на ключе, слушать эфир, изучать матчасть радиостанции, электронные лампы и запоминать коды. А их много: Кю-код, Фарме-код и другие.

Много лет спустя в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» я прочёл, что в годы фашистской оккупации в Нарвских казармах располагался пересыльный лагерь № 126, в котором погибло 135 тысяч военнопленных. Здесь они, униженные и оскорблённые, страдали от голода и болезней. Хорошо, что мы тогда ничего этого не знали,

Касич ввёл роту в военный городок и пошёл доложить командиру запасного полка связи о нашем прибытии. Наша судьба решалась минут двадцать, затем Касич явился в сопровождении коренастого капитана (это был командир радиороты Серенко) и высокого, стройного старшего лейтенанта (командира радиовзвода Березовского).

По команде мы рассчитались по порядку номеров. Старшина передал капитану документы и попросил разрешения попрощаться.

«Сынки, - сказал Касич дрогнувшим голосом, - я помню, как в середине ноября 1943 года вы прибыли на Первые радиокурсы. Одеты были в засаленные телогрейки и поношенные полушубки. О военной службе, строе, уставе, дисциплине вы не имели никакого понятия. Сейчас вы - сплочённая рота, прошедшая полугодовую учёбу. Помню, Божок заявлял, что никогда не сможет освоить «морзянку» и даже предлагал поставить его к стенке, а сейчас он - классный радист с лычкой на погонах. В меру своих сил и возможностей я заботился о вас, вы были хорошо одеты, обуты, у вас всегда

было чистое бельё. Я регулярно водил вас в баню, проводил физзарядку. Вы познакомились с творчеством Ленинградского академического драмтеатра, с его выдающимися артистами. Несмотря на скудное питание (в чём я абсолютно не виноват), вы подросли, окрепли. Иногда приходилось вас наказывать, давать наряды вне очереди, но без этого военная служба не обходится. Сейчас я передаю вас в другие руки, другим командирам, но душевного облегчения не чувствую, ведь я возвращаюсь в Новосибирск, а вы - мои питомцы - скоро пойдёте в бой. Что ж, у каждого своя судьба. Если я в чём-то виноват перед вами, простите! От души желаю вам попасть в хорошие части, к опытным командирам, а главное - благополучно вернуться домой. Прощайте, сынки!»

Касич приложил ладонь правой руки к фуражке, отдал нам честь, круто повернулся и зашагал к проходной. У меня зашипало в носу - всё же он много дал нам, молодым солдатам. Вскоре его ладная, худощавая, стройная фигура исчезла из поля зрения, оборвалась последняя ниточка, связывающая нас с Первыми радиокурсами. Начался новый этап жизни.

Глава 2

СЛУЖБА В 24-м КРАСНОЗНАМЁННОМ ЗАПАСНОМ ПОЛКУ СВЯЗИ ТРЕТЬЕГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Наша служба началась с того, что командир роты капитан Серенко повёл нас в столовую на ужин. В обеденном зале на стене в красивой рамке висел Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный Калининным, о награждении 24-го полка связи за подготовку для фронта высококвалифицированных связистов орденом Красного Знамени поэтому полк и назывался Краснознамённым.

С этого ужина нас стали кормить по первой (фронтной) норме. Она была значительно обильнее нашей тыловой, но мы, месяцами жившие впроголодь, всё равно не насыщались, и чувство голода по-прежнему томило

нас. Только на фронте, когда повар охотно давал «салажатам» добавки, это чувство исчезло.

В прославленном полку мы прослужили-проучились чуть больше месяца: с 18 мая по 22 июня 1944 года, когда нас отправили на фронт.

И вот мы, разбитые по тем же трём взводам (первый - высокорослые, сформировавшиеся парни, второй - середняки, в числе которых я, третий - мелкота, каких в царской России в армию не брали), вновь: сидим с наушниками на голове, с ключом у кисти правой руки, а инструктор ускоряет темп передачи.

В Новосибирске нас обучали на отечественных радиостанциях: РБ (радиостанция батальонная), РБ-М (радиостанция батальонная модернизированная), 6-ПК (полковая коротковолновая) и других. Была еще радиостанция ротного звена - ультракоротковолновая РРУ, про неё шутя говорили: «Я вас вижу, но не слышу».

Радиостанции РБ и РБМ носились на заплечных ремнях: впереди - приёмопередатчик (четыре килограмма), за спиной - упаковка питания (шесть килограммов), это четыре сухие анодные батареи БАС-60 или три БАС-80 и аккумулятор 2-НКН-22 (накально-кадмиево-никелевые напряжением 22 вольта).

Такую вот тяжесть носили на себе семнадцатилетние радисты, а ведь ещё солдату полагались шинельная скатка, автомат с запасным диском, две гранаты, фляжка с водой, вещмешок с неприкосновенным запасом продуктов, малая сапёрная лопата. Все это весило около тридцати килограммов. Как жаль, что тогда ни одна умная голова не придумала сотовых телефонов, весящих 300 граммов и умещающихся в ладони.

В Смоленске старший лейтенант Березовский знакомил нас с американскими радиостанциями V-100-A и SCR-399, немецким «телефункеном». Особое впечатление произвела на нас V-100-A. Она питалась от генератора, который радист, сидя на треноге, крутил двумя рукоятками, вырабатывая ток, а второй радист вёл в это время прием и

передачу. Пока работа шла «на приём», рукоятки генератора крутились легко, а когда напарник переключался на передачу, то крутить рукоятки приходилось с большим напряжением и трудом. Тогда я кричал напарнику: Лёша! Передавай быстрее! У меня руки отваливаются».

Березовский учил нас электротехнике и электропитанию, методам повышения напряжения в «подсевших» батареях путём подключения их в определённой последовательности.

Он - большой знаток отражённых волн, которые невозможно запеленговать. В атмосфере на большой высоте есть слой Кеннеди-Хивиссайда, который отражает радиоволну назад. Если радиоволну под определённым углом направить вверх, то она, достигнув слоя Кеннеди-Хивиссайда, под тем же углом отразится вниз. Это элементарный закон физики. А между исходной и отражённой волной будет «мёртвое» пространство. Всё это сложно, но надёжно.

Березовский досконально знал антенное хозяйство, учил нас, как путём умелого подбора антенн можно увеличить дальность передачи в полтора, а то и в два раза.

Развесив на стене крупномасштабные принципиальные схемы радиостанций, он показывал нам, как проходит ток по цепи, какова роль конденсаторов, трансформаторов, сопротивлений, шунтов, дросселей, тумблеров, индикаторов.

Березовский говорил: «Вы - радисты-операторы, и ваше дело - «ловить» эфир, принимать и передавать радиogramмы, поэтому схемы радиостанций, то есть их «кишочки» - это сфера деятельности радиомастеров. Но принцип работы радиостанции, её основные узлы в общих чертах вы должны знать, а простейшие неисправности, вроде нарушения контактов, должны уметь находить и исправлять - ведь в боевых условиях радиомастера под рукой не будет, а связь должна работать бесперебойно».

Офицер давал нам характеристики электронных ламп: диода, триода, тетрода, пентода, пентогида, обосновывал их функции.

Многим премудростям радиодела научил нас Березовский, за что мы на фронте не раз вспоминали его добрым словом. Семья Березовского находилась в оккупации в Белоруссии, и он с нетерпением ждал, когда её освободят. Жил он в расположении роты и двадцать четыре часа находился с нами.

А наш ротный - капитан Серенко - похоже, не знал азбуки Морзе и никогда не сидел за телеграфным ключом. Он учил нас другому: «Противник стремится нарушить нашу радиосвязь, запеленговать работу радиостанции и обстрелять её, а потому вы должны быть в эфире как можно меньше - тогда вас труднее будет запеленговать. Вошёл в связь с корреспондентом, быстро передал с помощью кодов текст, получил от корреспондента квитанцию и отключился. Большая скорость передач - это залог успеха, а потому постоянно наращивайте её».

Серенко учил нас, как кодировать текст радиограммы, используя переговорную таблицу дежурного радиста, как менять ключи для шифровки. Правда, на фронте обстановка так быстро менялась, а радиограммы шли потоком, поэтому не всегда удавалось шифровать их.

Серенко комплектовал экипажи радиостанций по два радиста-оператора, давал им рацию, легенду, схему связи и позывные, разводил их вокруг Нарвских казарм по скверам, паркам и даже разбитым домам, учил быстро входить в связь, обмениваться радиограммами.

Многому научили нас офицеры радиороты за тот месяц, что мы пробыли в запасном полку связи, за что мы им были глубоко благодарны. Но главное, чему уделялось внимание, были приём на слух и передача на ключе буквенного, цифрового и смешанного текстов.

Березовский, не уставая, повторял нам: «Не бравируйте своей квалификацией радиста, специалисты-то вы ещё слабые, самого низшего класса. На полярную зимовку или в штаб фронта вас не возьмут - там работают старшины, гонящие в эфир «морзянку» со скоростью тридцать-сорок групп в минуту, а это сто пятьдесят - двести знаков».

На приём на слух и передачу на ключе в работе отводилось по шесть часов в день. Больше было невозможно - мозги тупели, восприятие снижалось, появлялись ошибки.

Березовский говорил: «Есть старое присловье: «Радист должен обладать тремя важными качествами: чугуновой головой, стальными нервами и железной, извините, попой». Вам придётся сидеть с наушниками порою сутками. А за это время в уши напищит столько точек и тире, что их способна выдержать лишь чугуновая голова. Часто вам будут мешать атмосферные помехи, плохая слышимость, низкая квалификация корреспондента, чужие радиостанции, нетерпение или раздражение собственного командира, ждущего принимаемую вами гектограмму. Чтобы выдержать все это, надо иметь стальные нервы, наконец, сидеть многие часы, иногда - сутки, за рацией - очень тяжело. Даже когда человек спит, он поворачивается с боку на бок, на живот или на спину, радист же во время дежурства сидит неподвижно на двух своих «булочках», то есть на заднице. А чтобы она выдерживала такую нагрузку, попа должна быть железной».

Мы наращивали скорость, соревновались по хронометру, и это давало хорошие результаты.

Иногда кто-либо из офицеров или сержантов-инструкторов специально устраивал нам «шкоду»: вынимал из схемы электронную лампу или нарушал контакт в блоке питания, и тогда рация переставала работать. Нас обязывали найти «повреждение» и устранить его.

Большое внимание уделялось ведению документации: составлению легенды, оформлению аппаратного журнала.

Таким образом, 24-й Краснознаменный запасной полк связи Третьего Белорусского фронта способствовал повышению нашей квалификации. Я не раз думал, насколько были правы начальник войск связи фронта генерал Буров и его бородатый начальник штаба, которые поехали нас доучиваться в Смоленск.

Уделялось внимание и нашей боевой подготовке. Капитан Серенко совершил с ротой несколько форсированных маршей по десять километров каждый, причем половину пути мы шли в противогазах. В тире мы несколько раз стреляли из винтовок, автоматов, ручного пулемёта, бросали гранаты. Однажды форсировали на подручных средствах Днепр - он в Смоленске неширокий. Уставали страшно, но в голодные обмороки, как в Новосибирске, не падали - всё же кормили нас по фронтовой норме.

* * *

Как и на радиокурсах в Новосибирске, мы ходили в наряды на пищеблок, патрулировали по Смоленску (город-то прифронтовой), стояли на постах на контрольно-пропускном пункте, у складов, на гауптвахте.

Однажды на посту у гауптвахты (солдаты звали её фамильярно «губой») со мной произошла неординарная история, которая могла кончиться трибуналом. Гауптвахта в Нарвских казармах располагалась в подвальном помещении, где вдоль коридора справа и слева располагалось двенадцать камер-одиночек, закрытых плотными дверями с окошечками в верхней части на уровне человеческого лица. Окошечки размеров двадцать на двадцать сантиметров были забраны металлической решёткой. Когда я принимал пост в двенадцать часов ночи, разводящий предупредил меня, что занята лишь одна камера - первая справа, что в ней сидит арестант - сержант-бодистка Мария Невзорова, посаженная на пять суток за самовольную отлучку.

«Ты держи с ней ухо остро, она на всё способна», - предупредил меня разводящий. А я подумал: «Ну, что мне может сделать арестантка, сидящая под замком?»

Как глубоко я ошибался! На посту я должен был стоять до четырех часов ночи. Менять меня должен был мой друг с новосибирских времён Коля Давыдов.

И всё же, несмотря на мою уверенность, Мария Невзорова чуть не подвела меня под трибунал. Через несколько минут после заступления на пост из камеры арестантки послышался хриловатый голос курильщицы:

- Часовой, а часовой, подойди на минутку к дверям - дело есть.

Я подошёл к смотровому окошечку и при тусклом свете увидел бледное девичье лицо, короткую стрижку, блестящие глаза:

- Чего тебе надо? Если по нужде, то под нарами горшок есть пользуйся.

- Нет, браток, совсем не то, не за тем позвала. Поговорим откровенно, как человек с человеком, как солдат с солдатом.

- Да по уставу часовой не имеет права разговаривать, тем более на посторонние темы.

- Так мы здесь одни, никто не услышит. Дней десять назад, будучи в увольнении, около Успенского собора я познакомилась с капитаном-летчиком - он долечивался амбулаторно после ранения, а жил на окраине города у одной старушки. Видел бы ты его: белозубая улыбка, каштановая прядь из-под фуражки, пышные усы, большие голубые глаза, а на груди - четыре боевых ордена - орёл. Видно, я ему понравилась. Разговорились, слово за слово, а через полчаса я почувствовала, будто знакома с ним много лет.

Замолчав, Мария достала пачку махорки, свернула сигарку, чиркнула зажигалкой и продолжала:

- Капитан снимал маленькую комнатку, куда он меня и привёл. Хозяйка накрыла стол, мы с капитаном выпили по стакану водки (я ведь старая солдатка, в армии - с начала войны). Хозяйка ушла, а нас потянуло друг к другу. Сперва мы целовались до иступления, а затем легли в постель. Я уже не была девушкой, но мой любовный опыт был небольшим - два-три случайных парня-ровесника. А капитан был асом не только в небе, но и в постели. Такое глубинное наслаждение я никогда не испытывала. Увольнение у меня было до двенадцати ночи, и я успела испить любовную чашу до дна. Капитан взял с меня слово, чтобы я в двенадцать часов ночи тайком приходила к Успенскому собору, а оттуда мы бы шли к нему. Девчата-бодистки прикрывали меня. Я клала под одеяло свою шинель - будто

кто спит. Но вот вчера под утро возвращалась от капитана - меня подловил патруль, и вот я здесь.

- Зачем ты мне всё это рассказываешь? Я на посту, а не на посиделках! И на попа-исповедника не похож.

- Обожди, браток, недолго осталось, скоро все поймёшь. Капитана выписали на фронт, и он завтра, вернее, уже сегодня уезжает в часть.

- Дежурная по коммутатору передала мне записку, что он звонил, просил прийти - проститься, а я, как видишь, под стражей.

- Чем же я могу тебе помочь?

- Слышь, ефрейтор, отпусти меня часа на два к капитану - век не забуду. К смене караула я вернусь. Он ведь на фронт едет, может погибнуть. Знаешь, сколько лётчиков погибает. Не прощу себе, если не приласкаю напоследок. Отпусти, а?

- Да ты, сержант, белены объелась? Как же я могу тебя отпустить? Это же грубейшее нарушение караульного устава, трибунал.

- Да никто и не узнает. Сейчас - половина первого ночи, а без пятнадцати четыре, к твоей смене, я вернусь, даю честное слово. Будь человеком, век буду благодарить.

- Не могу, и не проси, мне до твоих любовных походов и переживаний дела нет.

- Значит, не отпустишь? - с какой-то одержимостью и агрессивностью спросила арестантка.

- Нет, не отпущу - это моё последнее слово.

Сержант Невзорова приблизила лицо к решётке в двери камеры, открыла рот, и оттуда хлынул такой поток оскорбления и матерных слов, что я опешил.

- Ах, ты недоносок вонючий, распросукин сын, мразь несчастная! Как же ты не можешь понять, что лётчик едет на фронт, его надо приголубить, ободрить, приласкать, ему надо пожелать фронтового счастья.

Он герой, сбил семь самолётов, у него четыре ордена, а у тебя и медали нет, потрох коровий.

Я опешил от таких оскорблений, а Невзорова как проснувшийся вулкан вновь стала извергать лавину гнусностей.

Я отошёл в конец коридора и про себя стал декламировать любимую поэму Лермонтова «Демон»: «Когда сквозь вечные туманы / Познания жадный, он следил / Кочующие караваны / В пространстве брошенных светил...»

Наконец поток брани и оскорблений иссяк. Невзорова поняла, что этим ничего не добьёшься, и сменила тактику поведения: стала расспрашивать, сколько мне лет, откуда я, где воевал.

Узнав, что мне ещё нет и восемнадцати, что я только что прибыл в Смоленск после окончания радиокурсов, Мария спросила: «Так ты, наверное, ещё девственник, бабу не пробовал, не знаешь, что такое любовь - это чудесное всепоглощающее чувство?»

Сын литераторши, я много читал и слышал о любви, но её практическая сторона была для меня терра-инкогнито, а потому неистовое и страстное стремление Марии повидаться с капитаном-лётчиком даже под угрозой стать дезертиром и угодить под трибунал меня поразило.

Невзорова была фронтовичкой с 1941 года, повидала всего столько, что хватило бы с лихвой на десяток женщин. Она не могла не понимать, что в опасной и многотрудной фронтовой жизни лётчика-капитана сама со своей пылкой любовью была всего лишь случайным эпизодом.

Я в то же время видел, что со стороны Марии это был не просто зов плоти, а какое-то более сильное, более глубокое чувство, полная самоотверженность. Мария рисковала многим - она уже находилась под стражей, и её вторая поимка могла обернуться для неё трибуналом, но она шла на этот риск сознательно и целеустремлённо. Это вызывало уважение.

Моё сердце дрогнуло:

- Ладно! Чёрт с тобой! Иди к своему капитану, только не попадайся и приходи до моей смены, иначе нам с тобой не миновать трибунала.

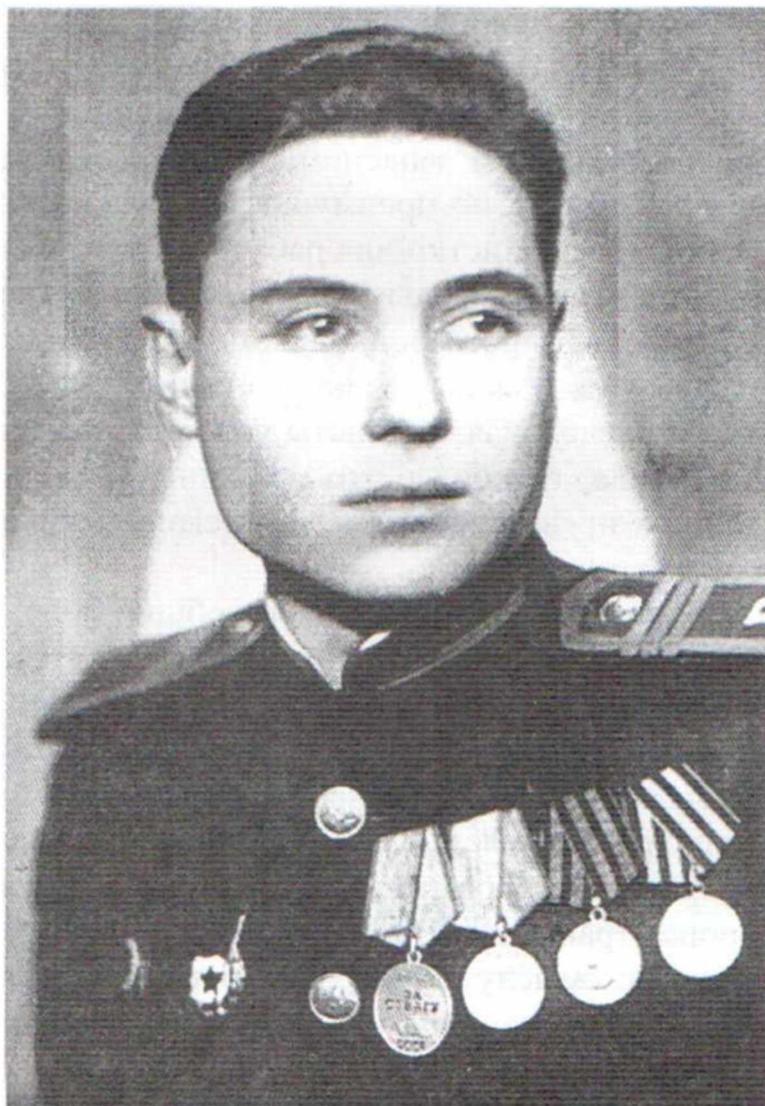
- Вот спасибо, вот спасибо, браток. Век не забуду!

Я открыл дверь, Мария вышла, чмокнула меня в щёку, обдав густым табачным перегаром, и исчезла. Я остался один, успокоился, стал анализировать свой поступок и понял, что поступил рискованно и глупо, что надо мной повисла огромная опасность, но «снявши голову, по волосам не плачут».

Часов у меня не было. Время тянулось бесконечно, чтобы скоротать его, я стал читать на стенах коридора надписи, которые оставили мои предшественники. Некоторые показались мне оригинальными, например, «Бог создал любовь и дружбу, а чёрт - караульную службу».

Небо стало светлеть, в середине июня ночи короткие, скоро смена, а Невзоровой нет. Ситуация складывалась скверная. Если разводящий проверит камеру Невзоровой и обнаружит, что она пуста, мне - хана.

Послышался стук подкованных каблуков - шла смена. У меня замерло сердце. По счастью, разводящий сказал Коле Давыдову: «Спускайся к своему Урану, сменяй его, а я пока покурю, да расспроси, как себя вела бой-девка Мария Невзорова».

Мой лучший друг - радист Николай Давыдов

Это было спасением. Коля был моим лучшим другом на радиокурсах. Я рассказал ему о ситуации с Невзоровой. Его лицо посуровело потом он спросил: «А что, если Мария вообще не вернётся, уедет с капитаном? Наделал ты делов, друг, как мы с тобой будем выпутываться?»

Когда я поднялся на поверхность, сержант спросил: «Ну, как бой-девка себя вела, не буянила?»

Я ответил, что она вскоре уснула и спит до сих пор.

Придя в караульное помещение, я лёг на нары, но, несмотря на страшную усталость, уснуть не мог, всё думал, что меня ждёт, если Невзорова не объявится.

Я ворочался с боку на бок, пока в восемь часов не вернулся с поста Коля Давыдов. Он лёг рядом со мной и шёпотом спросил: «Не спится? Понимаю, но успокойся, пришла твоя красавица, правда, в половине шестого, перед подъёмом. Видно, нелегко было ей расстаться с капитаном. Просила передать тебе извинения и благодарность».

В 24-м Краснознамённом запасном полку связи Третьего Белорусского фронта роты были по преимуществу женскими: морзистки эстетки, бодистки, телефонистки для работы на коммутаторах. Мужчины были задействованы в кабельно-шестовых ротах, связистами-ленейщиками и радистами-коротковолновиками, таскавшими на заплечных ремнях упаковки радиопередатчика и питания.

Нагрузка была предельная. Связисты уставали, поэтому проблема любви остро не стояла, тем более что младший командный состав офицеры следили за нравственностью, пресекали сексуальные отношения, чреватые беременностью.

Однажды дежурный горнист протрубил общий сбор, продублированный по радио. Это было необычно. Вскоре полк выстроился на плацу. На трибуне появился заместитель командира полка по политчасти - подполковник. Он сказал, что военная цензура передала ему необычное письмо, которое командование сочло необходимым довести до всеобщего сведения. Подполковник сказал: «Читать чужие письма некорректно и противоречит правилам хорошего тона, но сейчас время военное и всё подчинено обороне страны, поэтому с условностями считаться не приходится. А письмо по смыслу и содержанию заслуживает внимания и объективной оценки. Все матери хотят, чтобы вы, здесь стоящие, вернулись после войны в целости и сохранности. Это естественно и заслуживает уважения, но вот послушайте, что пишет мать своей дочери на фронт (фамилию я называть не буду). «Дорогая доченька! На днях в наш поселок привезли твою подругу Наталью из госпиталя. На фронте ей оторвало ногу и повредило руку. Её родители в отчаянии - как она будет работать, да и кто

отважится взять её - калеку, замуж? Не дай бог тебе попасть в такую переделку. Мой тебе материнский совет - заведи половую связь с крепким, видным, симпатичным мужиком и забеременей от него, тебя демобилизуют и отправят в тыл, родишь ребёночка - это не грех, а радость. Мы с отцом поможем тебе его выкормить, воспитать. У нас в посёлке мужиков почти не осталось, а баба без ребёнка - не баба. Я благословляю тебя на это. Может, ещё и замуж выйдешь, а то в боях могут убить или покалечить». Вот такой совет даёт мать своей дочери- фронтовичке. Мне понятно желание матери уберечь свою дочь, но её совет я принять не могу. Мы одержали много побед, успешно тесним врага, но до конца войны ещё далеко. Вы принимали присягу, клялись громить врага до его полного уничтожения. В этом наш общий патриотический долг гражданина СССР. Любовь - дело хорошее, нужное, но всему должно быть своё время и место».

Зов плоти неистребим. Несмотря на воспитательную работу, некоторые девчонки-телефонистки нашей бригады всё же забеременели: Лена Жулдыбина, Аня Беляева и другие.

* * *

Старший лейтенант Березовский, хорошо знавший и любивший даже такой истерзанный войной Смоленск, водил наш взвод на экскурсии по городу. Он старался и нам привить любовь к Смоленску.

Гуляя с нами по городу, офицер много рассказывал о его часто трагической истории, показывал достопримечательности Смоленска. Он знал биографии многих знаменитых смолян, восхищался ими. Березовский говорил: «Как голубая Андреевская лента украшала грудь фельдмаршала Кутузова, так и голубой Днепр украшает Смоленск».

Особое очарование городу придают его холмы, парки, скверы, его величественные соборы, памятники Кутузову и другим смолянам.

Прошёл месяц нашей учёбы во фронтовом запасном полку. К нам зачастили «купцы» - представители фронтовых частей и соединений с

нарядами на радистов от управления войск связи фронта. Чувствовалось, что это неспроста, что наступление на Белоруссию - вопрос нескольких дней.

Служить в пехоте было мало охотников, поэтому когда радисты видели «купцов» с пехотными погонями, то старались где-нибудь спрятаться - городок-то был обширный, со множеством строений.

Капитан Серенко, не мудрствуя лукаво, включал в список подлежащих отправке на фронт тех, кто попадал на глаза.

Приоритетом у радистов пользовались авиация, артиллерия в меньшей степени - танковые войска.

Постепенно рота таяла. Уехали на фронт и навсегда исчезли из моей жизни ленинградцы-эрудиты Вася Положенский и Ленар Кавкун, мой земляк с Алтая и лучший друг Коля Давыдов, черноглазый Коля Кызынгашев из Горной Шории, маленький украинец Сакуненко.

День 22 июня 1944 года, а это была третья годовщина нападения Германии и её сателлитов на СССР, мы - остатки роты - провели на Днепре: мылись, стирали бельё, загорали.

Когда под вечер возвращались домой, то у меня размоталась обмотка. Я нагнулся, чтобы вновь ее замотать, а рота скрылась за проходной! Когда я выпрямился, то увидел, как у ворот остановилась потрёпанная полуторка. Из кабины вышел высокий старший лейтенант с чёрной окантовкой на погонах и эмблемой - скрещенные топор и разводной ключ.

У меня ёкнуло сердце - «купцы». Я спросил офицера:

- Вы за радистами?

Он утвердительно кивнул головой и сказал:

- У меня наряд на восемь человек, можешь быстро собрать?

Я спросил:

- А вы из каких войск?

Ответ меня поразил:

- Из инженерных.

«Это то, что надо», - подумал я и сказал:

- Сейчас я соберу ребят, товарищ старший лейтенант.

Я побежал в расположение роты, собрал Михаила Аксёнова, Колю Быкова, Лесю Беликова, Васю Андраханова, Сашку Зырянова, Робеспьера Заякина и Андрея Шестакова, соблазнив их тем, что будем служить в интеллигентной части, в инженерных войсках.

Старший лейтенант оглядел нас, составил список фамилий и ушёл в штаб оформлять документы. Показался старший лейтенант Березовский. Я ему с гордостью доложил, что мы будем служить не в пехоте, которая «сто вёрст прошла и ещё охота», а в культурных интеллигентных инженерных войсках.

К моему удивлению, Березовский расхохотался: «Ну, Зенькович. Уморил ты меня. Вроде в армии полгода отслужил и образованием не подкачал, а простых очевидных вещей не понимаешь. Инженерные войска - это чернорабочие войны: землекопы, сапёры, мостовики, а инженеров там немного».

Слова взводного были для меня, что холодный душ, но дело было сделано, документы лежали в планшете приехавшего офицера, и пути назад уже не было. Что ж, будем обеспечивать радиосвязью инженерные войска.

Мы забрали в казарме шинели и вещмешки, попрощались с Березовским и пошли к машине «сватов».

Глава 3

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ИНЖЕНЕРНО-САПЁРНАЯ БРИГАДА 31-й АРМИИ ТРЕТЬЕГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Смоленск уплывал назад. На сей раз мы действительно ехали на фронт. Сидящий в кузове полуторки старший сержант с орденом Красного Знамени представился нам: «Я помощник командира взвода связи роты управления 31-й инженерно-сапёрной бригады, старший сержант Жуков Григорий Иосифович, а в кабине - наш командир взвода, старший лейтенант Конев-Щелованов. Наш взвод большой, около шестидесяти человек: радисты, телефонисты, радиомастера, мотористы, аккумуляторщики. Вы будете числиться в этом взводе, но фактически вас прикомандируют к батальонам и подразделениям бригады. По мере необходимости (на фронте всякое бывает) вас будут перебрасывать из одной части в другую». Нашу старенькую полуторку на Минском шоссе обгоняли танки Т-34. Это была колонна из многих десятков боевых машин. Они грозно ревели, их мощные пушки покачивались на ухабах. Жуков восхищённо произнёс: «Смотрите, хлопцы, какая силища движется к фронту. Это 5-я гвардейская танковая армия маршала Ротмистрова, её выдвигают непосредственно перед наступлением. Значит, завтра по утрянке начнём освобождать Белоруссию, и вы попадете с корабля на бал. Эх, если б у нас в начале войны была такая силища, то вермахт дальше старой границы не пустили бы, да и жертв в несколько раз было бы меньше. А то ведь даже винтовок не хватало».

*Помощник командира взвода связи старший сержант Жуков Григорий
Иосифович, дядя молодогвардейца Жукова Николая*

В голове бьётся мысль: едем на фронт, едем на фронт, кончилась неопределенность, муки ожидания. А помкомвзвода продолжает в составе нашей бригады - четыре инженерно-сапёрных батальона: 11-й гвардейский - комбат майор Малахов, 72-й Ярцевский - комбат Мосензон, 202-й - комбат майор Целищев и 204-й - комбат Кравченко. Кроме того, в состав бригады входят: наплавной лёгкий переправочный парк - командир старший лейтенант Голушко, рота разведки - командир капитан Фальянц, рота управления с тремя взводами связи, санитарным, комендантским, а также службы боеприпасов и тыла. Ещё недавно батальоны были отдельными, их свели в бригаду и подчинили 31-й армии. Всего в бригаде 3600 человек - это в два раза больше полка, но в два-три раза меньше дивизии».

Жуков рассказал нам, что у каждой из восьми дивизий 31-й армии есть собственный инженерно-сапёрный батальон, но командарм имеет свои значительные инженерные силы, всегда находящиеся под рукой.

Мимо промчался «виллис» с генералом на первом сиденье и охраной. А Жуков продолжал нас знакомить с бригадой: «Наш командир бригады - немолодой, седой, очень культурный полковник Проневич начальник штаба - полковник Тихомиров, начальник политотдела - подполковник Сычёв, начальник связи бригады - майор Чайкин».

Провоевав в составе бригады около года, передавая радиogramмы, общаясь с офицерами, я хорошо узнал каждого из перечисленных Жуковым.

Комбриг Проневич был белорус, невысокого роста, худощавый, подтянутый, в безупречно чистом и отглаженном обмундировании. Я редко встречал в своей жизни столь воспитанного человека. Он всегда был собран, уравновешен, в любой, даже экстремальной обстановке не терял присутствия духа, органически не терпел хамства и сквернословия. Как-то один офицер недалеко от комбрига за что-то распекал подчинённого и крыл его отборным матом. Когда подчинённый ушёл, Проневич подозвал офицера и спросил, читал ли тот произведения знаменитого педагога-воспитателя Антона Семёновича Макаренки. Офицер смешался, но честно признал, что не читал. «Оно и видно. Послушай, майор, что писал Макаренко о матерках, - сказал комбриг, - вот: каждый понимает такую простую и вполне очевидную вещь, что матерное слово есть мелкая, бедная и дешёвая гадость, признак самой дикой, самой первобытной культуры, - здесь полковник снял свою фуражку, пригладил ладонью волосы и добавил: - Не позорьте, майор, мои седины».

Эти умные, корректные замечания действовали эффективнее любого дисциплинарного взыскания.

Такого страшного и уродливого явления современной Российской Армии, как дедовщина, в Красной Армии не было. Я это свидетельствую как человек, прослуживший около семи лет и проходивший службу в шести соединениях и частях: на Первых радиокурсах, в 24-м полку связи, 1-й

инженерно-саперной бригаде, 22-й мотоштурмовой бригаде, полку связи 5-й танковой армии и 110-й зенитно-артиллерийской бригаде.

Хамство в армии процветало, мат тоже, ведь Красная Армия официально называлась рабоче-крестьянской, а образовательный и тем более культурный уровень народа был низок. А о дедовщине мы узнали только при Хрущёве.

Глубоко убеждён, что армия, разьедаемая такими катаклизмами, как дедовщина, где старослужащие гнобят, унижают, калечат и даже убивают сослуживцев только за то, что они были призваны позже, небоеспособна.

Нас, семнадцати-восемнадцатилетних, комбриг ласково называл «сынками». Это совершенно неуставное обращение к нам у Проневича переняли начальник штаба бригады подполковник Тихомиров и начальник политотдела подполковник Сычев. Что касается начальника связи бригады майора Чайкина, то он нас звал официально, по званию и фамилиям.

Бригада не имела ни пушек, ни миномётов, ни танков. Она редко непосредственно участвовала в боях, стреляла по врагу.

Саперы - это, образно говоря, чернорабочие войны: землекопы, плотники, понтонеры, мостовики, минёры. Их орудиями были лопаты, ломы, кирки, пилы, кувалды, шупы, миноискатели, огромные ножницы для резки колючей проволоки, копры для забивки мостовых свай и т.д.

Главная задача инженерных войск состояла в обеспечении наступающим войскам оптимальных условий, ликвидации созданных врагом препятствий.

Сапёры строили мосты, наводили понтонные переправы через многочисленные реки Белоруссии, оборудовали броды, сооружали противотанковые рвы и эскарпы, блиндажи, на опасных направлениях ставили свои мины, перед наступлением снимали вражеские мины, резали колючую проволоку, в лесах прорубали просеки, а в болотах настилали гати из толстенных брёвен, скреплённых мощными стальными скобами, для

прохода наших танков и тяжёлой артиллерии, бронетранспортёров и автотранспорта.

В немецкой армии сапёров почтительно называли «пионире», то есть «идушие впереди».

Строевая песня бригады гордо заявляла:

Строим быстро мы мосты понтонные,
Ладим переправы,
Чтобы шли полки краснознамённые
По дорогам Славы...

Я до конца войны поражался скорости строительства мостов и переправ. Война не терпела промедлений, чреватых огромными потерями, поэтому мосты и переправы создавались за сутки, а то и за день.

Враг всячески стремился помешать этому. Над местом строительства, как правило, кружила немецкая «рама» - самолёт-разведчик корректирующий огонь пушек. «Юнкерсы» сбрасывали бомбы, «мессершмидты» поливали стройку пулемётно-пушечным огнём. Сапёры мостовики, понтонёры - несли большие потери.

Как же сапёрам, да ещё под огнём врага, удавалось за столь короткий срок соорудить мосты и переправы?

В бригаде была рота разведки, которой командовал капитан Фальянц, поэтому половину личного состава у него составляли армяне, разведчики тоже ходили в тыл противника, но языков они не брали. У них были иные задачи.

Они изучали характер реки, которую предполагалось форсировать, вымеряли скорость ее течения, ширину, глубину, состояние дна: галька, песок, глина, ил; особенности подхода к реке: пологие или обрывистые берега, открытая или лесистая местность и т. д.

По докладам разведчиков в тылу за пятьдесят-семьдесят километров заготавливались на пилораме детали будущего моста. Если предлагалось соорудить рамный мост, то толстые брёвна заострялись в нижней части,

раскладывались на определённом расстоянии и скреплялись на разных уровнях поперечными перекладинами - получалась которую подвозили к реке и с помощью копра забивали в дно. На широких реках приходилось забивать по тридцать-сорок рам. На них клали прогоны, стелили толстые в десять сантиметров толщиной доски, способные выдержать тяжесть танка.

Нередко сооружали ряжевые мосты. Ряж - это четырёхугольный сруб из толстых брёвен. Брёвна скрепляли мощными металлическими скобами. Ряжи устанавливали поперёк реки, а чтобы их не снесло, внутрь насыпали бутовый камень. А дальше, как обычно, - прогоны, доски, перила.

Своими мостами особенно славился в бригаде 11-й гвардейской инженерно-сапёрный батальон, которым командовал двадцативосьмилетний красавец майор Малахов - человек тщеславный, склонный к позёрству.

Когда его сапёры заканчивали строительство моста, он приказывал при въезде на мост с правой стороны вкопать столб и прибить доску, на которой крупными яркими буквами было написано: «Строил Малахов». Эта надпись была известна, пожалуй, всем соединениям 31-й армии.

Ещё одна черта майора Малахова. Прежде чем пустить на мост колонну танков или полк тяжёлой артиллерии, Малахов в сапогах, бриджах и кителе спускался под мост и, стоя по пояс в воде, давал флажком отмашку: можно двигаться, и не выходил из воды до тех пор, пока полк не переберётся на другой берег. Этим поступком он демонстрировал полную уверенность в качестве выполненной его сапёрами работы. Иногда вместо моста наводилась понтонная переправа – главным понтонёром бригады был старший лейтенант Георгий Голушко. Такие переправы при благоприятных обстоятельствах наводились за два-три часа.

Колонна грузовиков ЗИС-5 с огромными резервуарами-лодками подходила к реке, машины поворачивались кормой к водной преграде и по рольгангам с них скатывались в воду понтоны. У каждого из них на носу и в корме были кольца, в которые протягивался стальной канат рядом причаливался второй понтон, третий и т. д. Через час-полтора понтоны на

канатах перегораживали реку, а дальше, как обычно, - прогоны, доски, перила.

Реки Белоруссии - сколько мы пересекли их: малых, средних, крупных вроде Днепра, Березины, Немана!

За свою долгую жизнь я видел много рек, плавал в них, но к рекам Белоруссии у меня особое, почтительное отношение - они окроплены кровью наших мостовиков-понтонёров, моего товарища - радиста Лёши Киселёва.

В первый день наступления - 23 июня я принес полученную радиограмму начальнику штаба бригады полковнику Тихомирову. Он был известен тем, что сидел за одной партой с прославленным впоследствии лётчиком - комбригом Валерием Павловичем Чкаловым.

Он слыл либералом и иногда отдыхал от напряжённейшей работы в беседах с подчинёнными, даже с такими салажатами, как я, на вольные темы, называя нас, как и комбриг Проневич, сынками.

Тихомиров склонился над крупномасштабной картой Белоруссии испещрённой синими прожилками рек, речек, речушек, долго всматривался в них, потом сказал: «Гляди, сынок, как природа щедро одарила Белоруссию влагой: реками и озёрами, какая огромная работа предстоит нашим мостовикам и понтонёрам. Многих не досчитаемся. По-моему, по количеству рек, речек, речушек на один квадратный километр Белоруссия впереди планеты всей. Вот воспетый Гоголем Днепр - его будем форсировать дважды: сначала у города Дубровно, затем Орши. Вот знаменитая Березина, где тонули гренадёры Наполеона, а здесь Неман, где на плоту в шатре Наполеон и Александр Первый договорились о «вечном мире».

Договоры о «вечном мире» часто оказывались пустой бумажкой. Полковник внезапно оживился и весело сказал: «Обрати внимание, сынок, что многие реки и озёра Белоруссии оканчиваются на мягкий знак: Беседь, Горынь, Друть, Желонь, Морочь, Нарочь, Оболь, Припять, Птичь, Свислочь, Случь, Стырь, Тремль. А вот и речки с женскими именами Бася и Проня, с красивым именем Ясельда».

Начальник штаба 31-й Оршанской Краснознаменной ордена Кутузова инженерно-саперной бригады полковник Тихомиров Алексей Федорович. Тяжело ранен при строительстве переправы через Неман, выздоровел, воевал в бригаде до Победы

Алексей Фёдорович Тихомиров, несмотря на огромную разницу в возрасте и служебном положении, очень охотно общался с однополчанами, ценил фронтовое братство. Когда я поздравил его с сорокапятилетием Победы, он прислал мне большое письмо и свою фотографию «при параде» с надписью: «Боевому радисту Уранию Ивановичу в память о тех днях, когда

нас свела судьба». Мы переписывались года два, но 14 октября 1992 года полковник А.Ф. Тихомиров в возрасте восьмидесяти восьми лет скончался.

Моя жизнь едва не оборвалась на берегу небольшой речушки, если не ошибаюсь, по названию Гайна - между Борисовом и Смолевичами, когда 31-я армия наступала на Минск.

Это было, вероятно, 2 июля 1944 года. Я получил радиogramму срочно явиться к начальнику связи бригады Чайкину. Когда я доложил ему о своём прибытии, майор сказал, что я с радиостанцией РБ-М направляюсь в распоряжение комбата Малахова.

Вскоре за мной прислали мотоцикл с коляской и привезли на КПП майора. Он сообщил мне, что одна из его рот строит мост через небольшую, но топкую речку Гайну. Телефонную связь туда тянуть далеко, а без связи получать информацию о ходе строительства невозможно.

«Ты, - сказал майор, - сейчас поедешь с рацией туда, поступи в распоряжение командира роты и будешь держать связь со мной, сообщать о ходе строительства моста».

Мотоциклист увёз меня к месту строительства, я доложил ротному - старшему лейтенанту, развернул рацию, вызвал Малахова и доложил о выполнении приказа.

Командир роты каждые полчаса докладывал о ходе сооружения моста. Работа кипела, связь в режиме радиотелефона работала бесперебойно. Моя душа пела. И было от чего - работа шла успешно.

После взятия Орши и больших потерь у немцев уже не было сплошного фронта, а стремительное наступление наших войск по двадцать-тридцать километров в день вело к тому, что в нашем тылу оставались подразделения противника, начиная от мелких остаточных групп до дивизии.

Такая вот остаточная группа численностью до батальона вышла из леса к месту строительства моста.

Сапёры не ожидали появления немцев, и потому эффект внезапности оказался на их стороне. Мирно стучали топоры и кувалды, и вдруг

послышался противный, похожий на кошачье мяуканье, усиленное во много раз, вой мины. Она упала в воду и взорвалась, подняв столб грязной воды. Тут же на западном берегу взорвалась вторая мина, просвистели осколки, зататакал пулемёт.

Ротный с орденом Красной Звезды и нашивкой за ранение нервно скомандовал: «Рота! Цепью занять оборону! Огонь по фрицам!»

Недружно затрещали винтовочные выстрелы, в них вплелось несколько автоматных очередей. Наконец застрочил ручной пулемёт. Это было всё, чем могла ответить сапёрная рота противнику.

Немцы залегли и стали поливать роту густым огнем. У них было несколько станкачей «МГ» и два миномёта. Огонь врага густел.

Видимо, батальон был пехотный, превосходящий в боевом столкновении сапёрную роту. У нас появились убитые и раненые. Я лежал с ротным, который успел передать комбату о нападении немцев. Противно чмокали пули, впиваясь в брёвна моста. Столб грязной воды обрушился на нас.

Гитлеровцы короткими перебежками и по-пластунски приближались к нам. Автомат ротного строчил длинными очередями. У меня был единственный диск, поэтому я бил короткими.

Враги подползали всё ближе. Сейчас они поднимутся и бросятся на нас, чтобы смять нашу оборону и переправиться на западный берег Гайны. Сердце учащённо стучало, пот застилал глаза. В голове билась мысль: «Неужели это конец? Неужели сейчас оборвётся моя жизнь?»

Поняв, что силы неравны, что бой мы проигрываем, офицер скомандовал: «Рота, короткими перебежками влево-вправо от моста под защиту крутого берега марш!»

Бежать с двумя упаковками радиостанции было невозможно, поэтому я отцепил упаковку питания с батареями, поставил её в ямку под куст и забросал ветками, а с приёмопередатчиком где ползком, где перебежками оторвался от моста метров на двести, укрылся в «мёртвой» зоне.

Я понимал, что рация без питания - что автомобиль без бензина - бесполезна, но иного выхода не было.

Ротный крикнул: «Патронов у нас мало, стрелять только тогда, когда они пойдут на нас».

Однако немцы нами уже не интересовались. Они боялись, что звуки боя привлекут более крупные наши силы, поэтому поспешили быстрее уйти на запад.

Сбив роту сапёров с занимаемого рубежа, немецкий пехотный батальон по недостроенному мосту переправился на другой берег и исчез в кустах.

Ротный приказал вернуться к мосту и продолжить работу, а старшина с двумя солдатами стал подбирать убитых и раненых. Рота потеряла убитыми шесть человек, и одиннадцать было ранено.

Я нашёл упаковку питания, подключил её к радию, вызвал штаб батальона, где мне сообщили, что майор Малахов выехал к нам. Минут через десять он подъехал на «Харлей Дэвидсоне», выслушал рапорт ротного, подошёл к убитым, снял фуражку и с минуту молча постоял около них. Затем сказал раненым, что скоро придёт санлетучка, которая увезёт их в госпиталь.

Дав указания по завершению строительства моста, Малахов пошёл к немецкому плацдарму - семь убитых, раненых гитлеровцы унесли с собой.

Вернувшись к мосту, Малахов подытожил: «Что ж, ротный, воевали в меру сил, теперь твоя задача - закончить строительство моста. Позже представишь отличившихся к наградам».

Заметив меня, Малахов спросил: «Что, радист, жарко было? Небось, мысленно с мамой простился? Ты у нас недавно, привыкай пока я награждаю тебя знаком «Гвардия». Он отвинтил от кителя свой знак и вручил мне.

В нашей бригаде только батальон Малахова был гвардейским. Я впервые держал в руках знак воинской доблести, но не носил её пока после войны уже не попал в 22-ю гвардейскую мотоштурмовую бригаду и был официально удостоен звания гвардейца.

* * *

Всё, о чём я рассказал выше, происходило позже, а пока мы в потрёпанной полуторке ехали на фронт, в 31-ю инженерно-сапёрную бригаду, и помкомвзвода, старший сержант Жуков информировал на соединении, в котором нам придётся воевать: «Наши радисты составляют две категории: первая - это ещё довоенные связисты, их готовили непосредственно в воинских частях, занимаясь с ним по два-три часа в день. Радиошкол и радиокурсов, где обучали бы по полгода, тогда не было. По этой причине уровень их квалификации и скорость передачи были невысокими, да и радиостанций хороших не было. Таких радистов (и я в их числе) у нас во взводе связи почти половина. Они про себя говорят, что мы умеем «клепать морзянку» или «давить клопов». Вторая категория - это радисты, которые обучались на специальных курсах или в радиошколах по шесть месяцев и ежедневно отрабатывали приём-передачу на телеграфном ключе по шесть-восемь часов в день. Это квалифицированные, классные радисты, как и вы».

Ещё раз оглядев нас, Жуков спросил:

- А что это у вас за шинели такие - зелёные, очень длинные, тонкого сукна?

Леся Беликов ответил:

- Это нас перед отправкой на фронт обмундировали в английские шинели - подарок короля Георга Шестого.

Помню, как мы гордились этими нарядными шинелями, но только до первых морозов. Они показали, что наша родная, серая, грубосуконная шинель, прославленная Твардовским, теплее и удобнее заморского дива.

Из-за этой шинели наш сотоварищ по Новосибирску, Вася Андраханов из села Верх-Бобровка, пробыл на фронте всего три дня. Он попал в радиоэкипаж самого лучшего радиста бригады - старшины Куприянова. В тот вечер начальник радиостанции обнаружил, что батареи питания «подсели» и напряжение упало. Анатолий послал Васю на склад за новыми

батареями. Вася перебежал дорогу, когда по ней передвигался «студебеккер» с орудийным расчётом в кузове и прицепленной противотанковой «соткой».

Увидев солдата в чужой, незнакомой шинели, командир расчёта сержант крикнул: «Смотрите - фриц», - и дал по нему очередь из автомата. Вася упал - ему в грудь попало восемь пуль. «Студебеккер» остановился, расчёт выскочил, подбежал к раненому. Мы с Ваней Литовченко моим начальником радиостанции - тоже. Вася лежал на спине, был в сознании, морщился от боли. Из ран его пузырилась кровь. Он слабо повторял: «За что вы меня убили?» Сержант, стрелявший в него, недоумённо смотрел то на нас, то на Васю, увидел на пилотке красную звёздочку, всплеснул руками: «В своего стрелял, ошибся, где он такую шинель взял?»

Васю я встретил в поезде, когда в 1948 году ехал в отпуск к матери на Алтай. Вася был худ, с землистым лицом, надсадно кашлял, левое веко у него непроизвольно дёргалось. Одет он был в потрёпанный костюм. Видно было, что живётся ему тяжело. Оказалось, что после лечения в госпитале его признали негодным к воинской службе и демобилизовали, но пенсия мала, живёт бедно. Он сошёл на станции Овчинниково, а спустя несколько лет умер.

Впереди по ходу машины мы увидели частые и огромные всполохи света, висящие в небе яркие огни, красные прерывистые трассы, слышали какое-то уханье, взрывы и вопросительно посмотрели на Жукова. Он буднично сказал: «Передок! Но вы не бойтесь, он от штаба бригады, куда мы едем, в шести километрах».

Темнота сгущалась, а подъём в полку связи летом был в пять часов утра. От тряски я забылся и очнулся, когда машина стала спускаться к Днепру. Мы удивились, что ехали от Смоленска три часа, а впереди - опять лента Днепра. Жуков рассеял наше недоумение: «Днепр от Смоленска поворачивает на запад и течёт до Орши, потом спускается на юг.

А эту Оршу нам придётся брать - она в полосе нашей армии. Это ещё тот орешек. Немцы за три года здесь создали такой мощный узел обороны

что бригаде придётся с ним капитально повозиться. Немало здесь крови прольётся».

А в то время, когда мы тряслись в кузове полуторки, комбаты и командиры рот нашей бригады уже получили приказы проделать проходы в минных полях противника, сапёры с огромными ножницами ждали команду резать колючую проволоку, понтонёры проверяли свою технику для наведения переправ.

Полуторка, натужно гудя мотором, поднялась в гору и, пройдя метров триста, остановилась. Шофёр выключил мотор, стало тихо. Жуков поздравил нас с прибытием на фронт, в 31 -ю инженерно-сапёрную бригаду, которая тогда ещё не имела ни почётного наименования, ни орденов.

И, хотя бригада непосредственно в боях не участвовала, а лишь обеспечивала наиболее благоприятные условия для наступления восьми пехотных дивизий 31-й армии генерал-полковника Глаголева, она была удостоена почётного наименования «Оршанская», награждена орденами Красного Знамени и Кутузова второй степени, удостоена девяти благодарностей Верховного Главнокомандующего.

Мы спустились из кузова на землю. Что я увидел? Поле под открытым небом, блиндаж узла связи, землянку для личного состава, в двух аппаратах автобус и грузовик, замаскированные сверху камуфляжной сеткой, палатку, откуда доносился писк морзянки.

Жуков пояснил: «Здесь стоят в обороне 88-я и 331-я стрелковые дивизии. Штаб нашей бригады у них в тылу. Сейчас отдыхайте, постелите шинели на землю и ложитесь - больших удобств я вам предложить не могу, землянка забита до отказа, яблоку негде упасть».

Мы постелили на траве свои драгоценные английские шинели подложили под головы тощие сидорки и легли. Спать в таких условиях пришлось не один месяц.

А в палатке кто-то ловил из эфира звуки морзянки. Я пошёл посмотреть на своего коллегу, а если удастся, то и познакомиться с ним.

При тусклом свете коптилки я увидел склонившегося к панели радиостанции худощавого, с выступающими скулами ефрейтора с серебряной медалью на груди. Он быстро записывал в аппаратный журнал знаки морзянки. Закончив приём, он переключил рацию на передачу и дал корреспонденту квитанцию, что радиограмма принята, послал в эфир «СК» («связь кончаю») и выключил рацию.

Потянувшись усталым телом, он увидел меня, несколько секунд соображал, кто это такой, затем улыбнулся, протянув мне руку: «Давай знакомиться - ефрейтор Персигов Алексей, вместе воевать будем. Можешь звать меня просто Лёшей. Я постарше тебя - 1922 года рождения, а ты, наверное, 1926 года, но чины у нас одинаковые - ефрейтора».

Это был первый из радистов 31-й бригады, с кем я познакомился. Лёша был моим первым начальником экипажа, мы с ним обслуживали радиосвязью командира бригады полковника Проневича. Лёша передал мне немалую толику своего фронтового опыта. Мы с ним переписывались вплоть до его смерти, дважды общались в Москве на юбилейных встречах.

Мы проснулись от страшного грохота. В 6 часов 40 минут началась стратегическая наступательная операция «Багратион» по освобождению Белоруссии.

Тысячи орудий всех калибров открыли уничтожающий огонь по укреплениям противника. Фронтовая газета «Красноармейская правда» писала в тот день, что на километр фронта приходилось по 342 артиллерийских ствола. Реактивные снаряды гвардейских миномётов- катюш чертили в сторону врага огненные трассы. Двухкилевые бомбардировщики Пе-2 эскадрильями по девять самолётов волна за волной накатывались, сменяя друг друга, на позиции врага и сбрасывали бомбы. На десятки метров над позициями гитлеровцев поднялась непроглядная стена пыли и дыма.

В 9 часов утра вслед за огненным валом двинулись в атаку корпуса нашей армии: 36-й, Героя Советского Союза генерала К. Провалова, 71-й,

Героя Советского Союза генерала П. Кошевого, 113-й, генерала Н. Олешева, поддерживаемые танками.

Командир 71-го стрелкового корпуса, генерал-лейтенант и Герой Советского Союза П. Кошевой, позже стал дважды Героем и маршалом Советского Союза, командовал войсками Киевского военного округа.

Глава 4

ПЕРЕД ОПЕРАЦИЕЙ «БАГРАТИОН»

Стратегическую операцию по освобождению Белоруссии Сталин назвал «Багратион» в честь генерала от инфантерии, грузинского князя Петра Ивановича Багратиона, выдающегося русского полководца, героя суворовских походов и Отечественной войны 1812 года, погиб в Бородинском сражении.

Во второй половине 1943 года и первом квартале 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования предпринимала ряд попыток освободить Белоруссию, которая в начале войны была полностью оккупирована немецкими войсками и понесла огромные людские и материальные потери. Но сил у Красной Армии на этом направлении советско-германского фронта было недостаточно.

В конце сентября 1943 года советские войска вышли на подступы к Витебску, Могилёву, Рогачёву. 26 ноября 1943 года был освобождён Гомель, а 14 января 1944 года - Мозырь.

Всего к февралю 1944 года было освобождено 36 районов Могилёвской, Витебской, Гомельской и Полесской областей. На большее не хватало сил, ибо гитлеровцы за годы оккупации создали в Белоруссии первоклассную оборону, используя природные факторы: леса, болота, реки.

Логика войны диктовала нашему Верховному Главнокомандованию необходимость сосредоточения для освобождения Белоруссии огромных сил.

И вот Ставка развернула на границах республики четыре фронта: Первый Прибалтийский, Третий, Второй и Первый Белорусские.

В мае 1995 года на встрече ветеранов нашей 31-й армии в Москве по случаю пятидесятилетия Победы мне подарили альбом карт «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.», где на карте номер четырнадцать «Освобождение Белоруссии» приведено соотношение наших и немецких сил в Белорусской операции:

- личного состава мы имели 2 миллиона 400 тысяч человек, немцы только 1 миллион 200 тысяч человек, то есть мы превосходили врага в 2 раза;
- танков и самоходных артиллерийских установок - 5200 единиц, а немцы только 900, наше превосходство в 5,8 раза;
- боевых самолётов - 5300 единиц, а у врага только 1300 - превосходство в 3,9 раза.

Цифры более чем убедительные. Однако подавляющее превосходство наших войск над немецкими в живой силе и технике в операции «Багратион» не избавило наши войска от крупных потерь.

Слишком прочную оборону создали немецкие генералы за три года оккупации Белоруссии. Лучшие фортификаторы Германии разрабатывали и осуществили сооружение мощнейших укреплений.

Слишком сложной для наступления наших войск оказалась лесисто-болотистая местность.

К тому же наступающий, идущий на укрепления врага (это аксиома), всегда несёт большие потери, чем обороняющийся, сидящий в траншеях и блиндажах.

В уже упомянутом альбоме карт указывается, что германский вермахт в Белорусской операции потерял 480 тысяч солдат и офицеров, а Красная Армия - 760 тысяч человек, или в полтора раза больше. Немалые потери понесла и наша инженерно-сапёрная бригада, воевавшая на острие наступления 31-й армии и сооружавшая под огнём и бомбами противника мосты и переправы, разминировавшая полосы наступления. В штабе бригады

подытожили цифру потерь убитыми и ранеными. Оказалось, что она потеряла до трети личного состава.

Как известно, в годы культа личности Сталина (перед войной) было репрессировано около сорока тысяч командиров Красной Армии, в результате чего к руководству войсками пришли молодые, неопытные, без достаточной военной подготовки офицеры. Командирами полков приходилось назначать капитанов, а командирами дивизий - майоров. Это одна из причин стратегических неудач Красной Армии в 1941-1942 годах.

Где-то читал, что когда Сталин узнал о планах Гитлера напасть на СССР, захватить его огромные ресурсы, необходимые для завоевания мирового господства, он решил «почистить» командный состав Красной Армии.

У истоков создания вооружённых сил молодого Советского государства стоял волевой, но авантюрный Лев Троцкий (Бронштейн). Он же в течение шести лет был Народным комиссаром по военным и морским делам. За эти годы он расставил на ключевые посты в армии и на фронте преданных ему лиц.

Хотя к середине тридцатых годов Троцкого в СССР давно не было, тем не менее некоторые его выдвиженцы в вооружённых силах страны продолжали руководить войсками. Этого Сталин допустить не мог. Однако победа состояла в том, что под каток репрессивной машины попадали многие честные, преданные советской власти командиры, и их множество. К счастью, творческий потенциал нашего народа неиссякаем и на смену репрессированным пришли талантливые, творчески одарённые командиры.

До войны мало кто знал генерал-майора Генерального штаба А. Василевского, но война раскрыла его стратегические таланты, он быстро рос и в июне 1942 года уже был начальником Генерального штаба, а с октября 1942 года - одновременно заместителем наркома обороны был одним из авторов разработок и исполнителем крупнейших стратегических операций,

стал Маршалом Советского Союза, дважды удостоен награждения высшим полководческим орденом Победы.

Или взять П. Ротмистрова. В июне 1941 года он имел скромное звание полковника, а в августе 1944 года уже был заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии, стал Главным маршалом бронетанковых войск СССР, награждён шестнадцатью высшими орденами.

Подобных примеров великое множество.

Разрабатывая стратегическую наступательную операцию «Багратион», Ставка Верховного Главнокомандования озаботилась назначить командующими четырёх фронтов наиболее опытных и авторитетных стратегически одаренных полководцев.

Командующим Первым Белорусским фронтом был назначен популярный полководец, любимец солдат и командиров К. Рокоссовский.

Как многие, он попал в мясорубку репрессий 1937-1938 годов и несколько лет провёл в концлагерях, но затем был освобождён и назначен командиром механизированного корпуса, а в августе 1941 года - командующим армией, затем - командующим Брянским фронтом. Рокоссовский - герой Сталинградской битвы, командовавший Донским фронтом, громил врага на Орловско-Курской дуге. Маршал Советского Союза и дважды Герой, награждён орденом Победы.

Командовать Первым Прибалтийским фронтом Ставка поручила опытному полководцу, генералу армии и Герою Советского Союза И. Баграмяну.

Во главе Третьего Белорусского фронта был поставлен Герой Советского Союза генерал-полковник И. Черняховский. Это был стратег - самородок. Начав войну командиром дивизии и полковником, он быстро рос и в должностях, и в званиях, занимая последовательно должности командира 18-го танкового корпуса, командующего 60-й армией. Он в Белорусской

операции проявил свои лучшие полководческие качества, был удостоен второй Золотой Звезды Героя и звания генерала армии.

Наша 31 -я армия входила в состав Третьего Белорусского фронта.

Глубокой скорбью в сердцах воинов фронта отозвалась гибель И. Черняховского 18 марта 1945 года под прусским городом Мельзак. Он был погребён при многотысячном стечении народа на одной из площадей столицы Литвы Вильнюса. Однако после развала СССР литовские националисты стали устраивать хулиганские оргии вокруг памятника полководца-героя, обливали памятник краской, привешивали таблички с надписями: «Выбросить прах генерала-оккупанта из священной литовской земли». А ведь войска Черняховского освободили Вильнюс, да и всю Литву от немецких оккупантов.

Когда в мае 1990 года я присутствовал на собрании ветеранов 31-й армии, проходившем в Москве в Доме политического просвещения напротив цирка Никулина на Цветном бульваре, то мы по предложению председателя совета ветеранов полковника Афанасьева приняли обращение к Правительству: «Избавить прах генерала-героя от издевательства и перезахоронить его в столице Белоруссии Минске, которую 3 июля 1944 года освободили войска Черняховского».

Однако Правительство с нами не согласилось, и останки Черняховского были перевезены в Москву и погребены на Новодевичьем кладбище.

В биографии Черняховского меня удивляет один курьёз. Этот полководец от бога, стратег высшей пробы, оканчивая в 1936 году Академию механизации и моторизации Красной Армии, писал дипломную вовсе не о стратегии, а о путях совершенствования танкового карбюратора.

А вот назначенного Ставкой командующего Вторым Белорусским фронтом генерала Г. Захарова в войсках знали мало. Его имя редко фигурировало в средствах массовой информации.

Не могу не сказать о командующем нашей 31-й армии, генерал-полковнике и Герое Советского Союза Василии Васильевиче Глаголеве. Он

был 1896 года рождения, то есть старше командующего фронтом Черняховского ровно на десять лет. Он был участником Гражданской войны. В 1921 году окончил командные курсы, а 1941 году, перед началом войны, - курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени Фрунзе.

Строго говоря, у В. Глаголева не было ни среднего, ни высшего военного образования. Курсы, где он учился, - это не военное училище и не Академия.

В июне 1941 года Глаголев был полковником, командиром кавалерийской дивизии, с ноября 1942 года командовал 10-м гвардейским стрелковым корпусом, затем последовательно 9-й, 46-й армиями, а в мае 1944 года (накануне операции «Багратион») был назначен командующим 31-й армией.

Соавторы книги «Дорогами испытаний и побед» (боевой путь 31-й армии) Н. Афанасьев, Н. Глазунов, П. Казанский и Н. Фиронов, воевавшие под началом Глаголева, характеризуют его как стратегически одарённого, волевого, храброго командарма, быстро ориентирующегося в самой сложной обстановке и находящего верные решения.

В 1946 году генерал-полковник В. Глаголев был назначен командующим воздушно-десантными войсками Советской Армии, но в том же году погиб в авиационной катастрофе.

Когда мы ехали на фронт, то помощник командира взвода связи старший сержант Жуков рассказывал нам, что в июне войска армии непрерывно пополнялись боевой техникой и вооружением. Взвод связи обновил половину радиостанций на более современные, получил новые анодные батареи и аккумуляторы для питания радиостанций, а вместо устаревших телефонных аппаратов в деревянном корпусе УНА-И и УНА-Ф поступили современные ТАИ-43 и американские в кожаном футляре ЕЕ-8-А. Теперь связь должна была работать как часы.

Начальник связи бригады майор, а с июля 1944 года - подполковник Чайкин часто повторял, что «связь - это нервы армии». Позже прочёл, что в операции по освобождению Белоруссии участвовали 36 тысяч радиостанций. Наши войска в Белоруссии не испытывали таких трудностей со связью, как Красная Армия в 1941 году, когда даже командующие фронтами не знали, где находятся подчинённые им армии и чем они занимаются.

Глава 5 ВОЙСКА ВСТУПИЛИ В БЕЛОРУССИЮ

Мощная артиллерийская подготовка шла уже два часа. На позиции врага были обрушены тысячи тонн снарядов, мин, бомб. В ушах гудело от страшного грохота.

Мой коллега по Новосибирску и Смоленску томич Коля Быков крикнул мне в ухо: «Не хотел бы я сейчас оказаться на месте немцев ведь там настоящий ад - Содом и Гоморра, смерть и увечье».

Гитлеровцы пытались вести ответный огонь, но их пушечные выстрелы были редкими и неточными. Видимо, большая часть вражеских пушек была выведена из строя, а их расчёты погибли.

Невдалеке от нас грохнул разрыв снаряда, в воздух полетели комья земли. У ротного коня, привязанного к берёзе, по холке несколько раз пробежала рябь страха, он дёргал головой, пытаясь оторвать узду, но не смог и вдруг заржал полным тоски и страха голосом. Его ездовой, казанский татарин Равиль Ахметшин, плохо говоривший по-русски, нагнулся ко мне и громко крикнул: «Конь раненая был, теперь шибко боится».

Мы - восемь прибывших на фронт ефрейторов - тоже боялись, лица ребят побледнели, отяжелели, но рядом находились бывалые фронтовики, и «праздновать труса» у них на глазах мы не могли, а потому бодрились, держались «бодро-весело», хотя в душе скопился липкий страх.

Близко от нас один за другим разорвались два немецких снаряда, над головой просвистели осколки. Внезапно Робеспьер Заякин - барнаулец - кинулся бежать в сторону тыла. За ним - высокий сержант Литовченко. Быстрыми, широкими шагами он догнал Заякина, схватил его за ремень, остановил: «И куда ты, дурашка, бежишь? Немцы стреляют не в цель, а по квадратам и редко. Куда попадёт снаряд, неизвестно. Ты только что приехал на фронт и уже решил смыться, а ведь за это направляют в штрафную роту - вот там возможность погибнуть - многократно выше. Не трусь! Закаляй волю!»

Мы, прибывшие радисты, стояли у блиндажа неприкаянно, никто нами не интересовался. А так хотелось сесть за рацию, надеть наушники и вступить в безбрежный эфир!

Вдруг показалась высокая худощавая фигура взводного Коневашцелованова. Он скомандовал: «Ефрейторы! В колонну по одному становись!» - и пояснил, что нас вызывает к себе для распределения по частям начальник связи бригады майор Чайкин. Мы спустились к нему в блиндаж - это оказался высокий, плотный офицер в чистом, хорошо отглаженном обмундировании. Он поприветствовал нас и кратко ввёл в ситуацию: «Подробно знакомиться с вами мне некогда, началось мощное наступление на Белоруссию, каждая минута на счету. Мы тут с вашим взводным Коневым (вы с ним в Смоленске уже познакомитесь) составили список, кто в какой радиоэкипаж назначается. Сейчас старший лейтенант зачитает список, потом он с оказией отправит к месту службы в батальоны и подразделения. На этом всё! Разойдись!»

Я попал в экипаж ефрейтора Перенкова, с которым познакомился ночью в палатке, где он вёл передачу. Попал к нему и ефрейтор Саша Зырянов (наши фамилии начинаются на букву «З») - баламут и шутник из глухого алтайского села.

Перенков велел нам взять две радиостанции РБ-М и «Север», сказал, что мы будем обслуживать радиосвязью командира бригады полковника

Проневича, которого в бригаде уважительно называли «батей». Проневич находился на вспомогательном пункте управления (ВПУ) недалеко от командного пункта командующего армией генерала Глаголева, который должен был по ходу сражения ставить сапёрам задачи.

И вот мы на ВПУ, развернули две радиостанции, вошли в эфир. Нагрузка оказалась адская, ход сражения требовал корректировки, уточнений, новых задач. Радиограммы от комбрига в батальоны с приказами, донесения от комбатов шли потоком. Мы едва успевали по переговорной таблице дежурного радиста шифровать и расшифровывать радиограммы.

Я вспомнил высказывание капитана Серенко из 24-го полка связи: «Нередко вовремя переданная радиограмма стоит дороже, чем успешная атака батальона».

Содержание первой принятой мною радиограммы навеки сохранилось в памяти. Командир 72-го Ярцевского инженерно-сапёрного батальона майор Мосензон докладывал комбригу, что на его разминированном ночью от немецких мин участке наша танковая бригада прошла без потерь. Я тут же отнёс радиограмму полковнику Проневичу он прочитал её, приобнял меня и сказал: «Спасибо, сынок». Сколы таких «спасибо» я слышал от него потом!

В первые дни наступления наша 31-я левофланговая армия, как и некоторые другие армии фронта, медленно, с большими потерями «прогрызала» оборону противника.

Военные историки в кратком научно-популярном очерке «Великая Отечественная война» (Москва, 1973) отмечали, что «трудно пришлось вначале войскам 11-й гвардейской и 31-й армий генералов К. Галицкого и В. Глаголева».

В Белоруссии оборонялась немецкая группа армий «Центр» фланговые соединения соседних групп армий (по нашему-фронтов) всего 63 дивизии, а они, в отличие от наших, были многочисленнее в два-три раза, и три отдельные бригады. Этой машиной командовал опытнейший стратег вермахта Эрнст Буш по праву считавшийся в Германии мастером жёсткой обороны.

Кратко проследим жизненные пути и боевой опыт двух полководцев, скрестивших свои шпаги в Белоруссии.

В Первой мировой войне Эрнст Буш в звании капитана командовал батальоном, а тридцатилетний капитан Черняховский стал командовать батальоном лишь в 1937 году. К этому времени пятидесятидвухлетний Буш в звании генерал-лейтенанта уже командовал корпусом, а через два года - армией, руководил немецкими войсками при прорыве линии Мажино и захвате Бельгии. Подполковник Черняховский в это время командовал танковым полком.

В феврале 1943 года фон Буш был произведён в генерал-фельдмаршалы, а в октябре того же года был назначен Гитлером командующим группой армий «Центр».

После ожесточённых кровопролитных боев 26 июня, то есть через трое суток после начала операции «Багратион», 31-я армия овладела рядом населённых пунктов и небольшим городом Дубровно Витебской области.

Нам под радиостанцию отвели полуразрушенный дом. В Смоленске взводный Березовский рекомендовал для повышения дальности передач забираться на дерево или крышу, устанавливая на вершине высокий шест, а шлейф от телефонного кабеля спускать и подключать антенной клемме радиостанции.

Так удавалось увеличивать дальность передач в полтора-два раза. И вот я залез на крышу, и её кровля меня поразила. Я видел тесовые, кованные, соломенные, черепичные, шиферные кровли, но эта была для меня совершенно незнакома. Она состояла из тысяч деревянных дощечек определенной формы, уложенных по определённой технологии таким образом, чтобы вода во время дождя не проникала и не заливала чердак. Местный житель мне пояснил, что такие дощечки называются «гонт» и таких крыш в Белоруссии - великое множество.

Поначалу в беседах с белорусами мы испытывали некоторое затруднение из-за языкового барьера, хотя это братский славянский народ.

Когда я дал старику пачку немецких сигарет, он сказал мне незнакомое слово «дзякую», часто мы слышали выражение «кали ласка», оказалось, что это наше «пожалуйста». На вывесках я видел надписи: «адзел народной асветы» (отдел народного образования), «сцеражись цягніка» (берегись поезда), в Минске видел вывеску «наркомат харчовой і смаковай прамысловосці» (наркомат пищевой и вкусовой промышленности). Из белорусской лексики мне очень нравилось как связисту-сапёру слово «выбух» - взрыв.

После войны в Бобруйской крепости у меня был рассыльный белорус Баневич, декламировавший шуточное наставление: «Самое голоумное у життi - не хвалыватися, а старанно пережываць ежу» (сам главное в жизни - не волноваться, а тщательно пережевывать пищу).

Мои предки - белорусы из Могилёвской области, я участвовал в освобождении Белоруссии, служил после войны четыре с половиной года в Бресте и Бобруйске, тесно общался с белорусами, но к их языку так и не привык - уж очень он своеобразный: «благодару, я не куру».

Чуть ли не обязательной принадлежностью белорусского частного дома является аист. По поверью он приносит новорожденных детей, но в Белоруссии, по-моему, он является символом домашнего уюта, семейного благополучия, прочности быта. Около дома вбит высокий прочный кол, на нём - гнездо из хвороста или старое колесо. Наверху на одной ноге стоит аист с чёрным хвостом и время от времени щёлкает клювом. Украинцы зовут аиста черногуз, а белорусы - бусель.

* * *

На первоначальном этапе операции «Багратион» важнейшей задачей 31-й армии была Орша - крупный железнодорожный узел, мощный бастион обороны гитлеровцев, который они по последнему слову инженерной науки укрепляли три года.

Заняв Оршу, 31-я армия выходила бы на оперативный простор, а это - залог успеха.

Как уже было сказано, во главе фронтов были поставлены опытные, не раз проверенные в самых сложных ситуациях, полководцы. И Верховный Главнокомандующий установил над ними надзор с помощью «представителей Ставки».

Для координации действий и оказания командованию помощи таким представителем на Первый Прибалтийский и Третий Белорусский фронты был назначен маршал А. Василевский, а на Первый и Второй Белорусские фронты - маршал Г. Жуков.

Наши войска, преодолевая упорное сопротивление немцев, сокрушая их оборонительные сооружения, со всех сторон окружали Оршу 71-й корпус генерала П. Кошевого наступал с севера, 36-й корпус генерала К. Провалова - с юго-востока. Они взаимодействовали с дивизиями 11-й гвардейской армии генерала К. Галицкого и танкистами 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса.

Батальоны нашей бригады наводили и сооружали переправы через многочисленные речки: Оршица, Крапивенка и другие. Удалось захватить невзорванным мост через Днепр.

В четыре часа утра 27 июня в Оршу ворвались полки 88-й и 113-й дивизий корпуса генерала Кошевого, 173-я и 220-я дивизии корпуса генерала Провалова. Они, преодолевая сопротивление врага, очищали одну улицу за другой. Особенно жаркий бой кипел около железнодорожного узла. Наконец Орша была взята, а вместе с нею было освобождено ещё 130 населённых пунктов.

Верховный Главнокомандующий объявил войскам, освобождавшим Оршу, благодарность, а сорока одной части и соединению было присвоено почётное наименование «Оршанские», а в Москве в их честь был произведён артиллерийский салют.

Наша 31-я инженерно-сапёрная бригада также было удостоена наименования «Оршанская» и награждена орденом Красного Знамени. В

этих наградах имеется и частица моего ратного труда. За четыре дня наступления я передал и принял 214 радиogramм.

В день освобождения Орши вышла армейская газета «На врага» с объявлением благодарности Верховного Главнокомандующего отличившимся соединениям и о присвоении им почётного наименования «Оршанская».

Прочитав приказ, Саша Кадейкин задумчиво заметил: «А вот в старой России такие почётные наименования присваивались не только дивизиям и бригадам, но и отличившимся полководцам. Почему бы нам не возродить эту благородную традицию?» Ваня Боготищев, орловский колхозник, спросил: «Что ты, Саша, конкретно предлагаешь?» Кадейкин перечислил: «За завоевание Крыма князь Потёмкин получил титул «Таврический», граф Румянцев стал «Задунайский», Суворов графом Рымникским, князем Италийским, Кутузов - Смоленским, Орлов - Чесменским... Наш взводный носит двойную от родителей фамилию: Конев-Щелованов. Давайте (нас тут большинство взвода) присвоим ему почётное наименование «Оршанский» - он будет (как Кутузов) носить тройную фамилию: Конев-Щелованов-Оршанский». Предложение понравилось. И Конев-Щелованов до конца войны и расформирования бригады стал носить почётное наименование «Оршанский», против чего он вовсе не протестовал.

Такие вот казусы встречались на фронте.

* * *

До войны в Орше проживало 54 тысячи человек, к моменту освобождения осталось только 3 тысячи. За время оккупации немцы разрушили две трети городской застройки, все промышленные предприятия, железнодорожный узел.

Город сопротивлялся, в нём действовало 60 подпольных групп, наносящих ущерб оккупантам. Одним из руководителей оршанского подполья был начальник паровозного депо Заслонов, создавший подпольную группу, которая подорвала 93 немецких паровоза, провела ряд других

диверсий. В бою с карателями Заслонов погиб, награждён двумя орденами Ленина, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Орша была награждена орденом Отечественной войны.

С Оршей у меня связано два воспоминания о событиях неординарных, одно из них чуть не закончилось моей гибелью.

Большой проблемой для связистов-телефонистов был недостаток кабеля. Десятки метров его выкашивались и гибли при бомбёжках и артобстрелах, рвались под гусеницами танков. К тому же наш кабель был тяжёл. Сначала провод покрывался резиновой оболочкой, затем обматывался специальной тканью и, наконец, пропитывался озокеритом.

На большую телефонную катушку такого кабеля наматывалось только триста метров.

У немцев же на кабеле не было ни резины, ни тканевой оплётки, ни озокерита. Они покрывали провод тонким слоем разноцветного хлорвинила, в итоге на меньшую, чем у нас, катушку наматывалось до пятисот метров кабеля.

При прорыве немецкой обороны часть кабеля у наших телефонистов погибла, и начальник связи бригады майор Чайкин озаботился проблемой - где достать кабель.

На восточной окраине Орши немцы за три года выстроили целый подземный городок: блиндажи, землянки, склады. Все они были соединены телефонными линиями связи. При отступлении гитлеровцы не успели смотать кабель. Кто-то доложил об этом Чайкину. Он обрадовался возможности обзавестись неучтённым кабелем, вызвал старшего телефониста Сашу Кадейкина и меня и приказал взять по три катушки и смотать немецкий кабель.

Сматывание кабеля оказалось делом нехитрым. Кадейкин как опытный телефонист-линейщик шёл быстро и легко сматывал кабель. Я как связист-беспроволочник в начале работал медленно, шёл шагом, следя, чтобы кабель

располагался по валу катушки равномерно, как нитка на шпулке. Затем я освоился и стал двигаться бегом, как Кадейкин.

Мы намотали уже по две катушки и сложили их у входа в огромный полуразрушенный блиндаж. Я надел на шею ремень третьей катушки и резво побежал по полю, крутя рукоятку катушки.

Вдруг Кадейкин нервно крикнул: «Зенькович! Стой! Ты на минном поле! Не шевелись!»

Я остановился как вкопанный. Ноги стали как ватные, подломились, я присел на корточки, замер. Сердце колотилось как пулемёт, пот застилал глаза. Кадейкин указал мне на неравномерно расположенные желтоватые пятна с подсохшей травой, величиной с десертную тарелку. «Это мины, - показал опытный фронтовик, - наступи на такое пятно - взрыв, и ты остался без ноги. Не шевелись, а я схожу за минёром, он прощупает дорожку и выведет тебя оттуда».

Александр ушёл, а подошедший сюда Сашка Зырянов с двумя густыми катушками, сидя на безопасном удалении, старался ободрить меня, уверяя, что все будет «тики-так» (было на фронте такое выражение, означающее «всё в порядке»).

Время шло, Кадейкин не появлялся, видимо, не мог найти минёра. Было жарко - всё же конец июня - изо всех пор тёк пот. Мне на память пришли слова популярной тогда песни «Орлёнок»: «Не хочется думать о смерти, поверь мне, в семнадцать мальчишеских лет».

Наконец появился Саша Кадейкин в сопровождении высокого худого минёра. Он опытным взглядом прошёлся по полю, нашёл «слабину» в расположении мин, вынул из сумки вешки и, орудуя шупом, двинулся вперёд, втыкая вешки в опасных местах, после чего разминал проход, вынимая немецкие пластмассовые противопехотки и обезвреживая их. Это была филигранная работа, ибо минёр ошибается лишь раз в жизни.

В строевой песне нашей бригады говорилось:

Почему минёр не ошибается,

Понимает каждый –
На такой работе не случается
Ошибаться дважды.

Пройдя по обезвреженному проходу до места, где я сидел на корточках, минёр подал мне руку и помог подняться, предупредив: «Иди осторожно за мной, не отставая - след в след, строго держись прохода, обозначенного вешками».

Он зашагал вперёд, а я стоял, как в ступоре, боясь сделать хоть один шаг. Не слыша моих шагов, минёр оглянулся, удивился: «Ты стоишь, как засватанный, давай двигай, мне некогда с тобой возиться мин в городе тысячи, как картошки у бабы в огороде. Надо снимать их, а то многих не досчитаемся». Однако идти я не мог, тогда минёр вернулся ко мне, взял за руку и вывел. Когда мы вышли на безопасное место, нас приветствовали два Александра: Кадейкин и Зырянов, обнял минера: «Спасибо, браток, век не забуду - ты мне жизнь спас «Чего там - мы ежедневно спасаем сотни жизней, да вот свою не всегда удаётся спасти. Вчера мой товарищ при разминировании фугаса подорвался, даже похоронить нечего было».

Больше я этого минера не видел и очень жалею, что не узнал о нём подробнее.

А когда на встрече ветеранов 31 -й армии в Москве в честь 40-летия Победы в мае 1985 года я напомнил Саше Кадейкину эту историю, поблагодарил его за спасение, то на его лице отразилось недоумение, и он спросил: «Ураний, милый, а ты часом не придумал эту историю чтобы сделать мне приятное?»

Когда я рассказал эту историю знакомому психологу, она сказала: «Всё верно, для вас эта история была крупным событием в жизни, ведь вы висели на волоске между жизнью и смертью - и потому врезалась навсегда в память, а для Кадейкина это был один из случайных эпизодов, каких у него на фронте были десятки. Поэтому он забыл».

* * *

За немецкими блиндажами виднелись десятки погибших наших красноармейцев и командиров и несколько немецких солдат в мундирах мышиного цвета.

Я спросил своего начальника, сержанта Литовченко: «Почему так мало убитых фрицев, а наших - в несколько раз больше?» Старый воин ответил: «Немцы, отступая, уносят трупы убитых и в тылу хоронят в отдельных могилах, где на каждой ставят чёрные кресты, похожие на германский орден, в центре прибивают табличку с данными павшего, а сверху прибивают его каску. За это их можно уважать».

И вот где-то под Оршей наш экипаж: Ваня Литовченко, Саша Зырянов и я, - наткнулись на впечатляющую картину: это было огромное немецкое кладбище, чёткое, как шахматная доска, где виднелись сотни чёрных крестов. Ваня сказал: «Вот ответ на твой вопрос, почему на поле так мало убитых гитлеровцев, они свезли их сюда и по-человечески захоронили. Их здесь сотни. А как чётко всё распланировано - в этом немцам не откажешь». Не только мы остановились у края кладбища, подошли с десятков наших военных и несколько гражданских. Картина впечатляла. Внезапно сзади послышался мощный рёв дизеля танка Т-34. Покачиваясь на ухабах, извергая из выхлопных труб клубы сгоревшей солярки, мчалась на запад грозная боевая машина, выставив вперёд длинную пушку.

На окраине кладбища водитель, увидев толпу людей, остановил танк. Открылся люк, из него до половины туловища в комбинезоне и шлемофоне показался молодой усатый танкист. Он внимательно осмотрел расстилающуюся перед ним панораму, восхищённо присвистнул и удовлетворённо воскликнул: «Вот это да! Никогда такого не видел. Сколько же их тут зарыто? Да незарытых сколько - вот в бумажных мешках поленицей лежат! Красота! Молодцы славяне! Хорошо поработали! Дай бог и дальше так, почаще бы видеть такое».

Окинув ещё раз панораму кладбища, комбинезонный танкист крикнул: «Славяне! А заслужили ли эти убийцы, насильники и грабители таких почестей? Ведь они пролили на нашей земле реки крови, причинили столько горя!»

Он нырнул вглубь танка, захлопнув люк. Танк грозно взревел и внезапно бросился вперёд, круша и ломая всё на своём пути. Пробежав до одного края, танк развернулся на месте, побежал назад, оставляя за собой широкую просеку сломанных, искорёженных гусеничными траками крестов. Вдавливались в землю таблички со званиями и фамилиями погибших, датами рождения и смерти. Это был смерч возмездия, всплеск ярости воина, хлебнувшего от тевтонов полной мерой горя и страданий.

Дерзость танкиста, его несокрушимый напор поначалу ошеломили очевидцев происходящего, люди оцепенели, а танк всё бегал по кладбищу, пока на нём не осталось ни одного креста.

Как всегда, ситуацию разрядил чей-то выкрик: «Молодцы танкисты! Так им, сволочам кровавым, и надо! Нечего им, шакалам, на нашей земле мемориалы устраивать!»

Стоявшие на обочине фронтовика одобрительно загудели. Танк подошёл к толпе, остановился, его рычание стихло. Экипаж вышел из машины. Танкисты стирали с лиц пот, как после тяжёлой работы, закуривали. Послышались голоса: «Спасибо, хлопцы! Стерли фашистскую нечисть с нашей земли».

Прошли десятилетия, зарубцевались раны тела и души фронтовиков, осыпались и заросли травой блиндажи и траншеи. Война ушла в прошлое, стала историей.

Поэт Л. Дербенёв очень хорошо сказал:
Давным-давно была война,
И там, где всё сожгла она,
Поля желтеют и синеют реки.
И тот, кто эту землю спас,
Остался жить в сердцах у нас
Навеки, навеки, навеки...

По юбилейным датам к местам былых боёв стали съезжаться их участники, не только наши ветераны, вдовы и дети погибших, но и родственники наших врагов, их вдовы, потомки.

Они сетовали на то, что могилы немецких, австрийских, венгерских, румынских, итальянских, финских, испанских и иных «двунадесятих языков» не сохранились, негде приклонить голову, некуда возложить цветы.

Тогда я впервые задумался, а так ли уж прав был усатый танкист, который 28 июля 1944 года уничтожил под Оршей огромное кладбище погибших немцев?

В могилах лежали уже мёртвые враги, они уже не могли никого убивать, жечь, насиловать, грабить. К тому же среди захороненных было, вероятно, немало обычных солдат, не все же были звери.

Однако я вновь заколебался, когда германские организации выдвинули идею соорудать на местах гибели гитлеровцев мраморные мемориалы.

Гитлеровцы зажали Ленинград в кольцо блокады, выпустили по его кварталам полмиллиона снарядов, уморили голодом и бомбёжками почти миллион детей, женщин, стариков.

Я дважды бывал на Пискаревском кладбище, видел фотокопию дневника Тани Савичевой, которая своим детским, неустоявшимся почерком вела страшный мартиролог своей семьи, скрупулёзно фиксируя, кто из неё, какого числа и во сколько часов с минутами умер: Женя, бабушка, Лека, дядя Вася, дядя Лёша, мама. Дневник заканчивается трагическим итогом: «Савичевы умерли все». Нельзя без острой сердечной боли видеть этот страшный документ, пригвоздивший фашизм и его военщину к позорному столбу.

Целиком разделяю мнение защитников Ленинграда о том, что ставить величественный гранитный памятник фашистским солдатам на бывшей линии фронта в Красном селе так же кощунственно и подло, как и татаро-монголам, погибшим при штурме старинного города Козельска.

Подло ставить памятник гитлеровцам в многострадальном Ржеве, где погибло около семидесяти двух тысяч красноармейцев и командиров.

* * *

Пока 31-я армия при содействии соседей штурмовала Оршу, танкисты 5-й гвардейской танковой армии прорвались далеко вперед и овладели находящимся в пятидесяти километрах от неё на запад городом Толочин, перерезав при этом автомагистраль и железную дорогу Минск - Москва.

Войска 31 -й армии устремились к Березине, находящейся от Орши на расстоянии 134 километров, из них более половины приходилось на лесисто-болотистую местность. Батальоны нашей бригады немало потрудились, прокладывая путь дивизиям 31-й армии.

Оборона гитлеровцев в Белоруссии была дезорганизована, но немцы дисциплинированные и упорные вояки - продолжали оказывать нашим войскам упорное сопротивление.

За поражения всегда кто-то должен платить. «Козлы отпущения» находятся всегда. Гитлер снял с должности командующего группой «Центр» - многоопытного «мастера обороны» Эрнста Буша назначил вместо него другого - генерал-фельдмаршала В. Моделя.

Однако войска четырех советских фронтов: Первого Прибалтийского, Первого, Второго и Третьего Белорусских, преодолев мощную прифронтовую полосу укреплений в пятьдесят-семьдесят километров и выйдя на оперативный простор, набирали такую силу, такую стремительность наступления, что и десять Моделей не смогли бы остановить их.

Командиры, уверовав в силу своих войск, смело решали стратегические и тактические задачи, наладили чёткое взаимодействие разных родов войск, обеспечили ежесуточное продвижение полков и дивизий в двадцать-тридцать километров в сутки. Подъём боевого духа наших войск был исключительно высок.

Глава 6

БЕРЕЗИНА - РУБЕЖ СТАРИННЫЙ И ВЕЛИКИЙ

На пути к Березине войскам 31-й армии предстояло преодолеть немало рек и речушек, в том числе Друть и Бобр, переправы через которые гитлеровцы уничтожили. А без переправ наступательный порыв войск ослабевал, тяжёлая техника оставалась на восточных берегах войска несли тяжёлые потери.

К тому же местность изобиловала лесами и болотами, и у сапёров было работы невпроворот: оборудовали броды, строили мосты, наводили понтонные переправы, в лесах прорубали просеки, в болотах настилали гати. Зато минные поля и проволочные заграждения почти не встречались.

Где-то здесь я оказался очевидцем неприятной истории. Неопытный командир танка Т-34 в засаленном комбинезоне спросил у мостовиков, когда будет готова переправа. Узнав, что это произойдёт только к вечеру, он матюгнулся и сказал: «Я не могу так долго ждать, у меня на том берегу отец с матерью, я их не видел три года. Речка здесь - воробью по колено - проскочим. Вперёд, славяне!»

Он нырнул вглубь танка, на башне которого белыми буквами было выведено: «Олег Кошевой». Танк взревел, резко дёрнулся и двинул к речке. Как лягушка, он шлёпнулся с крутого берега в воду, но на середине реки болотистое дно не выдержало тяжести стальной машины, и она стала медленно оседать в воду.

Танкисты, открыв люки, быстро покинули гибнущую машину выбрались на берег. Командир со слезами на глазах глядел, как танк глубже погружается в трясину. Вот уже видна только башня с пушкой, вот скрылась и она. Вода сомкнулась, на её поверхности вскипали и лопались пузыри воздуха. Всё было кончено. Танка, носившего гордое имя руководителя героев-краснодонцев Олега Кошевого, больше не было.

На незадачливого командира танка больно было смотреть. От его самоуверенности и лихости ничего не осталось. Наконец он очнулся и приказал экипажу поставить на месте исчезновения танка вешку, а сам пошёл за тягачом. Как добывали танк из трясины, я не видел.

И вот Березина - река, вошедшая в историю Отечественной войны 1812 года. Здесь при переправе в ноябре русскими войсками была разгромлена французская армия Наполеона, а сам он едва не попал в плен.

Наш радиозэкипаж: сержант Ваня Литовченко, я и ефрейтор Саша Зырянов - подходит к берегу. Здесь царит столпотворение. Капитальный мост гитлеровцы взорвали, а понтонная переправа имеет ограниченную возможность пропуска войск - их тут на небольшом пространстве скопилось великое множество.

В ночь с 30 июня на 1 июля инженерно-сапёрный батальон 31-й стрелковой дивизии освободителя Смоленска Героя Советского Союза генерала Берестова под командованием майора Соловья вышел к Березине и к утру изготовил несколько десятков плотов, на которых дивизия начала форсирование реки. За день дивизия уже сосредоточилась на западном берегу. Началось форсирование Березины другими дивизиями 31-й армии.

У въезда на переправу царило невообразимое. Проходили пехотные батальоны, артиллерийские полки, дивизионы катюш. Командир каждого из них докладывал коменданту переправы - высокому худощавому майору, что у него приказ немедленно переправиться через реку и вступить в бой за Борисов.

Майор не знал, кого слушать, кого пропускать в первую очередь, охрип, размахивал пистолетом, но его мало кто слушал. В воздухе время от времени возникали взрывы густого русского мата, как во всякой экстремальной ситуации.

Мы с рацией на приёме сидели у дороги на бугорке под огромной разлапистой сосной, поэтому вся панорама переправы нами хорошо просматривалась.

Ваня Литовченко, служивший ещё до войны в кадровой Красной Армии, прошедший трагедии 1941-1943 годов, повидавший всякое, критически проанализировал сложившуюся на переправе ситуацию подытожил: «Дело-то хреновое, хлопцы. Посмотрите, сколько войск скопилось на небольшом пятачке. А если фрицы засекут да бросят сюда десяток «юнкерсов» - вот будет винегрет. У нас здесь, по-моему, всего одна батарея зениток. Разве они в состоянии прикрыть войска от бомб?»

Но вот подъехал «виллис» с командующим войсками 31-й армии, генерал-полковником В. Глаголевым, адъютантом и радистом. Их сопровождал бронетранспортёр. Командующий несколько минут наблюдал за ситуацией, затем энергично вмешался. Он приказал радисту немедленно вызвать какого-то полковника. Минут через десять из другого «виллиса», подъехавшего к Глаголеву, вышел полковник двухметрового роста с зычным голосом. Командующий передал ему график очередности переправы войск и приказал обеспечить его неуклонное выполнение. Полковник откозырял, и Глаголев уехал. Из «виллиса» полковника вышли два автоматчика, а автомобиль отъехал в сторону и встал под дерево.

Новый комендант переправы сильным басом в мегафон собрал командиров скопившихся у переправы частей, огласил график командующего и с угрозой в голосе предупредил, что нарушителей будет строго карать.

По радиации внутри «виллиса» он вызвал командующего артиллерией армии генерала Сёмина и попросил его прислать к переправе пару зенитных батарей.

Сразу почувствовалось, что это не прежний «затурканный» майор-комендант. Представительная внешность полковника, его сильный бас, уверенная манера держаться сразу показали «отцам-командирам», что новый комендант шутить не будет и порядок наведёт.

Оставив у переправы полк катюш, значившийся в графике первым, полковник приказал командирам других частей рассредоточить свои войска в

ближайших окрестностях и замаскировать их от наблюдения с воздуха. Предполье постепенно опустело.

Полк катюш по взмаху руки полковника двинулся к переправе. На меня всё увиденное произвело глубокое впечатление, и я впервые в жизни почувствовал поэтический зуд. Достав блокнот и карандаш, я сел к стволу сосны и стал творить.

Минут через тридцать я прочитал Литовченко и Зырянову написанные стихи. Вот они:

Березина! Стою я пред тобой,
 Рубеж старинный и великий...
 Гляжу на запад светло-голубой
 И слышу понтонёров крики.
 Погибший мост зияет в вышине,
 Вода разбитые устои омывает,
 Ново-Борисов в дымке виден мне,
 Он с лёгким треском догорает.
 На берегу немецкий танк стоит...
 Ворвавшись с ходу в бой вчерашний,
 Он нашей соткой был подбит –
 Снаряд вонзился прямо в башню.
 Здесь отступал Наполеон
 И синий лёд крошили пули,
 В окно кареты видел он,
 Как воины его тонули.
 Простуженный, едва живой
 (Победная умолкла лира!)
 Бесславно двигался домой
 Властитель - бывший - полумира.
 Здесь в сорок первом ад стоял,
 Полки от вражьей силы гнулись...
 Тогда солдат наш отступал,
 Теперь мы вновь сюда вернулись.
 Уж недалёк конец войны,
 Врага прогоним мы навеки,
 По берегам Березины
 Валяются «сверхчеловеки».
 Ты выстояла вновь, моя земля,
 Рассеялись, как прежде, тучи,
 Я вижу свет звёзд старого Кремля
 Из сёл многострадальной Беларуси.

В лицо мне дует ветер озорной,
 А в небесах, раскинув крылья,
 Летит на запад светло-голубой
 Хвостатых «петляковых» эскадрилья.

- Ну, что ж, - одобрил начальник радиоэкипажа, - совсем неплохо для семнадцатилетнего ефрейтора. А где ты стихи писать научился?

- Ваня! У меня мать - учительница литературы, я прочёл все её хрестоматии, получил от неё азы стихосложения.

Вдалеке за Березиной слышались звуки артиллерийской стрельбы, в небе наши истребители пушечно-пулемётным огнем не пускали к переправе немецкие «юнкерсы».

А вскоре на наших глазах произошло интересное событие, которое дало почву для разговоров на несколько недель. К нашей радиации подошёл начальник наплавного лёгкого переправочного парка старший лейтенант Георгий Голушко. Он был одет в нарядный красивый комбинезон, чисто выбрит, благоухал «Шипром». Фуражки на голове у него не было, и лёгкий ветерок шевелил его волосы. Ваня Литовченко, хорошо знавший Голушко, восхищённо сказал: «Ты, старлей, в этом наряде похож на молодого удачливого генерала в звании не ниже генерал полковника». Голушко поделился с Литовченко своими проблемами:

- Комбриг приказал мне как можно быстрее переправиться на западный берег и к вечеру навести понтонную переправу Б-12 для пуска нескольких пехотных полков, а мой заместитель сказал, что парк пропустят на другой берег только завтра утром - по графику

- А ты, Георгий, выдай себя за генерала и прикажи полковнику пропустить парк вне очереди, - сказал в шутку Литовченко.

- Брось, Иван, балагурить, мне не до шуток, - удручённо сказал Голушко, потом, просияв, добавил: - А это идея, что, если попробовать?

Он козырнул нам и быстрыми шагами удалился. А минут через двадцать к коменданту переправы, плавно покачиваясь, подошла шикарная,

блестящая никелем и лаком немецкая легковая автомашина «хорх» с откидным верхом. На переднем сиденье, блестя хромом, курткой без погон, восседал Голушко, принявший величественно надменный вид. На заднем сиденье, сверкая четырьмя орденами, изображал адъютанта командир роты разведки капитан Фальянц. Справа от него сидел автоматчик, а слева - связист с радиостанцией. Всё выглядело весьма внушительно.

Ваня Литовченко ахнул: «Смотрите, Голушко и впрямь решил выдать себя за большого начальника, чтобы вне очереди переправить свой парк за Березину. Ох, и попадёт ему, если дело сорвётся. За это по головке не погладят».

Голушко, не вставая с сиденья (бридж с красными лампасами как у генерала ведь у него не было), властно позвал:

- Полковник! Подойдите ко мне!

Комендант недоумённо оглянулся, несколько секунд разглядывая сидящих в «хорхе», затем всё же подошёл к машине и, приложив к фуражке, спросил:

- С кем имею честь говорить?

Голушко веско ответил:

- Командующий ударной армией, прибывшей на Третий русский фронт, генерал-полковник Голушко. Вот что, полковник выполняю особое задание командующего фронтом Черняховского мне нужен переправочный парк. Он у меня есть, но его во внеочередном порядке надо срочно переправить через Березину. Поможешь?

Полковник отрицательно покачал головой:

- Не могу, товарищ генерал-полковник. Я переправляю части в строгом соответствии с графиком, составленным генералом Глаголевым, а переправочный парк там не значится.

- Пропусти, полковник, а с Василием Васильевичем Глаголевым я по рации договорюсь. Мы с ним старые приятели.

Тут Литовченко фыркнул от смеха и полушёпотом сказал: «Ох, и арап этот Голушко - как нагло врёт, а как самоуверенно держится!»

Полковник поколебался, затем махнул рукой и дал добро. Голушко по радио вызвал своего заместителя и приказал срочно подогнать парк к переправе. Минут через пятнадцать стала подходить колонна ЗИС-5 с понтонами на бортах.

Полковник дал отмашку, и машины - одна за другой - стали спускаться к переправе. Голушко поднёс ладонь к фуражке и веско произнёс: «Благодарю, полковник, сегодня ты для победы сделал большое дело». И «хорх» стал спускаться к переправе.

Туг к коменданту переправы подошёл чекист - капитан из войск по охране тыла действующей армии. Это были глазастые, опытные люди, обеспечивающие охранительный режим. Он был озабочен и взволнован:

- Тут что-то не стыкуется, товарищ полковник. Во-первых, по нашим документам никакой ударной армии на этом участке фронта нет. Во-вторых, генерал-полковник очень молод - ему на вид лет двадцать восемь - тридцать, когда же он успел вырасти до генерал-полковника?

Полковник задумался, потом заговорил:

- То, что генерал-полковник так молод - это ещё не аргумент: наш командующий фронтом Черняховский - генерал армии, а ему всего тридцать восемь лет. То, что в ваших документах не числится ударная армия, - тоже не аргумент: Ставка могла для укрепления войск Черняховского срочно прислать ударную армию.

- Тогда, - сказал капитан, - есть ещё третий аргумент: у грузовиков с понтонами номерная серия «Б», а на нашем фронте эта серия присвоена только вашей 31-й армии. Сердцем чую, товарищ полковник, здесь пахнет авантюрой.

- Займись этим, капитан, если нас здесь провели на мякине, то надо действительно разобраться и наказать авантюриста.

И колесо чекистской проверки закрутилось. Капитан выяснил, что понтоны принадлежали наплавному парку 31 -й инженерной бригады, а роль генерал-полковника исполнял его командир - старший лейтенант Голушко, о чём было доложено по инстанции.

Мы с Литовченко с бугорка метрах в десяти наблюдали за происходящим. Услыхав приказ полковника капитану, Ваня огорченно сказал: «Погорит Голушко за свою самодеятельность, как бы он не загремел в штрафную роту».

Когда Голушко уже навел на западном берегу понтонную переправу и пропустил через неё два пехотных полка, за ним приехали два «архангела» - чекиста и увезли к командующему Глаголеву. Там уже находился командир бригады полковник Проневич.

Голушко доложил о своём прибытии.

Командующий спросил комбрига:

- Что скажешь, полковник, об этом офицере?

Проневич охарактеризовал Голушко:

- Опытный понтонёр, хороший организатор, быстро и умело наводит переправы, обеспечил быструю переброску войск через десяток рек. Инициативен, находчив, храбр. Награждён двумя орденами, думаем представить к третьему.

- Чересчур инициативен и находчив, - заметил командарм, - склонен к авантюризму. - И рассказал Проневичу, как Голушко, выдав себя за генерал-полковника и командующего ударной армией, вне утверждённого графика переправил через Березину свои понтоны.

Затем командир обратился к Голушко:

- Ты что себе позволяешь? Кто тебе разрешил нарушать составленный мною график пропуска войск? Где ты взял немецкий «хорх»? На каком основании выдаёшь себя за генерал-полковника?

- Виноват, товарищ командующий, но всё это в интересах дела - ведь я досрочно за Березиной навёл переправу и перебросил на запад два полка. Не судите меня!

За Голушко заступился командир бригады, попросив передать его на поруки. Глаголев арестовал Голушко на десять суток с отбытием ареста по окончании войны и приказал Проневичу в течение трех месяцев не представлять Голушко к награде.

Эта история сделала Георгия Голушко популярным в бригаде. Офицеры, даже старшие по званию, первыми ему отдавали честь со словами: «Здравия желаю, товарищ генерал-полковник».

Обо всём этом Ване Литовченко в весёлую минуту рассказал сам Георгий Голушко.

* * *

А за Березиной, под Борисовом, шёл воздушный бой, раздавался грохот авиационных пушек, треск пулемётов. Наши истребители взмывали вверх и пикировали на «юнкерсов», один из них вскоре отвалил в сторону, волоча за собой шлейф чёрного дыма.

Вскоре нам удалось пешком перебраться на западный берег Березины. На перекрестке мы увидели знакомый указатель нашей бригады и по нему добрались до военного городка Печи.

Борисов, как и все города Белоруссии, был сильно разрушен, но военный городок пострадал мало. За взятие Борисова приказом Верховного Главнокомандующего в числе других частей и соединений нашей бригаде была объявлена благодарность, а 11-й гвардейский инженерно-сапёрный батальон майора Малахова был удостоен почётного наименования «Борисовский».

Как выяснилось позже, до войны в Борисове проживало 50 тысяч человек, во время оккупации гитлеровцы уничтожили половину. В Печах был создан концентрационный лагерь, в котором постоянно находилось несколько тысяч человек. В конце июня 1944 года потомки Гегеля и Канта,

Вагнера и Бетховена, Гёте и Шиллера, видя, что город придётся сдать, с особой жестокостью уничтожали узников.

Начальник политотдела 31-й армии, полковник Ряпосов, узнав о злодеяниях гитлеровцев, приехал в военный городок Печи, захватив с собой редактора армейской газеты «На врага» М. Эрлиха, литсотрудников - венгерского интернационалиста Белу Иллеша и поэта Сергея Острового. Собрав необходимый материал о зверствах гитлеровцев, журналисты широко использовали его в газете и листовках, призывали отомстить врагу за смерть и страдания наших людей.

В городке Печи мой напарник по радиоэкипажу Саша Зырянов и обнаружил немецкий склад с обмундированием и оружием. Носивший на родине лишь телогрейку, он решил обмундироваться и вооружиться, оделся в Выходной костюм немецкого танкиста, офицерские сапоги, фуражку с высокой тульёй, нацепил на ремень эсэсовский кинжал с надписью «Дойчланд юбер аллес» (Германия превыше всего), надел на шею автомат «шмайсер», к ремню прикрепил две гранаты с длинными деревянными рукоятками (их наши солдаты звали «толкушки»).

Зырянов зашагал к расположению взвода связи. Часовой у штаба, увидев солдата в немецкой форме, крикнул: «Хенде хох!» - и выстрелил поперёк головы Зырянова. Сашка присел и стал кричать, что он свой. На выстрел и крик выбежал старший лейтенант Конев, Сашка кинулся к нему, крича: «Это я, Зырянов!» Конев приказал: «Стой! Не подходи, а то взорвёшься, и я погибну вместе с тобой. А немецкое обмундирование сними, а то наши убьют». Сашка нехотя расстался с ним.

Армейская газета «На врага» и листовки извещали воинов, что Верховное Главнокомандование поставило перед фронтом задачу не позднее 7-8 июля овладеть столицей Белоруссии городом Минском.

Глава 7

ДАЁШЬ МИНСК!

С боем взяли мы Борисов –
Город весь прошли
И последней улицы название прочли,
А название такое, право слово боевое-
Минская улица по городу идёт,
Минская улица на запад нас ведёт...

Войска с боями шли по многострадальной белорусской земле. А кругом было лето. Природа была в цвету. Пели птицы, и небо было такое голубое!

Иногда судьба заносила нас в нетронутые войной деревеньки партизанского края. Как хорошо было здесь! Домики с садиками, в тени которых мы отдыхали после напряжённых дежурств, но даже в эти часы морзянка продолжала звучать в ушах.

По улицам ходили вооружённые самым разнообразным оружием народные мстители - партизаны. Мы по ходу наступления часто встречались и контактировали с партизанами. Они вели «рельсовую войну взрывая немецкие эшелоны с живой силой и техникой, нападали на немецкие гарнизоны, освобождали военнопленных, помогали нашим сапёрам в форсировании рек, предоставляя лодки и сооружая плоты, по заданиям нашего командования вели разведку.

Белорусские партизаны взорвали кровавого палача, наместника Гитлера в Белоруссии - фон Кубе.

Позже в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» я прочёл, что в партизанском движении в Белоруссии участвовало 440 тысяч человек, то есть каждый десятый мужчина-белорус был партизаном.

Мне посчастливилось видеть и общаться с двумя партизанами - Героями Советского Союза. В 1947-1950 годах я служил в Бобруйской крепости в четвёртом полку связи. Перед выборами в Верховный Совет

СССР и Бобруйский областной Совет к нам в полк приехали двое знаменитых партизан Героев Советского Союза: Кирилл Прокопьевич Орловский и Сергей Иванович Сикорский.

Орловский баллотировался в Верховный Совет СССР, а Сикорский - в Бобруйский областной Совет. Они выступали в полковом клубе, рассказывали о сражениях с немцами. У Орловского была оторвана одна рука и повреждена кисть другой руки, но, несмотря на увечье, в 1945 году он возглавил в Могилёвской области отсталый колхоз «Рассвет» и вывел его в лучший в республике. А Сикорский был директором Бобруйского автомобильного техникума.

Солдаты-связисты горячо аплодировали подвигам Героев, дали им концерт и накормили в полковой столовой.

Орловский пригласил десять отличников боевой и политической подготовки полка связи в свой колхоз, и мне посчастливилось побывать в этом передовом хозяйстве. Он прислал за нами автобус. Ради гостей Орловский надел военную форму с орденами Ленина и Красного Знамени. Мы посетили службы колхоза, встретились в клубе с колхозниками, побывали на концерте самодеятельности с песнями и плясками. А в заключение Орловский пригласил нас в столовую, где угостил щедрым обедом, предложил выпить «беленькой» за Победу по 150 граммов. Это была впечатляющая поездка, память о ней сохранилась до сих пор. Позже Кирилл Орловский стал Героем Соцтруда.

* * *

Партизанских зон, где душа отдыхала от боев, было немного. Часто на карте значился посёлок, а когда мы прибывали туда, то видели пепелище - это была месть фашистов жителям за связь с партизанами. Но на пожарищах уже начиналась жизнь: сквозь сгоревшие брёвна пробивались свечи красных цветов кипрея, возвращались аисты и хлопотали у разорённых гнёзд. Жители разбирали завалы, стучали топорами. Жизнь пробивала себе дорогу.

Широким потоком шли с боями к Минску восемь дивизий 31 -й армии. Молодой командующий фронтом Иван Данилович Черняховский, только что получивший звание генерала армии, решил опередить директиву Ставки и овладеть Минском 3-4 июля. Для этого он, кроме 31-й армии, нацелил на Минск 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус генерала Бурдейного, а также часть сил 5-й гвардейской танковой армии.

71-й корпус генерала П. Кошевого наступал на Трубчино, Острошицкий городок, Заславль.

36-й корпус генерала К. Провалова во взаимодействии с танкистами наступал на Струпень, Смолевичи, Минск.

Гитлеровцы бешено сопротивлялись. Они обстреливали нас из 158-миллиметровых шестиствольных реактивных миномётов, которых наши солдаты за противный звук снаряда звали «скрипачами» (от слова «скрип»).

Освободить столицу Белоруссии - великая честь, и мы, воины 31-й армии, гордились, что эта миссия выпала на нашу долю.

В полосе наступления было много бетонированных огневых точек, вооружённых пулемётами и лёгкими пушками, от них мы несли немалые потери. Гораздые на выдумки сапёры телефонным кабелем подтягивали к дотам ящики тола и взрывали подрывной машинкой, освобождая путь нашей пехоте.

2 июля танковый корпус генерала А. Бурдейного вырвался на магистраль Минск - Москва. Ему для ремонта мостов и снятия мин были приданы наши сапёрные подразделения. Ломая сопротивление гитлеровцев, танкисты упорно продвигались к столице Белоруссии. Их поддерживали пехотинцы передовых подразделений корпуса генерала К. Провалова.

3 июля 1944 года около трёх часов утра наши войска ворвались в Минск. По наступающим немцы били из шестиствольных миномётов и крупнокалиберных пулемётов, но, прикрываясь полуразрушенными домами, прячась в складках местности, «проваловцы» упорно продвигались вперёд.

Командарм 31-й армии генерал В. Глаголев доложил командующему фронтом И. Черняховскому, что в три часа ноль-ноль передовой отряд 4-й танковой бригады корпуса Бурдейного ворвался в Минск со стороны обсерватории.

В пять часов утра, подавляя обороняющихся гитлеровцев, батальоны 220-й стрелковой дивизии полковника В. Полевика при поддержке танкистов и мотопехоты стали захватывать улицу за улицей столицы Белоруссии.

В книге «Освобождение Белоруссии» маршал Советского Союза А. Василевский писал: «Преодолевая упорное сопротивление врага, 2-й гвардейский танковый корпус Третьего Белорусского фронта в пять часов утра 3 июля ворвался с северо-востока в Минск...»

* * *

Экипаж нашей радиостанции: сержант В. Русначенко, я и ефрейтор А. Зырянов - вошел в Минск пешком в 11 часов утра со стороны Академии наук. Хорошо помню белую выносную колоннаду, надпись чёрными буквами «Акадэмия Навук БССР» и горящее здание. Внезапно из полуподвального окна здания раздалась автоматная очередь, над головой просвистели нули. Мы пали наземь и из трёх автоматов открыли огонь по подвалу. «Какой-то недобитый фриц намеревался оборвать наши юные цветущие жизни, - сказал, улыбаясь, Валя Русначенко, - но это ему не удалось, надеюсь, не удастся и впредь».

Увы... Эти надежды не сбылись. За восемь часов до объявления окончания войны недалеко от Праги «студебеккер» 204-го инженерно-сапёрного батальона, на котором ехал Валентин, взорвался на фугасе, погибло 18 человек, в том числе и москвич Русаченко.

Около нас остановился фургон с бригадной радиостанцией РСБ-Ф, и её начальник, Ваня Литовченко, пригласил нас в машину: «Довезу в штаб бригады в целости и сохранности».

Только мы доехали до ведомства подполковника Тихомирова, как нас встретил начальник связи бригады майор Чайкин и приказал срочно

выдвинуться к Дому Правительства Белоруссии и принять участие в разминировании здания.

Нас - пятерых радистов - скорым шагом повёл взводный Конев. И вот огромное, разноэтажное, величественное, хотя и без архитектурного декора, здание. Над ним уже развевается красный флаг. На крыльце стоит командир бригады, полковник Проневич. Он ставит задачу: «Вот что, сынки, разведчики перерезали провода и предотвратили взрыв, за что им горячее спасибо - спасли здание. Но в подвалах много ящиков тола. Ваша задача: выносить взрывчатку из подвала, у крыльца будут стоять два грузовика, вы загружайте в них ящики. Вы - радисты, это не ваш профиль, но сапёры заняты разминированием города, уже есть жертвы, а мин здесь наткано великое множество. За работу, сынки!»

Часа два мы, обливаясь потом, таскали из подвалов взрывчатку, грузили её в полуторки. Когда закончили, Валя Русначенко сказал: «Если бы эта взрывчатка рванула, то не только от Дома Правительства от половины города ничего бы не осталось».

Дом Правительства Белоруссии нередко показывают по телевидению. Когда я вижу это серое огромное здание, у меня невольно выступают слёзы: он - свидетель моей боевой юности.

Когда мы возвращались в штаб, к нам подошёл замурзанный очень худой хлопец лет десяти. Сначала он недоверчиво рассматривал нас, прислушивался к разговору, затем спросил: «Вы Красная Армия?».

Я подтвердил: «Да, мы Красная Армия», - он просиял и исчез. Вскоре он появился с дедом, на голове которого красовался огромный соломенный брыль. Дед степенно поднёс руку к полям шляпы и поприветствовал нас, затем пожал каждому руку и поблагодарил за «вызволение», спросил, не вернутся ли немцы. Он провёл ладонью по моему погону с красной лычкой и сказал, что тоже был ефрейтором в Первую мировую войну.

Валя Русначенко на ходу держал связь, а дед рассказывал, как минчане три года жили под оккупантами, какие творились зверства, сколько «вбили» людей.

Потом в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» я прочёл, что накануне оккупации Минска в нём проживало около 250 тысяч человек. К моменту же освобождения города в нём осталась лишь пятая часть от довоенной численности населения. Фашисты почти полностью уничтожили центр города, 80 процентов жилого фонда, около трёхсот промышленных предприятий, 78 школ.

Пока старик повествовал нам об ужасах оккупации, подошли женщины и стали нас обнимать и благодарить за избавление. Они тоже задали вопрос, не вернутся ли фашисты, прислушивались к доносившимся звукам боя: артиллерийским выстрелам, трескотне пулемётов.

Внезапно метрах в двухстах от нас разорвался снаряд, по мостовой зазвенели осколки. Сашка Зырянов, не желая в глазах освобождённых полонянок выглядеть трусом, пренебрежительно отмахнулся рукой и бодро весело сказал: «Это последние усилия врага удержать город. Не бойтесь мы вас немцам больше не отдадим - силища у нас теперь огромная».

И всё же немцы, сконцентрировав силы, снова двинулись на Минск и едва не овладели им, о чём я расскажу немного позже.

Сапёрный батальон, который мы обслуживали радиосвязью, в данном ему районе закончил разминирование, извлёк тысячи мин, установил таблички: «Проверено! Мин нет!».

У полуразрушенного дома, где размещался штаб бригады, от которой нас послали к Дому Правительства, стоял «виллис» командира бригады, полковника Проневича.

Комбриг разговаривал с каким-то усатым генерал-майором. Русначенко узнал его: «Начальник штаба армии Михаил Иванович Щедрин - строгий и серьезный дядька».

Дождавшись, когда высокое начальство закончит разговор, сядет в «виллис» и уедет, Валя Русначенко доложил комбригу о выполнении задания: «Вся взрывчатка из Дома Правительства вывезена». Комбриг кивнул головой и по обыкновению сказал: «Спасибо, сынки!»

В полуразрушенном здании подполковник Тихомиров наносил на карту обстановку. Солдаты таскали столы, табуретки, железные шкафы, пишущие машинки. Телефонисты подключали аппараты ТАИ-43 и американские ЕЕ-8-А в кожаных футлярах. Увидев нас, Тихомиров приказал: «Срочно разворачивайте свои «бандуры» и входите в связь, а то Литовченко во своей РСБ-Ф совсем запурхался, не успевает. Приказы и донесения идут потоком, много времени занимает шифровка-дешифровка. Разминирование города идёт широким фронтом, да и переправы надо наводить. Свисlochь хоть и неширока, а не перепрыгнешь».

Через две-три минуты наша глазастая РБ-М уже весело попискивала морзянкой, связь была устойчивой.

На западных окраинах Минска ещё трещали пулемётные очереди, а из подвалов и погребов стали появляться мирные жители, в основном женщины, старики и дети.

Дед с окладистой белой бородой внимательно оглядел нас с Валею Русначенко, потрогал его серебряную медаль «За отвагу», погладил его сержантские погоны и сказал: «Значит, снова к погонам вернулись, а я гляжу - то ли наши солдаты, то ли нет. Ну, что же, сынки, не посрамите военную славу дедов». Он крепко обнял каждого из нас. Сколько таких объятий, благодарностей и слёз испытали мы на своём пути от Днепра до Немана! На войне все чувства: и горе, и радость, и любовь, и ненависть, и дружба - по-настоящему глубоки.

Тысячу раз был прав А. Твардовский, который в «Василии Тёркине» написал:

Свет пройди - нигде не сыщешь,
Не случилось видеть мне

Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне...

В полдень 3 июля 1944 года Военный Совет Третьего Белорусского фронта рапортовал в Москву:

*«Ставка Верховного Главнокомандования
товарищу Сталину*

В 9 часов 3 июля войска 31-й армии и 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией после стремительного наступления и обходного манёвра с северо-запада овладели столицей Белоруссии городом Минском.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ, МАКАРОВ, ПОКРОВСКИЙ.»

За успешное руководство войсками по овладению Минском И. Черняховский был удостоен второй Золотой Звезды Героя Советского Союза.

Приказом № 99 от 3 июля 1944 года Верховный Главнокомандующий Сталин объявил за взятие Минска благодарность войскам Третьего Белорусского фронта, в том числе «виновнице торжеств» - 31-й армии - и, к нашей радости, 31-й инженерно-сапёрной бригаде.

Москва салютовала войскам двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 224 орудий. Обычно салюты производились лишь двенадцатью залпами из 124 орудий, но Минск был не обычный город, а столица республики, поэтому ему оказали высший почёт. Нас это очень порадовало.

Я переключил рацию на волну Москвы и с замиранием сердца слушал чеканные слова приказа Верховного Главнокомандующего, которые вдохновенно, с чувством гордости, от души произносил знаменитый на всю страну диктор - Юрий Левитан. У меня побежали мурашки по телу, когда он, подняв голос до вершины пафоса, торжественно произнёс: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Прошли десятилетия, сменились поколения, государственный строй, идеология и политика, был разрушен «великий, могучий Советский Союз».

Война стала далёкой историей. Обидно, что в годовщину пятидесятилетия Победы в передаче по телевидению внуки и правнуки выдающихся полководцев, командовавших фронтами, маршалов не могли ответить, где воевал их дед-прадед, какие победы он одерживал.

«Комсомольская правда» как-то сообщала, что на анкетный вопрос в одной из школ, кто такие Александр Матросов и Зоя Космодемьянская, были даны ответы, что Матросов был маршалом Советского Союза и командовал фронтом, а Космодемьянская была террористкой и поджигала дома колхозников в сёлах Подмосковья. Герои, отдавшие Родине и народу самое ценное - свои жизни, забыты, памятники ветшают, рушатся.

Когда я был на экскурсии на «малой Земле», то где-то видел заложенный камень, на котором было высечено, что на этом месте будет сооружён монумент павшим в боях за Родину. Прошли десятилетия, но монумент так и не поставили. Какой-то честный и совестливый человек выгравировал на металлической дощечке слова: «Братья! Вы наши труды пожинаете, нам истлевать суждено... Что ж вы нам памятник долго не ставите? Или забыли давно?» Нельзя было без слёз читать эти строки. Сердце сжималось от обиды.

По сообщениям средств массовой информации в Мясном бору на псковщине по вине генерала-предателя Власова, ныне прославленного некоторыми историками и социологами в качестве борца со сталинской тиранией, погибли десятки тысяч красноармейцев и командиров. Их останки десятки лет лежат непогребёнными. По зову сердца в свободное время их разыскивают энтузиасты: молодые рабочие, студенты, старшеклассники - и с почестями предадут земле. Но много ли могут сделать добровольцы? А где государство, за которое воины отдавали свои жизни?

Многие десятилетия министрами обороны СССР были знаменитые полководцы Великой Отечественной войны: Г. Жуков, А. Василевский, Р. Малиновский, А. Гречко. Они прекрасно знали цену Победы, видели на полях сражений тысячи погибших воинов, в том числе и из-за допущенных

по их вине просчётов в планировании и проведении военных операций. Видели, знали, а что практически сделали? В своих приказах, посвящённых празднику Победы, они тоже провозглашали вечную славу павшим героям. Однако подобные декларации без конкретных дел по упокоению останков всех павших в сражениях воинов мало чего стоят!

А ведь в нашей, самой большой тогда в мире армии насчитывались десятки инженерно-сапёрных бригад, на вооружении которых имелись мощные роторные траншеекопатели и иная землеройная техника, которую без ущерба для обороны страны можно было использовать для захоронения останков погибших. За несколько лет эта проблема, позорящая государство, могла быть решена.

Великий российский полководец, генералиссимус Александр Васильевич Суворов говорил: «Войну только тогда можно считать оконченной, когда будет захоронен последний павший в ней солдат».

* * *

Я немало видел в жизни трагедий и жестокостей, например, страшный голод 1932-1933 годов, но то, что творили на захваченных землях «цивилизованные тевтоны», ужасало.

Когда во второй половине 1941 года в печати стали публиковать материалы о зверствах гитлеровцев на захваченных землях, моя мать учительница литературы - говорила: «Мне трудно поверить, что народ, давший таких великих гуманистов и корифеев литературы, как Гёте, Шиллер, Гофман, Брехт, стал палачом, насильником, грабителем. Однако оболваненный фашистской идеологией «арийцев и недочеловеков» германский вермахт творил такие чудовищные злодеяния заставили содрогнуться весь мир.

На своём боевом пути я видел сотни убитых немцами мирных жителей, которые никакой опасности для рейха не представляли: глубокие старики, дети, женщины-крестьянки. Их убивали просто так, походя, без всякой причины.

Человек убивает сосущего его комара или овода - это естественно и понятно, но как понять логику вооружённого солдата, выпускающего очередь в сидящего на завалинке старика, в копающуюся на своём огороде женщину, играющую в куклы девочку?

Особенно врезалась в память сцена, увиденная в одной из белорусских деревень-вёсок где-то недалеко от города Лиды Гродненской области. У колодца с высоким журавлём на майдане стояла толпа - человек пятьдесят. От неё к нам доносились вопли, душераздирающие крики, причитания. Иногда они достигали такого накала, что замирало сердце. Мы подошли к толпе. Крики и стенания становились невыносимыми. Несколько мужиков были заняты тем, что вытаскивали из колодца убитых и брошенных в воду гитлеровцами односельчан. Каждый новый поднятый труп встречался приступом рыданий и криков. Родные и соседи бросались к очередной жертве, кое-кто кидался на труп, обнимая и целуя его. Вот достали полуголую девочку лет восьми. На её груди зияла рана - немецкий солдат вонзил в худенькое тельце широкий кинжал-тесак. В остекленевших глазах ребёнка застыли боль и недоумение: «За что вы меня убили?» Вот извлекли седобородого старика с длинными до плеч волосами, узловатыми руками труженика. В его груди зияла такая же рана.

Внезапно мы увидели другую картину. Два крепких мужика, сжав могучими руками, вели полицаю в немецком мундире. Он упирался, не желая идти, но силы были неравны. Толпа кинулась к нему с криками: «Попался, убийца! За что ты загубил наших родных, вражина? На виселицу его!» Полицай пал на колени, ползал по земле, целовал ноги селянам, умолял не казнить его, говорил, что он лишь выполнял приказ немецких властей, но его стенания лишь распалили толпу. Кто-то принёс верёвку, привязал её к ветке дуба, и через минуту злодей уже корчился в петле.

Ваня Литовченко - тогда мой начальник радиостанции, воевавший три года и видевший десятки смертей, не выдержал: «Пошли отсюда, Уран. Не могу этого видеть».

* * *

Армейская газета «На врага» после освобождения Минска сообщала, что за одиннадцать дней боёв в полосе наступления 31-й армии гитлеровцы потеряли убитыми 25 560 солдат и офицеров, пленными - 17 240 человек, войска армии уничтожили и захватили 206 танков, 60 бронемашин, 112 штурмовых орудий (самоходок), 287 тракторов и тягачей, 469 орудий разного калибра, 395 миномётов, 1080 станковых и ручных пулемётов, 7017 автоматов и винтовок, 4630 автомобилей, огромное количество боеприпасов, горючего, продовольствия, несколько эшелонов с нашими станками.

Стрелковые корпуса армии и инженерные батальоны вечером 3 июля ушли на запад к Заславлю, Ракуву, Воложину - там разворачивались новые сражения.

Штаб бригады и два экипажа радиостанций Литовченко и Русначенко остались в городе.

Ночью гитлеровское командование бросило на освобождённый израненный Минск несколько эскадрилий «юнкеров». Посыпались бомбы. Стены уже разбитых ранее домов рушились, их фрагменты с грохотом падали на землю.

Бледно-голубые лучи прожекторов шарили по небу, отыскивая стервятников. Надсадно били зенитные орудия среднего калибра, весело «тявкали» 37-миллиметровые, выпуская сразу по десять снарядов.

Вот вспыхнул и косо пошёл вниз «юнкерс». Отбомбившись, бомбардировщики повернули на запад, а минчане, вновь подвергшиеся насилию, оставшиеся в городе воины-освободители забылись в тревожном сне.

Во время бомбёжки штаб бригады чуть не погиб. Бомбы рванули где-то рядом, здание содрогнулось, посыпались кирпичи межоконного проёма. Взрывной волной нас бросило на пол. На какое-то время я потерял сознание, а очнулся от жуткого, хватающего за сердце воя. Это выплёскивал свою боль солдат охраны штаба бригады, стоявший с автоматом у входа в здание.

Осколок бомбы пропорол ему брюшину. Солдата вынесли на улицу. Старшина-санинструктор Вера Котова сделала раненому обезболивающий укол и стала споро перевязывать широким бинтом. Я подсвечивал ей карманным фонариком. Рана была ужасна, из неё сочилась кровь, перемешанная с содержимым кишечника. По выражению лица Веры я видел, что солдат обречён, но она всё же успокаивала его: «Миленький, потерпи, сейчас подойдёт санлетучка и увезёт тебя в госпиталь, прооперируют, зашьют, поправишься и ещё повоюешь. Миленький, потерпи...»

Санлетучка почему-то не приходила. Солдат, ненадолго умолкнувший после укола, вновь начал выть от боли. Силы покидали его. Он кричал: «Ребята! Пристрелите меня. Нет сил терпеть. Пожалейте! Христом богом прошу!» Окружающие понимали глубину страданий солдата, его обречённость, но мысль добить его ужасала. Оборвать из изорванного металлом тела остаток жизни было бы, возможно, гуманным актом, но взять на себя такую моральную обузу никто не решался.

Не в силах видеть нечеловеческие страдания, я отвернулся. Вдруг прогремела автоматная очередь - это солдат из последних сил подтянул к себе автомат и нажал на спуск. Наступила тишина. Полковник Тихомиров снял фуражку и накрыл лицо солдата его же пилоткой.

«Отмучился, бедняга, - сказал Валя Русначенко. - Чья следующая очередь?»

Вскоре пришла санлетучка и увезла тело погибшего. А когда грузили тело убитого в машину, меня поразила умиротворённость и безмятежность его лица. Смерть сняла болевой синдром.

Глава 8

МИНСКИЙ КОТЁЛ

Генерал-майор и писатель Н. Алексеев, бывший на Третьем Белорусском фронте начальником управления кадров, в книге «Осколком оборванная жизнь» писал: «С освобождением Минска армии Третьего Белорусского фронта при содействии партизан неудержимо продвигались на Вильнюс. Иван Данилович торопился на новый КП, который был подготовлен в Сморгони, но на пороге остановился, чтобы позвонить генералу Глаголеву и сообщить ему, что его армия остаётся под Минском для ликвидации совместно с 50-й армией генерала И. Болдина окружённой группировки генерала Мюллера и в связи с этим передаётся в оперативное подчинение Второго Белорусского фронта».

Что же здесь произошло? Войска 31-й армии, имевшие значительное преимущество в живой силе и технике, наступали на Минск вдоль широкой магистрали, а потому темп их продвижения был исключительно высок - по двадцать-тридцать километров в сутки. Разбитые, нередко лишённые техники, вражеские войска отступали по лесисто-болотистой местности южнее шоссе, поэтому двигались намного медленнее. Неудивительно, что они оказались в тылу наших войск.

В окружение попали главные силы 4-й и значительная часть 9-й немецких армий общей численностью сто десять тысяч человек. Ими командовали три командира корпуса и девять командиров дивизий.

Так образовался минский котёл, ликвидацию которого Ставка Верховного Главнокомандования и командующий Третьим Белорусским фронтом И. Черняховский возложили на 31-ю армию. Кроме того, к выполнению этой задачи привлекли также часть сил 50-й и 33-й армий Второго Белорусского фронта, но 33-я армия отставала от нашей на 70 километров.

Окруженные немецкие войска (110 тысяч человек) численно превосходили 31-ю армию, которая в ходе освобождения Белоруссии понесла большие потери. И, хотя она постоянно пополнялась, её численность не превышала 50 тысяч человек.

Окруженные немецкие войска, руководимые опытными генералами, обзлѐнные провалом своей «несокрушимой обороны», представляли собой особую угрозу 31-й армии. Возникла опасность прорыва германских войск к Минску и даже повторного его захвата, тем более что в столице Белоруссии наших войск почти не осталось.

Командующий 4-й немецкой армией генерал-лейтенант Курт фон Типпельскирх, написавший несколько лет спустя большую и интересную книгу «История Второй мировой войны», всё же интуитивно чувствовал предстоящий крах своих войск, а потому не стал испытывать судьбу, сказался больным, возложил командование армией на командира 12-го армейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта В. Мюллера, а сам уехал на лечение в Берлин.

Окружѐнная вражеская группировка включала в себя два крупных формирования. Первым из них командовал В. Мюллер - она сосредоточилась восточнее Волмы. Вторую группировку возглавлял командир самой крупной (18 тысяч человек) 78-й штурмовой дивизии генерал-лейтенант фон Траут. Она дислоцировалась юго-западнее Волмы в 20 километрах от Минска.

В 1947 году я, служивший тогда в 4-м полку связи в Бобруйской крепости, присутствовал в Доме офицеров на судебном процессе, судили в числе прочих немецких военных преступников генерал-лейтенанта фон Траута. Государственный обвинитель — военный прокурор Белорусского военного округа генерал-майор юстиции Смирнов вменял в вину Трауту грубейшие нарушения Женевских конвенций о правилах ведения войны, о неслыханных зверствах его войск, уничтожении мирного населения.

Основная роль в разгроме войск противника в минском котле принадлежала самому малочисленному из трёх корпусов 31-й армии 113-му,

состоящему только из двух дивизий: 62-й - полковника С. Левина и 174-й - полковника Н. Дёмина; 113-м корпусом командовал генерал-майор Н. Олешев.

Гитлеровцы наступали на Минск плотными колоннами, которые поддерживали танки и артиллерия. Дивизии корпуса Олешева взаимодействовали с бомбардировочной авиацией и партизанами, хорошо знавшими особенности местности.

Завязались ожесточённые бои, длившиеся несколько дней. Врагу удалось вплотную приблизиться к Минску и даже ворваться на его окраину. Возникла реальная угроза повторного захвата столицы Белоруссии. Тогда командующий 31-й армией генерал-полковник В. Глаголев, не прерывая наступления на запад 36-го и 71-го корпусов генералов К. Провалова и П. Кошевого, вынужден был снять часть их войск и бросить их на оборону Минска.

Утром 4 июля начальник связи бригады (уже подполковник) Чайкин вызвал Вальку Русначенко и меня и приказал вступить в подчинение начальника вооружённой бригады подполковника Артёменко, который командировался с инженерно-сапёрным батальоном для инженерного обеспечения наших войск в минском котле.

Со своей любимой РБ-М мы явились к Артёменко и выехали с ним в район боёв. Через полчаса туда прибыл комбриг Проневич, приказавший Артёменко координировать работу инженерных подразделений, а мы, как всегда, должны были обеспечивать связь, передавать приказы и донесения.

Сапёры на пути наступающих гитлеровцев ставили мины, устраивали засеки, взрывали мосты.

Фашисты, невзирая на потери, упорно лезли вперёд. Отчаяние обречённых поддерживало их силы. Немцы лелеяли надежду смять кольцо окружения, вырваться из котла, соединиться со своими войсками, ушедшими на запад.

Рукопашные схватки вспыхивали в самых неожиданных местах: на командных пунктах полков и дивизий, на артиллерийских позициях.

Группа гитлеровцев прорвалась к вспомогательному пункту управления подполковника Артёменко. Нас было всего семь человек. Мы залегли, строчили из автоматов, отбивались гранатами. Смерть ходила рядом.

Два немца были убиты, несколько ранены. Остальные отошли. У нас был убит автоматчик охраны, один ранен - пуля раздробила ему кость левой руки. Мы, как могли, перевязали его и оттащили в укрытие.

Как немцы, так и наши несли большие потери. Белорусская земля обильно пропиталась кровью. И всё же к вечеру 6 июля полностью были истреблены войска 27-го немецкого армейского корпуса, а его остатки во главе с генерал-лейтенантом фон Траутом были взяты в плен.

Штаб 4-й немецкой армии был рассеян. Генерал В. Мюллер радировал командующему группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалу В. Моделю: «Сбросьте с самолёта хотя бы карты местности, или вы уже списали нас?» Ответа на этот крик души Мюллер не получил. Гитлеровцы в конце концов поняли, что высшее командование их покинуло. Положение стало безвыходным. Прорваться на запад не удалось.

Рано утром 8 июля 1944 года генерал Мюллер на лошади в сопровождении трубача выехал в расположение наших войск. Там он написал, попросил размножить и разбросать с самолёта приказ, который гласил:

«8 июля 1944 года. Всем солдатам 4-й армии, находящимся в районе к востоку от реки Птичь.

Наше положение после многодневных тяжёлых боёв стало безнадёжным. Мы выполнили свой долг. Наша боеспособность практически сведена на нет. Путь... блокирован, и прорвать кольцо своими силами мы не можем. У нас огромное количество раненых.

П р и к а з ы в а ю: Немедленно прекратить сопротивление...

МЮЛЛЕР»

Это опубликовано в книге «Я нашёл подлинную Родину» генерала Винценца Мюллера (Москва, 1964).

Находясь в плену, Мюллер многое пережил, переосмыслил и стал убеждённым антифашистом. Позднее он стал начальником Главного штаба национальной народной армии и заместителем министра национальной обороны Германской Демократической Республики. Умер Винценц Мюллер в 1961 году.

Так закончилась одна из труднейших операций 31-й армии, проведённая В. Глаголевым.

За время боёв в минском котле с 4 по 8 июля войска 31-й армии нанесли противнику огромный урон: 8 500 убитых, 83 орудия, 24 танка, около 500 автомобилей, захватили в плен 15 тысяч солдат, офицеров и генералов, отобрали у врага 112 пушек, 22 танка, 380 станковых пулемётов, 50 тягачей, 900 лошадей.

Ликвидация минского котла была полностью закончена 11 июля. Всего немцы потеряли в войсках фон Траута и Курта фон Типпельскирха 65 тысяч убитыми и 57 тысяч пленными, в том числе 17 генералов.

Верховный Главнокомандующий И. Сталин решил показать народу силу и мощь Красной Армии. Эти пленные эшелонами были доставлены в Москву и 17 июля от Белорусского вокзала их под конвоем провели по улицам столицы. Москвичи воочию увидели плоды ратного труда 31-й армии и Третьего Белорусского фронта.

Пленные шли, понуро опустив головы, чтобы не видеть ненависти в глазах горожан.

За несколько дней боёв в минском котле мы с Вале́й Русначенко передали и приняли 82 радиogramмы.

* * *

В первой половине войны гитлеровцы, пользуясь превосходством сил и средств, брали в клещи наши войска, окружали и уничтожали их. Во второй половине войны Красная Армия и её сформировавшиеся полководцы, вооружённые передовой военной техникой, сами стали устраивать гитлеровцам котлы с десятками, а то и сотнями тысяч вражеских солдат, дробили их на части и били поодиночке.

Впервые огромный котел по плану, разработанному Г. Жуковым и А. Василевским, был организован под Сталинградом. Этот план получил кодовое название «Уран». Здесь было сконцентрировано 1 миллион 103 тысячи наших войск, 15 500 орудий и миномётов, 1 463 танка и самоходных артиллерийских установок, 1 350 боевых самолётов.

Гитлеровцы насчитывали 1 миллион 11 тысяч человек, 10 290 орудий и миномётов, 675 танков и штурмовых орудий, 1 216 боевых самолётов. Наш перевес был минимальным.

В котле было окружено 330 тысяч немецких, итальянских, румынских солдат и офицеров. К началу февраля 1943 года они были разгромлены, убиты, погибли от голода, попали в плен, в том числе командующий - генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс. Верховный Главнокомандующий признал это «закатом немецкой армии».

В Корсунь-Шевченковской операции были окружены и уничтожены 10 дивизий, в Будапештской - 20 дивизий, в Восточно-Прусской - 30 дивизий, в Пражской - 50 дивизий.

В то же время почему-то мало известен минский котёл, хотя по своим масштабам он несколько не уступает вышеперечисленным. Здесь в окружении оказались 20 дивизий, насчитывающих в общей сложности 110 тысяч солдат и офицеров, и если на уничтожение врага в будапештском котле потребовалось 49 дней, в восточно-прусском - 74 дня, то в минском котле гитлеровцы капитулировали всего через 7 суток.

Я это отношу, прежде всего, к полководческому искусству, боевому опыту, стратегическому мышлению, железной воле руководителей той операции: командующего 31-й армией В. Глаголева и командира 113-го стрелкового корпуса Н. Олешева, на войска которых легла главная тяжесть ликвидации окружённых под Минском немецких армий.

Я благодарен военной судьбе за то, что она даровала мне возможность участвовать в этом грандиозном сражении с такими впечатляющими результатами.

После ликвидации минского котла участвующие в этих боях войска 31-й армии двинулись на запад - догонять ушедшие вперёд основные силы армии.

Без каких-либо происшествий мы проследовали через ставшие уже тылом города и вёски Западной Белоруссии: Заславль, Воложин, Ивенец и другие. Доложили начальнику связи бригады подполковнику Чайкину о выполнении задания. Он поинтересовался: «Ну как жарко было? Обеспечили устойчивую связь? Сколько за неделю передали и приняли радиограмм?» Мы кратко рассказали о своих делах впечатлениях, сдали журнал боевых дежурств. Взводный Конев бегло просмотрел его, подвёл итог: «Что ж, неплохо поработали. Пока отдыхайте, а там видно будет, куда вас направить. Война-то ещё в разгаре работы хватит».

Мы отсутствовали всего неделю, но она нам показалась вечностью столько страшного довелось пережить и повидать, поэтому с радостью увидели ставшие родными лица коллег-«функеров»: Вани Литовченко, Лёши Перенкова, Андрея Шестакова, баламута Сашки Зырянова.

Среди ребят я увидел незнакомого, высокого, очень красивого гвардии старшину с орденом Отечественной войны и медалью «Партизану Великой Отечественной войны». Это был Алексей Михайлович Карпачёв, ставший вскоре моим начальником и лучшим фронтовым другом. Ему сейчас 86 лет, он подполковник МВД, мы регулярно переписываемся.

Перед началом наступления в Белоруссии он с двумя сапёрами минёрами был заброшен на самолёте в тыл к немцам - взрывать железнодорожные пути и мосты. Два взрыва прошли успешно, а на третьем немцы их застукали и стали преследовать, стреляя из автоматов. Минёр Тюленев был ранен в ноги. Карпачёв и второй минёр Ваня Дмитриев пытались нести его, но гитлеровцы настигали. Тогда Тюленев попросил дать ему два диска и пару гранат. Он решил прикрыть Карпачёва и Дмитриева, долго отстреливался, а когда немцы хотели его схватить он взорвал две гранаты.

Я воевал в экипаже Карпачёва четыре месяца - до конца войны. Он часто анализировал перипетии неудачного взрыва, свои действия, подчинённых, искал ошибки, приведшие к гибели Тюленева, осуждая себя. Я, как мог, утешал его.

При высоком росте Карпачёва радисты говорили: «Лёша! Зачем тебе антенна? Возьми телефонный шнур, один конец заправь под пилотку, а другой подключи к антенной клемме и связь на 50 километров обеспечена». Увы, для наших коротковолновых радиостанций РБ, РБ-М, 6-ПК, «Север» это была предельная дальность.

Начальник радиостанции гвардии старшина Карпачёв Алексей Михайлович, в мирное время подполковник МВД

Глава 9

ВЗЯТИЕ ЛИДЫ

После ликвидации минского котла подполковник Чайкин определил меня и Зырянова в экипаж Вани Литовченко.

Ваня, отстукав на ключе очередную радиogramму, перешёл на приём, я отдыхал после ночного дежурства, а Сашка Зырянов куда-то отлучился. Вдруг он, взволнованный, вбежал в палатку и крикнул: «Радька (он почему-то звал меня не Уранием, а Радием)! Идём скорее к дороге - посмотри, что там происходит - ты такого даже в кино не видал!» - «Неужели ёлочные подарки раздают? - притворно удивился я. - Так до Нового года ещё далеко, да и выросли мы из детского возраста». Зная повышенную эмоциональность и восторженность Зырянова, его почти детскую непосредственность, я не особенно заинтересовался душевным порывом Зырянова, но он буквально сгорал от нетерпения что-то мне показать. Наконец Ваня Литовченко не выдержал: «Что там необычного увидел, Зырянов?» И Сашка, захлебываясь от волнения, начал рассказывать, что по дороге рекой течёт конница, кавалеристы все в бурках, кубанках, а техники - ужас сколько! Колонна растянулась на километр, а то и более, конца не видно. Ваня Литовченко, более информированный, чем мы, подтвердил: «Да, Саша, ты прав. Нашей армии генерал Черняховский придал для взятия Лиды и Гродно 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Н. Осликовского и 2-й Тацинский гвардейский танковый корпус генерал-майора А. Бурдейного. Вероятно, по шоссе движется кавалерийский корпус. Можете посмотреть!»

Мы с Сашкой побежали к шоссе, и я не пожалел об этом. Действительно, ничего подобного я доселе в жизни не видел. Впереди корпуса в открытом «виллисе» рядом с водителем сидел узколицый генерал-лейтенант при всех наградах, сзади автоматчики охраны, адъютант и радист. Вслед за «виллисом» двигался «додж» с генерал-майором и старшими офицерами, а за ними поэскадронно, полк за полком, шла кавалерия.

Конники были вооружены автоматами и ручными пулемётами. На солнце блестели медные эфесы шашек. У донских казаков были красные лампасы, у кубанских - голубые. Такие же цвета были на вершинах кубанок.

В посадке всадников прослеживалась какая-то удаль, особая лихость, присущая людям храбрым, отважным, какая-то былинная картинность, дескать, знай наших!

Между кавалерийскими полками, в проёмах, двигалась техника. Сашка был прав - её здесь было видимо-невидимо: артиллерийский самоходный полк, дивизион катюш, полк противотанковых пушек-«соток», полк зенитных 37-миллиметровых пушек-«тявкалок», полк танков Т-34.

До начала войны в Красной Армии шла целая дискуссия - нужна ли нам кавалерия, или её надо «сдать в архив истории».

Война подвела итог дискуссии. Кавалерия с атаками лавой, с тачанками, строчащими из пулемёта веером на бешеной скорости, не нужна. А вот такая, как у генерала Осликовского, вооружённая полками артиллерии всех категорий и даже танками, успешно решала сложные тактические задачи.

«Вот это да-а-а!» - восхищённо протянул Сашка.

Этот корпус помог 31-й армии взять Лиду, отважно сражался на Немане, взял Гродно и был удостоен почётного наименования «Гродненский», хотя и понёс потери.

* * *

Перед Лидой к нам в бригаду приехал для вручения боевых наград член военного совета 31-й армии генерал-майор Карпенков.

В числе других отличившихся в боях был минёр - молодой казах Аскар Серкебаев (фамилию я помню неточно). Перед его призывом в армию с фронта вернулся его старший брат с орденом Славы третьей степени, но без одной ноги. Орденом его отец гордился, а о ноге горевал. Когда Аскара провожали в армию, то его отец сказал: «Сынок! Возвращайся с фронта с таким же орденом, но на обеих ногах». У Аскара - сына степей, скотовода -

были чуткие пальцы пианиста. Он легко обнаруживал мины и осторожно разминировал их. На его счету были сотни снятых мин. Аскара вызвали из строя награждённых, и генерал Карпенков приколот к его гимнастёрке орден Славы, как у старшего брата. Аскар сиял и ладонью поглаживал орден.

Вдруг командир взвода минеров крикнул: «Аскар Серкебаев! Ко мне!» Оказывается, что недалеко от строя награждённых было обнаружено минное поле, и Аскару приказали принять участие в его разминировании. То ли от радости от получения ордена, то ли по другой причине, но опытный минёр потерял свою чуткость и осторожность: неверное движение, взрыв (минёр ошибается раз в жизни), и вот окровавленное тело нового орденосца неподвижно лежит на земле. Старшина-санинструктор Вера Котова стала бинтовать Аскара. Подошёл генерал Карпенков, всмотрелся, скомандовал: «Отставить, старшина, видишь - он отходит». Генерал встал на колени, поцеловал Аскара в лоб, затем отцепил орден Славы, передал его начальнику политотдела бригады, подполковнику Сычёву: «Отправьте родителям на память о сыне-герое».

Старшина-санинструктор Котова Вера Александровна ведет большую военно-патриотическую работу, москвичка

Войска армии во взаимодействии с танкистами успешно наступали на город Лида. Командир 2-го Тацинского гвардейского танкового корпуса генерал-майор А. Бурдейный направил танковую бригаду в обход Лиды, чтобы отрезать путь отступающему противнику.

Однако рейд бригады нуждался в инженерном обеспечении: разбор лесных засек, ремонт мостов, снятие мин и другое. Генерал Бурдейный попросил роту сапёров для решения этих задач. В их числе для радиосвязи с бригадой попал мой друг-томич Леся Беликов. Роту сапёров разместили на танковой броне. Для этих целей к корпусу танка привариваются скобы, чтобы держаться за них и при тряске не упасть под гусеницы. Танки взревели дизелями, рванулись и двинулись на выполнение приказа. Веселый,

улыбающийся Леся помахал мне пилоткой, а у меня сжалось сердце - увидимся ли мы ещё.

Дней через пять я вновь увидел друга, но едва узнал его. Внешний вид Леси был ужасен: обмундирование пропиталось пылью и из цвета хаки стало тёмно-грязным. Леся был худой, как скелет, с провалившимися глазами, трясущимися руками, подёргивающимся от тика лицом.

Я спросил: «Что случилось?» Он ответил, что половину роты гитлеровцы скосили из пулемётов, что за время танкового рейда он почти не спал и не ел, всё время висел на волосок от смерти. Я распечатал банку американской тушёнки, прозванной солдатом «вторым фронтом», дал ломоть хлеба и ложку. Леся не съел и половины банки, рухнул в траву и вырубился.

Я долго думал о трагедии сапёров-десантников, потом достал блокнот и авторучку, и через полчаса сочинил вот это стихотворение:

Когда становится невмочь
 И низко нависает небо,
 Когда не спал ты третью ночь
 И пятый день не видел хлеба,
 Когда походы и бои
 Тебя до точки измотали
 И нервы крепкие твои
 Уже не выдержали, сдали...
 Когда в уставшей голове
 Спирали и круги роятся,
 Когда ты пал в густой траве
 И сил нет от неё подняться,
 Мой друг! Припомни ты тогда
 Бои, где вместе побеждали,
 Разрушенные города
 И как гвардейцы погибали,
 Как Минск горящий нас встречал,
 Друзей далёкие могилы,
 Как белорус нам руки жал,
 И, может быть, найдёшь ты силы,
 Чтоб вновь на запад - до конца
 С радиостанцией шагать
 И пот с усталого лица
 Пилоткой мокрой вытирать,
 Чтоб вновь идти в огонь и мрак

Под свод грохочущего неба,
В день отражать по пять атак
И по три дня не видеть хлеба?

Леся спал около суток. Проснувшись, он достал тушенку, умылся из родника, повеселел. Тогда я решился зачитать ему стихи. Он заново переживал пережитое во время танкового рейда. Его глаза несколько раз увлажнились, но он не вытирал слёз.

12 сентября 1976 года, когда я отмечал свой пятидесятилетний юбилей, Леся приехал ко мне из Томска. Мы просмотрели мой фронтальной альбом, фотоснимки семнадцатилетних фронтовиков-ефрейторов, затем я достал блокнот с этими стихами. Глаза Леси, как тридцать два года назад, увлажнились, но на сей раз он их вытирал платочком, ибо это уже был седой, много переживший ветеран.

* * *

Лида была взята вечером 9 июля 1944 года в основном силами 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Н. Осиковского и 193-й стрелковой дивизии полковника Ковалевского из 31-й армии.

В приказе Верховного Главнокомандующего говорилось, что Лида - крупный железнодорожный узел и важный опорный пункт обороны немцев на Гродненском направлении. Москва салютовала войскам, освободившим Лиду, но наши сапёры в приказе почему-то не упоминались.

В западно-белорусских городах и сёлах на входе-въезде всегда стоял огромный крест с распятием Иисуса Христа, а под ним укреплялась чаша со святой водой и висел рушник - расшитое полотенце. Прежде чем войти в город или вёску, путник должен был окунуть в святую воду ладонь правой руки, вытереться полотенцем, перекреститься и тогда уже входить.

В отличие от Орши, Борисова, Минска, Лида не была сильно разрушена. Это был типично провинциальный западно-белорусский городок с католическим и униатским населением, которого насчитывалось тысяч

пятьдесят-шестьдесят, очень зелёный, с многочисленными культовыми зданиями.

Пользуясь часом-другим свободного времени, идем знакомиться с Лидой. Население здесь пёстрое. К восточным белорусам мы уже привыкли, адаптировались, наладили контакты, научились в какой-то мере понимать язык. Западные белорусы отличались от восточных по ряду особенностей. Одевались они более нарядно, носили костюмы, галстуки и шляпы европейского покроя. Женщины были более свободны в обращении, следили за модой. Язык горожан включал в себя много польских слов, ибо эта часть Белоруссии долго находилась в составе Польши.

Нас поразила высокая степень религиозности людей: в костёл, униатскую церковь на богослужение шли целыми семьями нарядные люди. Заходили в церкви и мы, слушали стройное пение хора, в том числе знаменитую «Аве Мария». После богослужения шли мирские объявления: «Стась Малиновский обручился с Магдой Антоневиц» или: «У вдовы Шупени ушёл со двора и разыскивается рыжий бычок половозрелого возраста».

Церкви и костёлы периодически звонили, чаще это был благовест - редкие удары в один колокол - так созывали на богослужение.

Лида была известна с XII века, даже имела средневековый, правда, полуразрушенный от войн и времени замок.

Нам, выросшим и воспитанным в неверии, грубым материалистам, не верящим ни в бога, ни в чёрта, повышенная религиозность западных белорусов, порою граничащая с фанатизмом, казалась какой-то нарочитой. Они каждодневно в молитвах просили у бога милости, просили помочь и защитить. Несмотря на то, что бог не помог и не защитил, а гитлеровцы творили террор, унижали и грабили народ, их вера не была поколеблена.

Лиду очень хорошо впоследствии описал в своём интересном и знаменитом романе «В августе сорок четвёртого» В. Богомоллов.

* * *

Лида была перенасыщена войсками, поэтому комендатура отвела нам деревню Русаки. Однако бригадный врач майор Краев и его боевая помощница старший лейтенант Валя Зоря обнаружили в нескольких домах тифозных больных, и начальник штаба бригады полковник Тихомиров решил разместиться в лесу на большой поляне, по которой протекал ручей с холодной родниковой водой. Комендантский взвод быстро натянул девять палаток, одну из них отвели радистам. Оттуда всё время доносился стук телеграфного ключа и писк морзянки. Связь - прежде всего!

Наш экипаж состоял из трёх человек: сержанта Лёши Перенкова, меня и ефрейтора Саши Зырянова.

Собрав на поляне всех «управленцев», Тихомиров сказал, что в наших тылах бродят разбитые в боях остаточные группы немцев, иногда численностью несколько десятков человек, которые могут внезапно напасть и уничтожить штаб. Поэтому личный состав должен быть постоянно настороже и иметь под рукой автомат или карабин, а на ремне две гранаты.

По периметру поляны постоянно курсировали два солдата из отделения охраны бригадной контрразведки Смерш. В тот же вечер на поляну вышли два одичавших, грязных, голодных фрица с поднятым руками, кричавшие: «Плен, плен». Оружия при них не было, а вид бы такой жалкий, что повар Костя сжалился, положил им по полкотелка перловой каши и дал по ломтю хлеба.

Основной пищей красноармейцев была каша, в основном перловая иногда овсяная, ещё реже - гречневая или пшённая. Острые на язык солдаты быстро придумали кашам иные прозвища. Так, перловка во всех частях огромной армии от фронта до Тихого океана именовалась «шрапнелью», овсяная - «конским рисом» и так далее. Маленький сержант из Усть-Чарышской пристани Алтайского края Петя Быструшкин даже сочинил в честь каш шуточное стихотворение, из которого я запомнил лишь две строки:

Каша манная - ночь туманная,

Каша пшённая - авиационная...

С известной долей воображения можно сказать, что каша была верным союзником солдата и что с её помощью была разгромлена гитлеровская Германия и её сателлиты. Солдат-ветеран говорил новобранцу: «Ты, паря, ещё мало каши ел, чтобы рассуждать об этом».

Когда окончилась война, нашей 31-й инженерно-сапёрной бригаде маршал И. С. Конев приказал выстроить в районе города Левенберга в Силезии военный городок для Центральной группы советских оккупационных войск. В этих целях бригаде для ускорения строительства была передана тысяча пленных немцев. Их посадили на наш продовольственный рацион, то есть в основном на щи и кашу. Дня два пленные питались тем же, что и мы, а на третий забастовали, бросили работу, выбрали делегацию к командованию бригады с перечнем требований в части питания. Полковник Воронцов, сменивший на должности комбрига Проневича, приказал начальнику политотдела подполковнику Сычеву урегулировать возникший конфликт. Тысячу пленных выстроили на большой поляне. Сычёв по микрофону через переводчика обратился к немцам: «Господа пленные. Вы четыре года разрушали экономику СССР, жгли наши заводы и колхозы, миллионами убивали наших людей, оставив под открытым небом вдов, сирот, стариков. Вы должны искупить свою вину, построить военный городок. Мы кормим вас по той же норме, что и наших солдат. В рюкзаках ваших убитых товарищей наши бойцы находили венгерское сало, краковскую колбасу, голландский сыр, французский сыр и другие деликатесы. А наши солдаты на перловке и пшенке разгромили вас и выиграла войну. И сейчас они - победители - едят те же каши. Посмотрите на них - они сытые, крепкие, выносливые. Так что не бастуйте. Ешьте, что вам дают. Ничего другого у нас просто нет».

Немцы - рациональная нация. Они поняли, что с нас действительно взять нечего, видели, что мы питаемся теми же щами и кашей, и перестали бастовать.

Сашка Зырянов сидел недалеко от немцев и следил, как они, двигая небритыми подбородками, жадно поглощали «шрапнель» - так на солдатском сленге называлась перловая каша. Окончив еду, они демонстративно стали шарить по карманам, как бы отыскивая сигареты, которых у них давно не было. Шофёр Помогаев, который привёз нас из Смоленска на фронт, сжалился и подал им газету и пачку махорки, но европейцы не знали, как из этих заготовок соорудить сигарету. Тогда Помогаев показал «сверхчеловекам», как сворачивать «козью ножку», зажёг её от спички и подал немцу, тот затянулся, но тут же поперхнулся и долго надсадно кашлял. Второй немец внимательно наблюдал за процессом изготовления «цигарки» и уже сам смастерил себе курево. Подошёл второй шофёр Кудров с автомашины ЗИС-5 и ещё больше поразил фрицев, чем Помогаев своей «козьей ножкой». Он достал кисет, насыпал из него на листок газеты щепоть махорки, поспешил край листка и взял самокрутку в рог. Затем Кудров вытащил из кармашка на кисете стальное огниво, кремь и трут и начал высекать огонь: искры густо сыпались на трут, затем он зажёг и вспыхнул. Кудров степенно прикурил от него свою «цигарку», выпустил изо рта густое облако табачного дыма, а «огневые принадлежности» спрятал в карман кисета.

Старший фриц, не выдержав, презрительно процедил: «Примитив!» Кудрова это задело: «Примитив, говоришь? А кто создал самолёты, пушки, танки лучше ваших? А кто сконструировал катюшу - вы-то не сумели? А кто разгромил ваши хвалёные, непобедимые войска под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, да и здесь, в Белоруссии?» Видно, немец, всё же кое-что понял и замолчал. Вскоре пленных куда-то отвели.

После этого «визита» немцев в распоряжение штаба бригады наши старшие командиры: полковник Тихомиров, начальник политотдела

подполковник Сычёв и начальник отдела контрразведки Смерш майор Баландин - собрали нас на поляне и провели обстоятельную беседу о бдительности и боевой готовности. Мы хорошо понимали беспокойство начальников, но в менталитете славян издавна сложилась такая отрицательная черта, которая воплотилась в поговорке: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». В километре от нашего расположения был зажиточный хутор: большой дом, три дойные коровы, много другой живности. Солдаты из отделения охраны отдела контрразведки повадились ходить на хутор и покупать молоко. И вот на третье утро, когда они вновь пошли за молоком, их обстреляли из автоматов немцы, забредшие на хутор на ночёвку. Один солдат был убит, второй тяжело ранен, а третий прибежал в расположение и поднял тревогу.

Полковник Тихомиров сколотил отряд из двенадцати человек с автоматами и карабинами и повёл его к хутору. Меня и Сашку Зырянова взял под опеку полкомвзвода старший сержант Г. Жуков, привезший нас на фронт. По пути к хутору Жуков стремился преподать нам элементы тактики боестолкновения: начнут стрелять - передвигаться короткими в пять-шесть шагов перебежками и тут же падать, и откатываться в сторону; бежать не по прямой, а зигзагами; стрелять только лёжа.

Начальник штаба бригады полковник Тихомиров был опытным сапёром, но в тактике боя был слабоват. Мы шли на хутор единой цепью, а следовало бы разделить её и половину направить в обход хутора, чтобы отрезать немцам путь к отступлению, перебить их.

Когда мы приблизились к хутору метров на двести, немцы открыли по нам огонь. Мы залегли и начали стрелять короткими очередями. Здесь я вновь услышал звук рядом летящих пуль. Кто-то матюгнулся и застонал - ранило.

Убедившись, что силы неравны, немцы решили отступить. Прячась за деревьями, они скрылись в зарослях лещины. Мы овладели хутором. В огороде лежали убитый и тяжело раненый солдаты отделения охраны отдела

Смерш. Сюда же подтащили двух раненых в атаке на хутор. Вера Котова делала им перевязки. Внутри дома нашли убитого немца- он стрелял в нас через оконный проём, и пуля попала ему в лоб.

Полковник Тихомиров приказал подобрать убитых и раненых и доставить их в расположение. Носилок у нас не было, поэтому на землю клали параллельно две винтовки СВТ, на них укладывали раненого и несли. Дорогой кровь из раны солдата лилась мне на полу английской шинели. В расположении штаба я долго смывал кровь в ручейке.

Опасаясь, что небольшой численно штаб бригады может стать в лесу лёгкой добычей какой-нибудь остаточной немецкой группы, полковник Тихомиров решил вернуться в село Русаки. Бригадный врач майор Краев и фельдшер Валя Зоря обошли всё село и нашли несколько благополучных от тифа домов, где мы и разместились. А на опушке леса, где было расположение штаба, под холмиками, остались двое солдат отделения охраны отдела контрразведки бригады, неосторожно отправившиеся на хутор за молоком.

В 1974 году издательство «Молодая гвардия» выпустило самую интересную и правдивую, на мой взгляд, детективную книгу В. Богомолова «В августе сорок четвёртого». Позже она не раз издавалась, но под другим названием - «Момент истины». Читал её не отрываясь, ибо описываемые в ней события происходили в городе Лида и его окрестностях, то есть там, где мы воевали: наступали, держали связь, перевязывали раненых, хоронили убитых.

Книга воскресила в памяти давно пережитое, характерные польские словечки и выражения: «проше пана до мешкана», «кепско» (плохо), «не разумем» (не понимаем), «не вем» (не знаю), «фшистко едно» (всё равно), «вёска» (деревня), «файна» (красивая), «хербат» (чай), «люстра» (зеркало) и другие.

Вспомнилась шуточная песенка, которую напевала красавица-вдова пани Зося, приворожившая начальника радиостанции наплавного лёгкого переправочного парка Федю Мурзинова:

Недалэко от Кракува,
Там, где гура есть песнова,
Стоял костел мурованы,
А в костеле двери-стены...

Далее Зося пела, как в костёл пришёл бедный крестьянин-старик и спросил икону «матку-бозку-ченстоховску», как ему жить на белом свете.

А икона мув ни слова –
Такб бэла их размова
(А икона не сказала ни слова - такой был у них разговор).

Телефонист Саша Кадейкин, спасший мне жизнь на минном поле в Орше, сочинил про любовников Федю и Зося шуточный куплет с польским колоритом:

Ну-ка, Зоська, глянь-ка в склянку (окно).
Идзе (идёт) Федька, жарь солянку.

Читая книгу Богомолова, задним числом становится страшно – как много, оказывается, бродило банд вокруг Лиды: и немецких, и литовских, и польских, стремившихся к уничтожению наших солдат и офицеров и завладению их документами и оружием.

Оказывается, был приказ командующего фронтом Черняховского о том, что личному составу частей и подразделений разрешается выходить за пределы расположения только группами не менее трёх человек и при наличии у них автоматического оружия. Меня же подполковник Чайкин посылал дважды из села Русаки в Лиду за радиолампами и батареями одного, вооруженного лишь винтовкой СВТ - очень ненадёжной в стрельбе. На моё счастье, бандитов на пути я не встречал.

Глава 10

НЕМАН - ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА БЕЛОРУССИИ

С самого начала операции по освобождению Белоруссии 71-й стрелковый корпус наступал на правом фланге 31-й армии, 36-й стрелковый корпус - в центре, а 113-й - на левом фланге. Такой порядок сохранился до выхода армии к Неману – западной границе Белоруссии.

Ядро 31 -й инженерно-сапёрной бригады с первых дней наступления двигалось в боевых порядках 71-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Героя Советского Союза П. Кошевого.

Я полагал, что военная судьба выведет нас к городу Гродно. Я читал, что это старинный, основанный ещё в XII веке город с очень нелёгкой судьбой - он в XIV веке вошёл в состав Великого княжества Литовского, в XVI веке попал под власть Польши, а в 1793 году был присоединён к России. В 1919 году в ходе неудачной для РСФСР войны с Польшей Гродно был оккупирован белополяками и освобождён только в 1939 году.

Читал, что в центре города на Замковой горе сохранились руины древних построек, что город расположен по обоим берегам Немана, но увы... на Гродно двинули 36-й стрелковый корпус Героя Советского Союза генерала К. Провалова; 71-й корпус, в боевых порядках которого двигалось командование 31-й инженерно-сапёрной бригады, командармом В. Глаголевым был нацелен на небольшой курортный литовский городок Друскенинкой. Чуждое для русского уха название в войсках армии трансформировалось в более приятное - Друскеники.

Город был удивительно чистым и зелёным, знаменит своими лечебными ваннами. Когда-то сюда «на воды» съезжалась аристократия Литвы. А ещё нам объяснил местный интеллигент, что здесь жил и работал знаменитый литовский композитор и художник Микалоюс Чурлёнис. К сожалению, я впервые слышал это имя. Гид даже показал нам дом, где он жил.

Против Друскеников дивизии корпуса Кошевого форсировали Неман, создали на его левом берегу плацдарм, который стали понемногу расширять и углублять, но переправившимся войскам остро не хватало тяжёлой техники.

Штаб нашей бригады расположился в соседнем лесу в нескольких километрах восточнее Друскеников - под сенью высоких, кряжистых, разлапистых сосен, скрывавших его от наблюдения с воздуха.

Генерал Глаголев приказал комбригу Проневичу срочно соорудить мост на западный берег Немана для пропуска основных сил корпуса и особенно тяжёлой техники.

Сапёры приступили к работе. Характер реки здесь песчаный, пригодный для сооружения свайного моста. Все параметры: скорость течения, ширина реки, её глубина - были разведаны заранее, ещё в тылу врага. Было решено строить свайный мост. Ещё в тылу на пилораме были заготовлены толстые брёвна, которые с помощью крана вертикально ставили острым концом в дно реки и копром забивали до необходимого уровня.

Немцы прекрасно понимали значение моста и всячески старались помешать мостовикам. Они накрывали место строительства артиллерийским огнём, залпами шестиствольных миномётов-«скрипачей», бомбили с воздуха.

Мне было приказано держать с переправой постоянную связь, хотя телефонисты Вася Соковец, Миша Тимохин и Саша Кадейкин уже протянули от штаба бригады телефонный кабель и параллельно подключили два аппарата. На одном из них дежурила сибирячка из посёлка Яя Лена Жулдыбина, а на другом - донской казак Дегтярёв.

Полковник Тихомиров приказал мне всё время находиться в режиме приёма, быть у него постоянно под рукой на случай, если осколки перебьют кабель и телефонная связь нарушится.

С антенным проводом я забрался на вершину высокой сосны, укрепил его конец, а другой вставил в антенную клемму. Решил проверить дальность

действия радиостанции, вызвал радиостанцию 202-го инженерно-сапёрного батальона, отстоящую от командного пункта бригады на расстоянии 50 километров. Ответил барнаулец Андрей Шестаков, с которым я учился на радиокурсах. На мой кодовый вопрос «ЩСА?» (как меня слышите?) Андрей ответил: «ЩСА-5» (слышу отлично). Я перешёл на приём.

На переправе радиосвязь держали вятич Лёша Киселёв и барнаулец Робеспьер Заякин.

Время шло медленно. Вдруг посыпалась дробь морзянки, передавались группы из трёх мягких знаков: «та-ти-ти-та» - это означало «срочное сообщение». Я ответил: «ЩРЖ» - готов принять. И Заякин сообщил, что при взрыве снаряда тяжело ранен в ноги и живот начальник радиостанции сержант Киселёв, нужна помощь. Я тотчас доложил об этом подполковнику Чайкину. Он приказал шофёру Герасимову срочно отвезти на переправу для замены раненого Киселёва сержанта Лёшу Перенкова. Они тотчас уехали.

Сооружение моста через Неман у Друскеников стало в тот день для бригады задачей номер один. Командование армией торопило комбрига Проневича, и он приказал начальнику штаба бригады Алексею Тихомирову взять на себя руководство строительством. Хотя на командный пункт строящегося моста была проложена телефонная связь, а на самом мосту работала радиостанция Перенкова и Заякина, Тихомиров решил иметь под рукой свою радиостанцию и приказал мне ехать с ним. Через пять-семь минут на берегу Немана мы вышли из «виллиса». Тихомиров и его ординарец спустились в приготовленный для них окоп, в котором уже дежурила на телефоне Лена Жулдыбина. Тихомиров приказал мне вырыть недалеко щель: «Возможна бомбёжка, а бережёного бог бережёт, земля-матушка сколько жизней спасла. Я буду вести переговоры по телефону, а ты держи, сынок, рацию в боевой готовности. При порыве связи у Жулдыбиной заменишь её радиосвязью». Моя РБ-М была дублирующей связью.

Малой сапёрной лопатой в песчаном грунте я вырыл щель, сделал для рации приступочек и вошёл в связь с Ваней Литовченко - начальником головной бригадной радиостанции, о чём доложил Тихомирову.

Он приказал мне установить связь с командиром 202-го инженерно-сапёрного батальона подполковником Целищевым, чтобы узнать, налажена ли переправа через Неман под Гродно для пропуска войск 36-го стрелкового корпуса генерала Провалова.

Моя рация работала на штыревой антенне со звёздочкой, а это означало, что дальность передачи в два раза меньше и до Гродно не дотягивала. Надо было опять лезть с шестом на вершину сосны - это заняло бы по времени минут десять, о чём я доложил Тихомирову. «Ну что, сынок, - сказал подполковник, - надо - действуй! Только не сорвись с сосны».

Наконец я вызвал рацию Ивана Лавриненко, который обслуживал Целищева, и попросил пригласить к микрофону комбата. Когда тот взял микротелефонную трубку, Тихомиров приказал ему доложить обстановку. Целищев сообщил, что переправа налажена и что войска переправляются на левый берег Немана. Тихомиров сказал: «Лады! Так держать!» - и отключился. У него и здесь было много дел.

Я сидел под огромной вековой сосной. Рация работала на приём. Донесений не поступало. На строящемся мосту ухал копёр, забивая в дно реки мостовые сваи, стучали кувалды, прибывая прогоны, тюкали топоры, иногда доносился мат - это командир «воспитывал» оплошавшего мостовика.

А вокруг цвело лето. Небо было голубым со стайками кучевых облаков. Желтоватый Неман, видимо, от песчаного дна, катил свои воды в Балтийское море. Мощные разлапистые сосны подступали чуть ли не до уреза реки. Округа дышала покоем, и казалось, что никакой войны нет. Бывали на войне такие мгновенья.

Немцев отогнали от Немана километров на десять. Их тяжёлая артиллерия почему-то молчала, не обстреливала стройку. Видимо, враг готовил неприятный сюрприз.

Внезапно метрах в десяти от моей щели остановились два «виллиса». В первом сидел генерал-полковник Глаголев с адъютантом, радистом и двумя автоматчиками. Во втором - наш «батя», комбриг Проневич. С горки к ним сбежал подполковник Тихомиров и доложил обстановку.

Выслушав рапорт, командарм озабоченно покачал головой: «Переправа, если немцы позволят, будет готова в лучшем случае завтра к вечеру, в худшем — послезавтра к утру. А мне надо перебросить на левый берег весь корпус Кошевого как можно раньше. Сил на плацдарме немного, а тяжёлой техники и вовсе нет. Войска там сдерживают противника ценой невероятных усилий, несут потери. Их возможности обороняться уменьшаются. Надо придумать что-то другое. Если промедлим с переброской главных сил, можем потерять плацдарм. Это нам не простят. Комбриг Проневич! Что можете предложить? Вы же опытный сапёр!» Наш любимый «батя» стоял рядом с командармом без фуражки, лёгкий ветерок с реки шевелил его седые волосы, лицо было озабочено. Через минуту он предложил: «У начальника инженерных войск армии генерала Марьина есть в резерве недалеко отсюда в лесу 90-й отдельный армейский тяжёлый понтонно-мостовой батальон. И командует мастер своего дела, прекрасный мостовик майор Семёнов. Если вызвать его сюда, то часа через три-четыре он наведёт переправу. Танки ИС понтоны вряд ли выдержат, а вот «тридцатьчетверки» - запросто. А тяжёлые танки и артиллерию резерва Верховного Главнокомандующего мы пропустим завтра по нашему мосту». Командарм удовлетворённо кивнул головой: «Это дельное и реальное предложение. Радист! Вызывай генерала Марьина».

Через пару минут радист доложил, что генерал Марьин в эфире и передал микротелефонную трубку генералу Глаголеву: «Девятый! первый! Перебрось-ка срочно в квадрат (он справился по карте) Семёнова с его хозяйством. Действуй!»

Глаголев посмотрел на ясное небо и спросил:

- Переправу не бомбили? Погода-то для «бомбёров» идеальная.

- Нет, товарищ командующий. Из дальнобойных пушек обстреливали, были жертвы, а «юнкеров» пока не было. Правда, «рама» кружилась, вынюхивала.

- Это они дают вам возможность построить переправу, а затем пошлют эскадрилью «юнкеров», чтобы уничтожить её. Радист! Вызови генерала Сёмина.

Я знал, что Сёмин - командующий артиллерией армии. Раза два видел этого сухощавого генерала. «Седьмой! - обратился к генералу Глаголев, - это первый, я в квадрате (он назвал номер), прикрой мы от воздуха дивизионом МЗА».

Затем Глаголев вновь обратился к Проневичу:

- А как дела с переправой войск у Гродно?

Вместо Проневича ответил Тихомиров:

- Мост через Неман комбат-202 Целищев закончит к вечеру, а наплавной парк Голушко работает, пропускает пехоту и лёгкое оружие.

- Это тот самый Голушко, который на Березине был «командармом и генерал-полковником»?

- Тот самый, товарищ генерал!

- Молодец! Представьте его за Неман к «Отечественной войне». Я здесь побуду, пока Семенов наведёт переправу, а Сёмин прикроет понтонёров и мостовиков с воздуха. Солнце невыносимо печёт, давайте укроемся в каком-нибудь блиндаже. Пивка бы сейчас по кружечке, да где взять?

Так невольно и совершенно случайно я оказался наблюдателем деятельности командующего армией генерал-полковника Глаголева, понял, какая огромная ответственность за судьбы сражений, за жизни подчинённых лежит на этом человеке, какие стратегии сформировались за время войны.

Вместе с тем я смог ближе рассмотреть этого незаурядного человека. Он был выше среднего роста, строен, не имел присущей некоторым генералам полноты, на лицо худощав. Когда он снял фуражку и стал носовым

платком вытирать пыль с лица, я увидел, что он носит короткую причёску с зачёсом волос направо. Лицо его было озабоченным, глаза - усталыми. На кителе сияла золотая звезда Героя Советского Союза. Глядя на него, я порадовался, что нашей армией командует такой волевой, вдумчивый, заслуженный полководец.

В наушниках запищала морзянка. Я схватил карандаш и стал записывать радиограмму, уже не обращая внимания на высокое начальство.

Вскоре загудели ЗИСы с тяжёлыми понтонами - это подходило «хозяйство» майора Семёнова. Из кабины первого грузовика выскочил крепко сбитый комбат и доложил командарму о готовности навести переправу. Получив добро, он махнул рукой, и грузовые машины, натруженно гудя моторами, стали подъезжать к реке, поворачивались кормой, давали задний ход, въезжали в воду и по рольгангам скатывали в реку громадные металлические угловатые чаны - понтоны. В носовой и кормовой частях резервуаров имелись большие кольца. Понтонёры вставляли в них стальные канаты, между понтонами крепили прогоны, а на них клали настил. Работа шла споро, движения понтонеров были чёткими, скупыми, доведёнными до автоматизма. Такая чёткость радовала глаз.

С одного ЗИСа скатили в воду катер. На него впрыгнули майор Семёнов и несколько понтонёров с кувалдами и мощными металлическими кольями. Катер помчался на другой берег Немана, разводя за собой косяк волн. Там понтонёры стали забивать колья для крепления канатов.

Майор Семёнов чувствовал, что за действиями понтонёров наблюдает командующий армией, и, стараясь «показать товар лицом», развернулся во всём блеске. Его чёткие и деловые команды, отработанные многолетней практикой, выполнялись безукоризненно и быстро. Второй катер стоял на якоре на середине реки - к нему и наращивался понтонный мост.

Генерала Глаголева захватила чёткая работа понтонёров, он восхищённо похваливал: «Какие молодцы! Чётко и быстро работаете - хвалю!» А на берегу майор-артиллерист расставлял малокалиберные

зенитные орудия МЗА-37 - автоматы. Их обойму с десятью снарядами вставляли в магазин, при стрельбе нажималась педаль, и пушка выбрасывала одновременно груды металла. Каждый снаряд весил 730 граммов, а дальность его полета составляла шесть-восемь километров. За одну минуту пушка выпускала до 180 снарядов и могла создавать плотную зону осколков. Вражеские самолёты сбивались не прямым попаданием, что случалось чрезвычайно редко, а именно разлетающимися при взрыве осколками.

Сапёрный взвод под обрывом выкопал блиндажик для командарма и комбрига на случай налёта «юнкеров». Так делалось всегда. Тяжёлый понтонно-мостовой батальон дотянул переправу чуть ли не до другого берега. Заметно рос и мост, сооружаемый сапёрами. Я видел, как на его середине, сидя рядышком, Лёша Перенков и Робеспьер Заякин держали связь. Там периодически появлялся подполковник Тихомиров. Радисты вручали ему полученные радиограммы, получали от него указания и «гнали» их в эфир.

Ничто в такой чудесный солнечный день не предвещало беды, а она была рядом. Над рекой показалась «рама» - двухфюзеляжный немецкий разведчик, попортивший много крови нашим войскам. Он фиксировал подлежащие бомбёжке объекты и сообщал по инстанции, а вслед за этим с аэродромов поднимались «юнкеры» и несли бомбы к цели. Зенитчики дружно ударили по «раме», но она резко поднялась вверх и стала уходить из зоны обстрела. Однако она уже успела сообщить своему начальству обстановку на переправе. Там быстро среагировали. В небе послышался прерывистый, воющий звук немецких бомбардировщиков. Они клином в количестве девяти шли к переправе.

Капитан-зенитчик через мегафон подал команду: «Воздух! Всем в укрытие!» - а через пару минут затягивали зенитки-автоматы. В голубом небе стали вспыхивать разрывы снарядов. Их число множилось.

Вот «юнкеры» уже над целью. Один за другим они соскальзывали через крыло вниз и бросали бомбы. Над поверхностью Немана поднимались

высокие столбы воды с песком. Часть бомб падала на левый и правый берега реки и рвалась со страшным грохотом, выворачивая из земли столетние разлапистые сосны. Земля ходила ходуном, колыхалась под ногами. В мою щель тёк песок, я накрыл рацию плащ-палаткой, чтобы он не попал в схему.

Я читал, что самое страшное в мире - это ад, но люди воспринимают его умозрительно, а здесь был реальный ад, только без горячей смолы и чертей с рожками. «Только бы не остаться без рук-ног, лучше смерть» - такая мысль сверлила мозг.

Внезапно рядом раздался страшный грохот, на меня навалилась какая-то тяжесть, на время я потерял сознание, а когда очнулся, то понял, что взрывной волной сдвинуло массу песка, и меня им засыпало по грудь. Невдалеке лежала поваленная взрывом сосна. Я начал ворочаться, двигать руками, откопал живот, ноги, рацию. В сгибе правой руки торчала щепка, текла кровь. Я перевязал руку бинтом и начал проверять работу радиостанции. Она работала в режиме приёма. Я переключил ее на передачу и сообщил Ване Литовченко о бомбежке переправы - большего я пока не знал.

А реальность оказалась неприятной: на носилках к медпункту пронесли лежащего без сознания, с мертвенно-бледным лицом полковника Тихомирова - он был ранен в живот. На следующих носилках несли телефонистку-сибирячку Лену Жулдыбину. У неё осколком была рассечена левая грудная железа, а второй осколок пропорол ягодицу. Вернувшись из госпиталя, Лена шутила: «Раной в грудь я буду гордиться всю жизнь, а вот как объяснять рану в ягодицу?» К сожалению, жизнь у Лены оказалась короткой - она умерла в 36 лет. Война всё же догнала её. Правда, она оставила на свете четверых детей. На третьих носилках пронесли телефониста - донского казака Дегтярева - у него была вырвана ягодица. Он в бригаду больше не вернулся.

Вскоре на прежнем месте, недалеко от моей щели, вновь появились генерал Глаголев и полковник Проневич.

Строящийся мост поврежден не был. Позже я где-то читал, что, несмотря на кажущуюся уязвимость, попасть бомбой в мост шириной

Телефонистка взвода связи бригады Жулдыбина Елена Федоровна, бывшая доярка из Яшкинского района. Тяжело ранена на переправе через Неман

Жулдыбина Елена с сыном и братом Павлом - инженером Юргинского машзавода

в пять-шесть метров далеко не просто. Хотя осколками у нас было убито и ранено несколько человек. Перенков и Заякин не пострадали.

Хуже обстояло дело с понтонной переправой майора Семёнова. Осколками бомб перебило скрепляющие канаты, и огромные стальные чаны поплыли по реке. Их было штук пять-шесть.

Комбат Семёнов, в одном лишь кителе и трусах, без фуражки, шаровар и сапог, на катере с командой понтонёров догонял плывущие по реке понтоны. Их хватали кошками на стальных тросах и тащили к переправе, где вновь нанизывали на канаты. Два или три понтона были пробиты осколками и затонули. Их заменили спущенными на воду запасными.

Переправа была почти готова, когда вновь налетели «юнкеры» и снова повредили переправу. Майор Семёнов был ранен. Санитар перевязал ему голову. Он продолжал собирать и нанизывать понтоны на удерживающий канат.

Глаголев и Проневич внимательно наблюдали за действиями бравого комбата. Потом генерал взял у адъютанта мегафон и крикнул: «Майор Семёнов! Ко мне!» Катер от западного берега быстро перебрался на восточный. Семёнов хотел было надеть шаровары, сапоги и фуражку, но командующий приказал: «Отставить! Подойди как есть!» Семёнов всё же надел на забинтованную голову фуражку, чтобы иметь право отдать генералу честь по установленной форме.

Комбат спрыгнул с катера на песок, встал перед командующим по стойке «смирно» и хотел отдать рапорт, но Глаголев скомандовал: «Отставить! Всё видел сам. Герой!» Он обнял майора и крепко поцеловал:

«Ты сегодня сделал для Победы больше всех. Поздравляю тебя со званием Героя Советского Союза». Майор Семёнов приложил правую руку к фуражке и взволнованно отчеканил: «Служу Советскому Союзу».

Командующий отстегнул от своего кителя Золотую Звезду Героя Советского Союза и приколот её к кителю Семёнова, сказав: «Пока носи мою звезду, а когда свою получишь - вернёшь».

Поступок Глаголева выглядел благородно. Где-то читал, что так иногда поступали некоторые императоры и полководцы. В конце августа 1944 года, когда мы дислоцировались в польском местечке Мурованы Мост, в газете «Красная Звезда» я прочитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении командиру 90-го тяжёлого понтонно-мостового батальона майору С. В. Семёнову звания Героя Советского Союза.

Семёнов был ранен. Кровавое пятно проступало через бинт. Командующий спросил: «У тебя есть хороший заместитель, чтобы заменить тебя?» Семёнов ответил, что есть, но хотел бы лично поучаствовать в пропуске на западный берег войск 71-го корпуса. Однако Глаголев приказал увезти его в госпиталь.

После чего командарм приказал радисту вызвать командира корпуса Кошевого и сказал ему: «Пётр Кириллович! Переправа через Неман готова, ведите войска!»

А наш «батя» полковник Проневич, лишённый начальника штаба бригады подполковника Тихомирова и телефонистов, приказал мне вызвать штаб бригады и дал команду приехать к строящемуся мосту подполковнику Артёменко - для руководства, двум телефонистам и одному радисту, чтобы сменить меня.

Вскоре на «виллисе» приехали подполковники Артёменко и Чайкин. Последний привёз двух телефонистов: Мишу Тимохина и «дочь бригады» шестнадцатилетнюю Аню Беляеву, мне на смену - Сашу Зырянова.

Чайкин участливо спросил меня: «Ну, натерпелся страха? Знаю - знаю, не рассказывай. Сдай вахту Зырянову и возвращайся в штаб бригады. Можешь отдыхать до утра».

За этот день я повидал и пережил столько, сколько хватило бы на целый взвод. Пешочком, по песчаной дороге, по густому сосновому лесу я добрался до головной рации бригады, покушал и мгновенно уснул.

Когда часа через два я проснулся, мой новый коллега - партизан гвардии старшина Алексей Карпачёв предложил мне прогуляться по Друскеникам.

Несмотря на то, что через город дважды прокатилось страшное колесо войны: в июне 1941 года и июле 1944 года, Друскеники почти не были разрушены. Город был чистым, уютным, зелёным. Деревья вдоль тротуаров были аккуратно подстрижены, сами тротуары были выложены крупными разноцветными плитами. Дома были кирпичными, выстроенными по индивидуальным проектам, крыты черепицей или цветным шифером, их архитектура была разнообразна, иногда оригинальна. Некоторые здания находились не на красной линии улицы, а в глубине двора. Ограды были отлиты из чугуна либо выполнены из сетки-рабицы. Перед домами располагались цветники, кое-где были дворовые фонтаны.

Мы с Лёшей откровенно любовались благоустроенностью и красотой города. Грызла обида за бедность и неблагоустроенность наших городов, вроде моего родного Бийска, пыльного, неухоженного.

* * *

Наша бригада за форсирование Немана и участие во взятии Гродно была отмечена в приказе Верховного Главнокомандующего, а 202-й инженерно-сапёрный батальон двадцатисемилетнего подполковника Целищева был удостоен почётного наименования «Гродненский». Сам Целищев был награждён вторым орденом Красного Знамени. Война быстро разбиралась в людях.

При освобождении Гродно и наведении переправы через Неман радиосвязь сыграла огромную роль. Начальник радиостанции 202-го батальона Иван Лавриненко был награждён орденом Красной Звезды.

Неман не идёт ни в какое сравнение с такими могучими и полноводными магистралями, как Волга, Обь, Енисей, Амур, но он широко известен истории тем, что на нём 25 июня 1807 года был заключён Тильзитский мир между Россией и Францией.

Увы... этот мирный договор в 1812 году был вероломно нарушен, как в 1941 году Гитлером был нарушен мирный договор Германии с СССР.

И вот, спустя сто тридцать семь лет после встречи Наполеона и Александра Первого, наши войска по наведенному бригадой мосту переезжают Неман.

За взятие городов Лида, Друскенинкой, Гродно, за форсирование Немана (а это важные вехи и впечатляющие победы 31-й армии) было большое награждение.

По традиции награды «обмывали». Свежие кавалеры клали ордена и медали в алюминиевую кружку с водкой, чокались и, не вынимая награды, выпивали стоя «наркомовскую норму», а уже затем прикрепляли орден или медаль к гимнастёрке.

3 июля 2004 года в честь 60-летия освобождения Белоруссии я получил от Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко благодарственное письмо с пожеланием доброго здоровья, праздничного настроения, благополучия, заботливого отношения родных и близких.

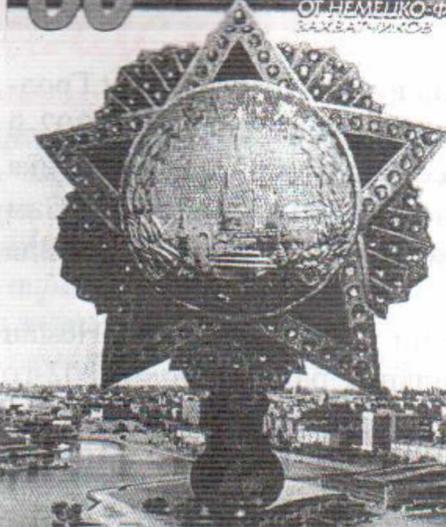
27 сентября 2005 года я был награждён от имени Президента Республики Беларусь медалью «60 год вызвалення Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў».

Эти награды мне очень дороги, ибо я заслужил их на восемнадцатом году жизни.

60 -я ГОЛОВИНА
ОСВОБОЖДЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
 ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
 ЗАХВАТЧИКОВ

3 ЧИСЛО ДЕНЬ
 НЕЗАВИСИМОСТИ
 РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
 ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ

Уважаемый *Урагий Иванович!*

Примите мои сердечные поздравления с 60-й годовщиной освобождения нашей страны от немецко-фашистских захватчиков.

Для Беларуси 3 июля - это День Независимости, национальный праздник и героический день Победы. В этот День мы вспоминаем 60 лет назад и результаты героической борьбы за освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Мы с гордостью чтим память героев, которые сражались и погибли за свободу нашей Родины. Мы с гордостью чтим память героев, которые сражались и погибли за свободу нашей Родины. Мы с гордостью чтим память героев, которые сражались и погибли за свободу нашей Родины.

С уважением
 Председатель
 Республиканского Комитета

Александр Лукашенко

Александр Лукашенко

УДОСТОВЕРЕНИЕ
Зелькович
Урагий
Иванович
 награжден(а)
 юбилейной медалью
 "60 ГОД ВЫЗВАЛЕННЯ
 РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
 АД НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІХ
 ЗАХОПНІКАЎ"

МІНІСТАРСТВО АРМІІ І СПОРТА
 РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
 МЕДАЛЬ "60 ГОД
 ВЫЗВАЛЕННЯ
 РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
 АД НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІХ
 ЗАХОПНІКАЎ"
 2005 года
 Военная комиссия Республики Беларусь
 М.П. района г. Костюково

Я дежурил на РБ-М в блиндаже узла связи. Рядом стоял сто-номерной коммутатор, на котором дежурили две телефонистки: «дочь бригады» шестнадцатилетняя Аня Беляева и москвичка Валя Богданова. Время шло к полуночи. Затрещал якорёк блинкера. Из 11-го гвардейского инженерно-сапёрного батальона девчонок приглашали на вечер по случаю награждения. Девчонки стали упрашивать меня отпустить их на вечер, где будут танцы («не помним, когда танцевали»), музыка, вокал:

- Уран, миленький, нагрузка и у тебя, и на коммутаторе минимальная, ты один справишься, а мы повеселимся. А то кто знает, что нас завтра ждёт: может, госпиталь, а то и смерть?

- А Чайкин, а Конев - вдруг нагрянут с проверкой? Костей не соберёшь!

- А ты скажи: вышли девчонки, а куда - не знаешь. Не обязан же ты нас караулить!

Я сказал: «Как знаете!» Они чмокнули меня в щёку и ушли. Я остался один. Нагрузки не было. Время тянулось медленно. Шёл второй час ночи.

Затрещал якорёк блинкера на нижней красной полосе коммутатора, куда были выведены телефоны командного состава бригады. «И кому это не спится во втором часу ночи?» - подумал я, глянул в список абонентов. Это звонил начальник тыла бригады, старейший пятидесятилетний офицер, бывший чапаевец полковник Иванушкин - живая легенда бригады, награждённый ещё за гражданскую войну орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Как человек старой закалки он признавал только довоенные ордена. В ходе Великой Отечественной войны было учреждено немало новых наград: ордена Славы, Суворова, Ушакова, Кутузова, Нахимова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского, Отечественной войны.

Они имели необычную, непривычную для глаз конфигурацию и напоминали награды Барклая де Толли, Багратиона, Ермолова, а поскольку это были «царские» генералы, то Иванушкин - выходец из бедной

крестьянской семьи - к новым орденам относился без должного пиетета, даже иронически вышучивал их.

Свои рассказы (а поговорить он любил) начинал одинаково: «Я как старый чапаевец...» И вот этот ветеран решил глубокой ночью кому-то позвонить. Я немедленно включил штекер в его гнездо коммутатора: «Слушаю вас, товарищ шестой». - «Вот что, боец, вызови-ка мне первого».

Первым в списке абонентов значился командир бригады полковник Проневич - наш «батя».

Я естественно, не видел в этот момент полковника Иванушкина, но, судя по тому, как он тяжело ворочал языком и едва выговаривал слова, я понял, что «старый чапаевец» крепко пьян. Зная, какая нечеловеческая нагрузка лежит на комбриге, видя его усталость на строительстве моста, я попытался отговорить Иванушкина разбудить Проневича: «Товарищ шестой, сейчас полвторого ночи, первый спит. Может, утром поговорите с ним, если дело не срочное». - «Ты меня не учи - молод ещё. Приказываю: вызывай первого».

Делать было нечего. Я вставил дублирующий штекер в гнездо комбрига и ненадолго нажал на ключ вызова. Никто не взял трубку. Я сказал Иванушкину: «Товарищ шестой! Первый не отвечает».

Иванушкин помянул чью-то мать и приказал: «Вызывай ещё!» Я послал длинный вызов. Послышался сонный голос комбрига: «Первый слушает».

Нарушая все каноны конспирации, Иванушкин вместо кодового наименования сказал:

- Товарищ комбриг! Что же такое творится - уму непостижимо. За взятие Лиды и Гродно, за форсирование Немана бригаде выделили столько наград, что их удостоились даже прибывшие недавно на фронт «Ваньки-взводные», а меня - старого чапаевца - обошли. Разве не обидно? А служба тыла обеспечила личный состав и продовольствием, и обмундированием, и инженерным оборудованием, и боеприпасами, и горючим.

Комбриг поддел своего заместителя по тылу:

- Это ты от обиды языком едва ворочаешь или же другая причина есть?

Сколько ты принял на грудь?

- Да не так много, товарищ комбриг, всего-то бутылку «Арарата».

- А не многовато ли для нашего с тобой возраста?

- Может, и многовато, только уж больно обидно стало - обошли меня, не заметили мои труды. Может, как-то можно эту оплошку исправить, товарищ комбриг?

- Ну, и какой орден ты хотел бы получить?

- Товарищ комбриг! Если уж полковник Иванушкин не заслужил настоящего ордена, то, может быть, удостоите меня ордена Минина и Пожарского или Степана Разина?

- А разве есть такие ордена - я что-то не слышал?

- Как же, как же, товарищ комбриг, есть - большой такой, там в центре сидит мужик в железном шлеме и с секирой.

Полковник Проневич рассмеялся:

- Так это орден Александра Невского, но им награждают командиров батальонов и рот - майоров и капитанов, а ты у нас заместитель командира бригады, полковник. Ладно! Спи! А завтра что-нибудь придумаем.

Полковник Проневич как командир соединения имел право награждать отличившихся в боях, вплоть до ордена Красной Звезды, какой он и вручил на следующий день своему заместителю по тылу. Старый чапаевец сиял.

Вообще-то прослушивать разговоры категорически запрещалось, но кто в два часа ночи мог это обнаружить, а разговор-то был интересный.

Девчата-телефонистки пришли лишь под утро и с порога блиндажа стали извиняться:

- Ты прости нас, Уран, пожалуйста. Мы давно в свете не были. А там, в 11-м батальоне, гвардейцы такой вечер организовали, как в мирное время. И стол был обильный, и выбор вин богатый, и хор был на высоте, а танцы,

танцы: и «Рио-Рита», и «Брызги шампанского», и польки-фокстроты. Впечатлений до конца войны хватит. Мы так рады! Спасибо тебе!

- Не оправдывайтесь, девчата, я тут был свидетелем такого интересного разговора, что до конца дней не забуду.

* * *

Динамика войны не всегда позволяла пользоваться котловым довольствием. Кухни часто не поспевали за наступающими войсками, поэтому у каждого солдата в вещмешке хранились две-три пачки какого-нибудь концентрата, с полкило сухарей, пачка сахара-рафинада.

Однажды в такой ситуации я решил сварить в котелке гороховый суп из концентрата, распечатал пачку, а из неё выпал листок клетчатой ученической бумаги. Развернул его и прочёл стихи, написанные полудетским почерком: «Ты из вкусной этой смеси суп горячий изготовь и прими с пакетом вместе нашу жаркую любовь» - и подпись: «Маша Беспалова». А ниже приписка: «Дорогой воин. Если хочешь со мной подружиться, пиши по такому-то адресу». Я был очевидцем таких «почтовых романов».

А 8 июня газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР, который вызвал, большой резонанс и обсуждался на все лады несколько недель, вызывал большие споры.

Указ устанавливал, что только зарегистрированный в органах загса брак признаётся государством, и женщина, родившая ребёнка в таком браке, вправе получать алименты на содержание малыша. И, наоборот на ребенка, родившегося от случайной половой связи, мать не имела права получать алименты. Она считалась матерью-одиночкой и имела право получать пособие на ребёнка от государства, впрочем, мизерное поскольку почти весь бюджет страны шёл на военные нужды.

Указ оживлённо дискутировался среди фронтовиков. Умудрённый жизненным опытом, бывший судебный исполнитель, помощник командира взвода связи старший сержант Григорий Жуков, привёзший нас на фронт,

сидя на пенёчке в лесу с газетой, комментировал молодым ефрейторам своё видение этой важной демографической проблемы:

- За годы войны в стране произошла огромная убыль населения, особенно мужского. Потери исчисляются не в один десяток миллионов человек. Половина, наиболее населённая часть страны, разрушена врагом - её надо восстанавливать. А людей мало, где их взять? Надо рожать - другого выхода нет. А как рожать, если на три бабы приходится один мужик? Приходится делить его на троих, но он не может одновременно находиться в трёх браках. У нас многожёнство запрещено. Какой же выход? А выход в том, чтобы разрешить мужикам иметь без юридических последствий внебрачные связи. Мужик теперь не будет бояться, что его случайная партнёрша забеременеет. Этими проблемами будет заниматься государство путём выдачи пособий на ребёнка матерям-одиночкам.

Я обратился к Жукову:

- Иосифович! Всё, что ты говорил, трудно опровергнуть, но размер пособия матери-одиночке, согласишься, чисто символический: что она может купить на него - разве булку хлеба?

- Верно! - ответил Жуков. - Но что делать, если страна разрушена, а бюджет почти целиком идёт на нужды войны. Вот после войны станем жить побогаче и пособие увеличим.

Тут в разговор вмешался известный бабник, не пропускавший ни одной юбки, начальник радиостанции наплавного лёгкого переправочного парка старший сержант Фёдор Мурзинов:

- А я двумя руками голосую за Указ. Давно бы пора принять его, а то вся любовь была отравлена горечью. Прилепишься к бабёнке, войдёшь в раж, достигнешь высот наслаждения, а душу червячок точит: а вдруг забеременеет, пойдёт начальству жаловаться, переспал, получил удовольствие, а утром передислокация, бригада двинулась в наступление. Поцелуешь её - бедолагу, скажешь, что после войны вернусь, поженимся -

она и рада. Даже сала шматок даст и самогонки-первача во фляжку нальёт. Милое дело! Сколько я на боевом пути таких обещаний надавал - не счесть.

Григорий Жуков продолжал:

- Понимаю, что бабёнкам-одиночкам придётся туго. Делать аборт под страхом уголовной ответственности нельзя, все беременности должны заканчиваться родами. Пособие на ребёнка символическое - дитя не прокормишь. Придётся бедной матери крутиться как белке в колесе, но что делать? Сталин и Калинин прежде всего о государстве думают.

Я вмешался:

- А матери-одиночки и их внебрачные дети разве не государство?

- Ну, это уже разговор в пользу бедных.

А Указ от 8 июля 1944 года был отменён в 1955 году. Демографическая картина к тому времени улучшилась, матери-одиночки вне брака нарожали для страны миллион маленьких граждан. Несмотря на серьёзные изъёмы (особенно возложение непомерной ноши на советскую женщину), Указ сыграл в приросте населения страны огромную положительную роль.

* * *

И вот мы за Неманом. Это уже Польская Народная Республика - чужая страна, заграница.

Вот первая встреча с местным населением. День был жарким. Рот пересох, язык царапался, как наждак. Я вошёл в первый попавшийся двор, чтобы напиться прохладной колодезной воды. Во дворе бегал в длинной рубашке до пят малыш лет двух с половиной, а его мать кормила у хлевушки поросят. Увидев незнакомого солдата, ребёнок от страха закричал, кинулся бежать к матери, но, запутавшись в подоле, упал. Я поднял маленького «иностранца» и понёс к матери, которая с беспокойством следила за нами: «Зачем пожаловал в её двор русский «жолнеж»? Не сулит ли его визит какой беды?»

Но я мирно поздоровался и попросил напиться. Пани успокоилась и предложила мне хербата. Возник языковой барьер, который пришлось

преодолевать с помощью мимики и пальцев, Выяснилось, что мудрёное польское слово «хербат» означает всего-навсего чай. От чая русский жолнеж не отказался, и пани пригласила его в «мешкане», попросту в хату.

Восточная Польша (а это было Сувалковское воеводство) была бедна. Хаты были чаще глинобитными. Хотя рядом тянулись знаменитые Августовские леса с огромными деревьями, полы были не деревянные, а глинобитные, крыши крыты очеретом (камышом) или соломой. «Майонты» (обстановка) в хате была самая примитивная, но пани всё же угостила меня хорошим бодрящим чаем с мятой и ещё какими-то травами. Я поблагодарил её, а малышу подарил кубик сахара-рафинада.

* * *

Белоруссия, операция «Багратион» остались позади. Впереди 31-ю армию ждали Восточная Польша, Восточная Пруссия, Кёнигсберг, а затем переброска на Первый Украинский фронт: Силезия и Чехословакия. Сколько испытаний, трудов, потерь и побед было на этом пути, но операция «Багратион» по освобождению Белоруссии навсегда осталась в сердце и памяти.

На Западном берегу Немана войска 31-й армии и части 31-й Оршанской Краснознамённой, ордена Кутузова второй степени инженерно-сапёрной бригады, выполнив задание Ставки и израсходовав людской и технический потенциал, перешли к обороне.

За время наступления они прошли всю Белоруссию с востока на запад, преодолев более 700 километров. Темп наступления нередко составлял двадцать-тридцать километров в сутки.

Успех, достигнутый четырьмя фронтами в Белорусской операции, был использован Верховным Главнокомандованием для решительных действий на других направлениях: 10-24 июля перешли в наступление войска Ленинградского фронта, 3-го и 2-го Прибалтийских, 1 -го Украинского фронта.

Фронт стратегического наступления расширился от Балтики до Карпат.

В ходе Белорусской операции была разгромлена одна из наиболее мощных вражеских группировок - группировка армий «Центр», причём 17 дивизий и 3 бригады были полностью уничтожены, а 50 дивизий потеряли более половины своего состава.

Родина высоко оценила боевое мастерство и массовый героизм воинов Красной Армии: 662 соединения и части получили почётные наименования в честь белорусских городов. 471 человек был удостоен звания Героя Советского Союза, свыше 402 тысяч награждены орденами и медалями.

Столица Белоруссии - Минск - в 1974 году была удостоена звания «Город-Герой».

Я, как уже писал ранее, родился 12 сентября, а мой отец - военный прокурор 19-й армии Зенькович Иван Григорьевич - 27 сентября. Где-то в начале октября 1944 года я уже в Польше получил от него письмо, в котором он в стихах сообщал о своём дне рождения и благословлял меня на ратные подвиги. Помню лишь два четверостишия из этих стихов:

Мне тридцать девять исполнилось лет,
Тридцать девятый сентябрь миновал...
Шёл я дорогой борьбы и побед –
За них я сейчас поднимаю бокал...
От тебя же, мой сын дорогой,
Я почётных трудов ожидаю,
Благословляю твой путь боевой
И на подвиг тебя призываю.

Подвигов я не совершил, но воинский долг исполнял честно, и свидетельство тому - 2 142 принятые и переданные радиogramмы. С полным основанием могу присоединиться к словам песни: «Этот день мы приближали, как могли...»

*Гвардии сержант Зенькович Ураний Иванович - радист 31-й
Оршанской Краснознамённой ордена Кутузова инженерно-сапёрной бригады*

*Война победоносно окончена.
Связисты 31-й Оршанской Краснознаменной ордена Кутузова второй
степени инженерно-саперной бригады перед ее расформированием*

Глава 11

ЗАПИСКИ ФРОНТОВИКА

На фронтовых дорогах было немало интересных встреч, ярких, запомнившихся на долгие годы событий, о которых хочется рассказать. Это пожелтевшее от времени письмо давно стало для меня реликвией. И не случайно: на его конверте стоит штампель «Вёшенская», а под текстом синими чернилами знакомая подпись «Шолохов».

Письмо напоминает мне о том, как волею счастливого случая довелось быть писателю Михаилу Шолохову проводником в одной из его фронтовых поездок. А дело было так.

В конце августа 1944 года, когда наши войска, измотанные и обескровленные двухмесячными непрерывными боями за освобождение

Белоруссии, перешли к обороне, стали пополняться живой силой и техникой, меня временно откомандировали в штаб инженерных войск 31-й армии для обеспечения его радиосвязью с 31-й инженерно-сапёрной бригадой и её батальонами.

Пятый справа в верхнем ряду У. И. Зенькович. Июль 1945 года

С большой неохотой я выполнил этот приказ: жаль было расставаться с боевыми друзьями, да и обслуживать связью высокое начальство, особенно грубого генерала Марьина, радисты не любили.

Знал бы я заранее, какая интересная и волнующая встреча меня там ожидает!

Утром 12 сентября мне, уже бывалому солдату, прошедшему всю Белоруссию, исполнилось восемнадцать лет, и я проснулся с предчувствием чего-то необычного. В полдень ординарец генерала сержант Гаценко вызвал меня к генералу. В отличие от других руководителей войск армии, живших в блиндажах, генерал Марьин предпочитал фургон-автобус, где у него был

служебный кабинет, столовая и спальня. Поднявшись по трапу в столовую генерала, я доложил о своём прибытии. Генерал пил чай, а против него сидел невысокий сухощавый полковник и тоже держал в руке мельхиоровый подстаканник. В отличие от генерала, у него были красивые усы. Лицо полковника показалось мне удивительно знакомым, но сколько я ни напрягал память, так и не мог вспомнить, где я его видел.

Поставив подстаканник на скатерть, генерал спросил меня, знаю ли

Двадцать восьмой моторизованный штурмовой инженерно-саперный батальон восстанавливал взорванный немцами мост через Дунай между словацким городом Комарно и венгерским городом Комаром. Радист У. И. Зенькович. Ноябрь 1945 года

я, где дислоцируется штаб 31-й инженерно-сапёрной бригады? Я ответил, что знаю, так как несколько дней назад я работал при этом штабе.

- Отлично! - заключил генерал. - Вот сопроводишь туда полковника

- Есть! - ответил я, и мы с полковником спустились по трапу из автобуса.

- А почему генерал не дал вам своего «виллиса», товарищ полковник, ведь пешком до штаба бригады часа полтора-два пути?

- Зачем же пешком, - засмеялся полковник, - я хоть и не генерал, но и у меня есть «виллис», только его задержали на контрольно-пропускном пункте в двух километрах отсюда.

И мы зашагали по тропинке к контрольно-пропускному пункту. Шли мы через могучий сосновый лес. Под сапогами хрустели опавшие сухие шишки. С минуту шли молча, потом полковник спросил:

- А ты, ефрейтор, из каких краёв будешь?

Я ответил вопросом на вопрос: почему начальство начинает беседу с солдатом с выяснения вопроса - из каких краёв он происходит? Полковник не рассердился и вновь спросил:

- А ты этот вопрос, случайно, не у Леонида Соболева позаимствовал?

- Да, товарищ полковник, такой вопрос задал один из героев романа Соболева «Капитальный ремонт» гардемарин Левитин матросу Тюльманкову, и тот так же ответил, как и я.

- Ну, и как, понравился тебе этот роман?

- Очень, товарищ полковник, - ответил я, - Леонид Соболев - писатель высокого ранга, у него яркий, образный язык, да и морское дело он превосходно знает, жаль только, что он роман почему-то не дописал. Впрочем, не он один в этом грешен - вот и Шолохов «Поднятую целину» тоже не дописал.

- Да, и Шолохов тоже, - с каким-то оттенком грусти сказал полковник, - не только солдаты, но и писатели не всегда вольны в своих действиях. И всё же, откуда ты, ефрейтор?

- Я сибиряк, товарищ полковник, родился в старинном городе Бийске, а прадед мой по матери был крещёный бурят.

- То-то в твоём лице есть что-то азиатское.

- Как у Блока: «Да, скифы мы, и азиаты мы с раскосыми и жадными очами».

- У нас на Дону, - сказал полковник, - тоже в лицах видна смесь многих народов.

- Знаю, - подтвердил я, - об этом и Шолохов писал в «Тихом Доне», когда английский генерал шел вдоль строя почётного караула казаков и поражался разнообразию лиц.

- Верно говоришь, ефрейтор. А ты, оказывается, литературу неплохо знаешь.

- Очень люблю читать, - подтвердил я, - да и мать у меня литературу в школе преподаёт.

Полковник внимательно посмотрел на меня:

- А сколько тебе лет, ефрейтор?

- Как раз сегодня исполнилось восемнадцать.

- Неужели? От души поздравляю тебя, ефрейтор, желаю вернуться с фронта живым и с медалью на груди.

Он протянул мне руку, и я почувствовал сильное рукопожатие его небольшой ладони: - И как давно ты воюешь?

- С мая 1944 года, а в армии с семнадцати лет, окончил в Новосибирске шестимесячные радиокурсы.

Полковник засмеялся:

- А ты, ефрейтор, оказывается уже ветеран - ведь на фронте месяц идёт за три. У вас в бригаде есть майор Шолохов, ты, случайно, его не знаешь?

- Его все знают, майор - человек известный, он очень начитанный (говорят, на «гражданке» был директором техникума), нечиновный - к нему можно обратиться в любое время, с любым вопросом, и почти всегда

получишь обстоятельный ответ. Правда, есть у него одна слабость. Пользуясь сходством фамилий, выдаёт себя за брата писателя Шолохова.

- А он и есть мой двоюродный брат, - задумчиво произнёс полковник, - я вот еду к нему повидаться.

Я невольно глянул в лицо собеседнику: мать честная! Точно писатель Шолохов - вот почему его лицо сразу показалось мне знакомым. И нос горбинкой, и усы, и внимательные глаза.

- Извините, Михаил Александрович, не узнал вас, в хрестоматии вы в гражданском, а здесь в военном, да ещё в звании полковника.

- Ну, полковник-то я, положим, сезонный - на время войны только, а вот писатель-то я, видно, на всю жизнь.

Показался контрольно-пропускной пункт. Там под разлапистой сосной стоял «виллис» с шофером за рулём и тремя офицерами на заднем сиденье.

- Вот моя литературная гвардия, - шутливо сказал Шолохов, - садись, поедем.

- А мне места нет...

- Как это нет, - возразил полковник, - или мы не солдаты? В тесноте да не в обиде. Поместимся!

Шофер откуда-то достал плотно набитый вещмешок и втиснул его в промежуток между передними сиденьями. Мы сели, загудел мотор, и за «виллисом» потянулся густой шлейф пыли. Сидеть было неудобно, тесно, в правый бок давила планшетка полковника, слева шофёр орудовал рычагами, больно задевая левое колено, но мысль о том, что я сопровождаю великого писателя, живого классика, примиряла с неудобствами.

Минут через двадцать мы подъехали к контрольно-пропускному пункту бригады. У шлагбаума дежурил знакомый мне солдат. Я попросил его:

- Костя, подними шлагбаум.

- А кого это ты привёз?

Я нагнулся и шепнул:

- Писателя Шолохова.

Глаза у Кости округлились:

- Врёшь! - но, взглядевшись, он гаркнул: - Здравия желаю, товарищ полковник! Милости просим.

Костя поднял шлагбаум, «виллис» по моей подсказке подкатил к блиндажу политотдела. Я попросил часового вызвать майора Шолохова. Он поднялся по ступенькам, недоумённо оглядываясь.

- Володя, - позвал Михаил Александрович.

- Миша! - крикнул майор. - Вот сюрприз. Как ты здесь оказался?

Братья обнялись. У меня зашипало в глазах, от счастья у братьев навернулись слёзы. Жаль, что тогда не было магнитофонов и моя беседа с автором «Тихого Дона» оказалась незаписанной на плёнку. Так бы сохранился живой голос Михаила Шолохова.

А в апреле 1949 года я получил от Шолохова письмо. Он, в частности, сообщил: «Я всё ещё работаю над окончанием первой книги «Они сражались за Родину» и, положив руку на сердце, скажу: надоела мне эта работёнка так же, как к 1945 году надоела война тем, кто действительно сражался за родину.

Шлю привет и добрые пожелания Вам и Вашим товарищам.

6.4.1949 М. Шолохов».

А вот другая история, связанная с фельдмаршалом Михаилом Илларионовичем Кутузовым - героем Отечественной войны 1812 года.

После взятия Кёнигсберга в конце апреля 1945 года 31-ю армию, в том числе 31-ю инженерно-сапёрную бригаду, перебросили из слякотной и туманной Прибалтики на южный фланг огромного советско-германского фронта, в немецкий городок Бунцлау в Силезии (ныне польский Болеславец). И тут батальоны бригады облетела весть о том, что в этом городке 16 апреля (старого стиля) 1813 года на шестьдесят восьмом году скончался

главнокомандующий российскими войсками, преследовавшими французскую армию, фельдмаршал М. И. Кутузов.

Воспользовавшись небольшой паузой между боями, командование бригады организовало поездку к дому, в котором перестало биться сердце полководца.

Мы выгрузились из «студебеккера» на булыжную мостовую у небольшого двухэтажного дома. И вот немец-экскурсовод рассказывает нам, что недалеко отсюда прусский король Фридрих Вильгельм от имени германского народа в благодарность за освобождение от ига Наполеона преподнёс российскому императору Александру Первому лавровый венок, однако царь передал его Кутузову, заявив, что фельдмаршал имеет больше прав на эту награду. Российские воины одобрили решение императора.

С волнением поднимаемся на второй этаж исторического дома и попадаем в кабинет полководца. Сердце учащает свой бег, возникает чувство прикосновенности к истории - ведь мы находимся там, где полководец составлял планы сражений, где отдыхал от ратных трудов.

На столе под стеклом оперативная карта с пометками рукою фельдмаршала, его приказы, письма. Вот письмо, написанное за неделю до смерти полководца Александру Первому: «Я в отчаянии, что так долго хвораю и чувствую, что ежедневно более ослабеваю и никак не могу ехать даже в карете. Между тем, надобно стараться сколь можно поспешнее сосредоточить армии за Эльбою...» Кое-кто из офицеров и солдат заносит в записные книжки эти строки, свидетельствующие о том, что, находясь, по существу, на смертном одре, Кутузов продолжал думать о судьбе кампании, руководил войсками, планировал разгром врага.

Ощущение было такое, что мы переместились в ту эпоху, что сейчас откроется дверь, войдёт фельдмаршал и строго спросит: «А что это вы, братцы, делаете в моём кабинете?»

С душевным трепетом входим в спальню, где скончался полководец. В правом углу у окна - широкая низкая деревянная кровать, огороженная

чёрной тесьмой. Слева на стене большие старинные часы, остановленные в момент смерти Михаила Илларионовича. В спальне сохранилось кое-что из личных вещей. Все молча переживают в душе необычные впечатления.

Выходим на площадь. Экскурсовод ведёт нас к огороженному массивными цепями обелиску. По углам площадки лежат каменные львы, которые в пасти держат концы цепей. Обелиск в честь Кутузова сооружён в год смерти полководца - в 1813 году по приказу прусского короля Фридриха Вильгельма. Он представляет собой высокую стелу, сужающуюся вверху. Стела изготовлена из тёмного гранита и напоминает штык.

На обелиске на двух языках - русском и немецком - высечено: «До сих мест князь Кутузов-Смоленский довёл победоносные войска, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество своё и отверз путь к избавлению Европы, да будет благословенна память Героя».

Хочется сказать вот о чём. Перед Александром Первым и Кутузовым, как много позже перед Сталиным, Жуковым, Василевским и другими полководцами Великой Отечественной войны, стоял вопрос: «А надо ли после изгнания французских войск из России пересекать границу, освобождать другие, оккупированные Наполеоном страны и народы - ведь это будет стоить огромных жертв?»

Победила и в Отечественную войну 1812 года, и в Великую Отечественную войну 1941-1945 годов точка зрения, что недостаточно изгнать врага со своей территории - это будет лишь половина победы, надо добить его в собственной берлоге. Эта позиция стоила нам огромных жертв.

Только при освобождении Польши погибло более шестисот тысяч советских воинов. Поначалу, когда была свежа память об ужасах гитлеровской оккупации, жила в сердцах благодарность к нашим павшим в боях солдатам и офицерам, погибшим ставили памятники, приносили цветы, чтили их подвиг. Прошло более шестидесяти лет. Сменились поколения, забылись ужасы германской оккупации, изменился государственный строй Польши, и история Второй мировой войны стала переписываться, многое

стало выбрасываться в угоду конъюнктурным соображениям, а памятники нашим воинам стали сношаться. Подобное происходит в Латвии, Эстонии и других странах. Идёт позорная война с мёртвыми.

Когда экскурсия завершилась, немец-хранитель музея Кутузова сообщил нам, что в двух километрах к западу от города захоронено сердце фельдмаршала М. И. Кутузова и на средства русских генералов и офицеров сооружён памятник. Захотелось побывать и там.

И вот наш «студебеккер» на окраине села Тиллендорф у старинного парка. В войну всё делалось быстро. Здесь уже успели оформить красивую аллею, присыпанную желтым песком, установили огромную арку со словами И. Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». Над аркой большой цветной парадный портрет фельдмаршала с Андреевской голубой лентой через плечо. Под ним слова А. Суворова о Кутузове: «При взятии Измаила он шёл у меня на левом крыле, но был моей правой рукой». В конце аллеи на возвышенной площадке стоит монумент в виде колонны с отломанным верхом, но это не следствие войны, а замысел архитектора - этим он желал подчеркнуть, что Кутузов не завершил войны с Наполеоном, не привёл российские войска в Париж, не заключил мира.

Надпись на постаменте от времени полустёрлась, но всё же можно прочесть, что «16 апреля 1813 года князь Кутузов-Смоленский отошёл в сень».

У подножия колонны установлена белая мраморная плита, на которой высечены стихи неизвестного поэта:

Среди чужих равнин, ведя на подвиг правый Суровый строй полков своих,

Ты памятник бессмертный русской славы
На сердце собственном воздвиг,
Но не умолкло сердце полководца
И в грозный час оно зовёт на бой –

С какой оно огромной силой бьётся
В сынах Отечества, спасённого тобой.
И вновь, идя по боевому следу
Твоих знамён, пронёсшихся в дыму,
Знамёна собственной Победы Мы клоним к сердцу твоему.

Да, войска Красной Армии шли боевыми путями армии Кутузова,
прошлое перекликалось с настоящим.

Вокруг колонны - море венков от маршала Конева, командармов
Гордова, Жадова, Лелюшенко, Пухова, Рыбалко, Шафранова, трижды Героя
Советского Союза Покрышкина.

Офицер-экскурсовод из Центрального музея Красной Армии
рассказывает, что после смерти Кутузова врач изъял сердце полководца, его
поместили в серебряный сосуд со спиртом и захоронили в двух километрах
на запад от места кончины фельдмаршала как символ того, что Кутузов всем
сердцем стремился на запад.

Вечером мы, притихшие от необычных впечатлений, вернулись в свою
бригаду, награждённую за боевые действия орденом Кутузова, понимая, что
прикоснулись к одной из славных страниц истории России.

Записки фронтовика хотелось бы закончить стихами поэта-песенника
Л. Дербенёва:

Давным-давно была война,
И там, где всё сожгла она,
Хлеба желтеют и синеют реки...
И тот, кто эту землю спас,
Остался жить в сердцах у нас
Навеки, навеки, навеки...
Давным-давно была война,
Но память нам на то дана,
Чтоб помнить, как весь мир пылал когда-то,
Как беззаветно в пламя шли
И как страну свою спасли
Солдаты, солдаты, солдаты...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1944-1945 годах военная служба увела меня далеко от Белоруссии - в Польшу, Германию, Чехословакию, Венгрию.

Однако в марте 1946 года я вновь попал в Белоруссию и до конца августа 1950 года служил в легендарной Пятой гвардейской танковой армии в Бресте и Бобруйской крепости в составе 4-го армейского полка связи и 110-й зенитно-артиллерийской бригады.

На летних ежегодных манёврах я побывал в Витебской, Гомельской, Могилёвской областях, несколько раз проходил лагерные сборы на зенитно-артиллерийском полигоне в Крупках.

Белоруссия, её славный, героический, трудолюбивый, доброжелательный народ вечно живут в моём сердце.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	4
Предисловие.....	5
Глава 1. Призыв в армию и обучение на радиста.....	6
Глава 2. Служба в 24-м Краснознаменном запасном полку связи Третьего Белорусского фронта	29
Глава 3. Тридцать первая инженерно-саперная бригада 31 -й армии Третьего Белорусского фронта	44
Глава 4. Перед операцией «Багратион»	59
Глава 5. Войска вступили в Белоруссию	65
Глава 6. Березина - рубеж старинный и великий.....	79
Глава 7. Даешь Минск!	89
Глава 8. Минский котел.....	102
Глава 9. Взятие Лиды.....	111
Глава 10. Неман - западная граница Белоруссии.....	124
Глава 11. Записки фронтовика.....	148
Послесловие	159

Дополнительная информация:

Настоящая книга была переведена в электронный текстовый формат в 2017 году Бакальчуком Дмитрием Юрьевичем (главным специалистом Кемеровского районного суда Кемеровской области).

Электронная цифровая копия книги размещена на официальном Интернет-сайте Кемеровского районного суда Кемеровской области <http://kemerovsky.kmr.sudrf.ru/>.

Публикация книги (частично либо полностью) на сторонних Интернет-ресурсах (в том числе печать, копирование, тиражирование и т.д.) возможна только с согласия правообладателя.

Исходные данные печатного издания:

ББК 84Р7-4

356

Зенькович У.И.

От Днепра до Немана: записки фронтовика о стратегической наступательной операции «Багратион» по освобождению Белоруссии / У. И. Зенькович. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. - 135 с.

ISBN 5-202-00281-5.

ББК 84Р7-4

© Зенькович У.И., 2009

© Издательство «Кузбассвузиздат», 2009

ISBN 5-202-00281-5